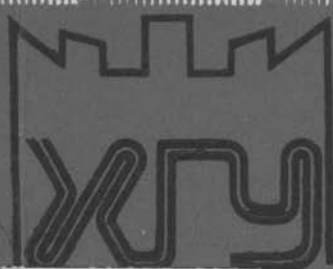

ISSN 0453-8048
ISSN 0320-8281

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

K-14038

316'88

ИСТОРИЯ

Выпуск 22

«ВИЩА ШКОЛА»

1 р. 30 к.

ISSN 0453-8048, ISSN 0320-8281, Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316.
История. Вып. 22. 1—121.

V.N. Karazin Kharkiv National University

СОДЕРЖАНИЕ

Журавский Ю. И., Зайцев Б. П. Из истории комсомольских знамен (1918—1928 гг.)	3
Лантух В. В. Развитие кооперативной торговли на Украине в первые годы нэпа	9
Каплин А. Д. Советская историография второй половины 50 — середины 80-х годов о крахе авантюры Керенского—Краснова	13
Степаненко Т. Л. Первый общеземский съезд по статистике народного образования (1913 г.)	19
Голубкин Ю. А., Могила О. Н. М. Петров как историк	25
Попов Г. Н., Страшнюк С. Ю. Советско-болгарское сотрудничество в области пропаганды киноискусства (1971—1985 гг.)	31
Тумаков А. И. Советско-болгарское сотрудничество в области идейно-политического воспитания трудящихся, занятых на строительстве интеграционных объектов в СССР (1971—1981 гг.)	37
Кравченко А. В. Развитие советско-югославских связей в области театрального искусства (1955—1985 гг.)	42
Хохлова Л. М. Роль Французской коммунистической партии в развитии массовых кампаний против кризиса образования (1958—1965 гг.)	48
Чувпило А. А. Идеино-политическая борьба в Индийском национальном конгрессе по социальным и экономическим вопросам (20—30-е годы XX в.)	54
Кадеев В. И. О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых веках н. э.	61
Латышева В. А. К истории культов населения херсонесской хоры	66
Дьячков С. В. Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первых веках н. э.	74
Цецхладзе Г. Р. К вопросу об этнической принадлежности носителей имени Колх в античном мире	80
Сергеев И. П. Советская историография 50—80-х годов о кризисе III века в Римской империи	85
Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С. Компьютерные методы классификации керамических форм	91
Шрамко Б. А., Бойко Ю. Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерлы	98
Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические стрелы второй половины VII—X вв.	108
Волосник Ю. П., Духопельников В. М. Организация и проведение избирательных кампаний по выборам Харьковского городского Совета (1926—1932 гг.)	111
Головкин Б. Г. Изменение численности рабочих сахарной промышленности УССР (1921—1932 гг.)	118

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 316

ИСТОРИЯ

Основан в 1964 г.

ВЫПУСК 22

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
1988

В вестнике рассматриваются вопросы социально-экономической и политической жизни СССР в первые годы Советской власти, проблемы историографии отечественной истории, важные аспекты экономического и культурного сотрудничества СССР с социалистическими странами. Ряд статей посвящен вопросам истории античных государств на территории нашей страны и археологии.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук, доц. *В. И. Булах* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *Ю. А. Голубкин* (отв. секр.), канд. ист. наук, доц. *Ю. И. Журавский*, д-р ист. наук, проф. *В. И. Кадеев*, д-р ист. наук, проф. *А. Е. Кучер*, д-р ист. наук, проф. *Б. К. Мигаль*, д-р ист. наук, проф. *Г. Н. Попов*, д-р ист. наук, проф. *И. К. Рыбалка*, д-р ист. наук, проф. *И. Л. Шерман*

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-71-66

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

Издано по заказу Харьковского государственного университета.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 316

История

Выпуск 22

Редактор *И. К. Раузова*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *Л. Н. Быкова*

№ 12779—ОИБ

Сдано в набор 20.11.87. Подписано в печать 11.05.88. БЦ 16373. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 7,75. Уч. изд. л. 9. Тираж 500 экз. Изд. № 1598. Зак. 1769. Цена 1 р. 30 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16, 310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

В 0501000000-042
М226(04)-88

© Харьковский государственный университет, 1988

ИЗ ИСТОРИИ КОМСОМОЛЬСКИХ ЗНАМЕН (1918—1928 гг.)

История Ленинского комсомола, 70-летний юбилей которого мы отмечаем, — неотъемлемая часть биографии нашей социалистической Отчизны. Ленинский комсомол — детище Великого Октября, активная созидательная сила советского общества, его могучий потенциал. «Мы партия будущего, — писал В. И. Ленин еще задолго до победы Октября, — а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь» [1, т. 14, с. 163]. История первого в мире социалистического государства убедительно подтвердила ленинские слова. Коммунистический союз молодежи образовался в дни грандиозных революционных свершений. Именно тогда начали складываться славные традиции Ленинского комсомола, которые умножаются и передаются от одного поколения молодежи к другому: горячо откликаться на зов Родины, во всем следовать за партией, всегда быть там, где трудно, в каждом деле проявлять активность и инициативу, умело решать грандиозные задачи коммунистического созидания. «Комсомол, — подчеркивается в Программе КПСС, — помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, в управление государственными и общественными делами, формировать поколение всесторонне развитых людей, готовых к труду и защите Советской Родины» [3, с. 205].

Значительный интерес для изучения истории ВЛКСМ представляет эмблематический материал (значки, выпелы, печати, грамоты и т. п.), в котором нашли отражение дела, начинания, опыт комсомола. Своеобразной и чрезвычайно ценной группой источников являются комсомольские знамена. К сожалению, этот вид источников по истории ВЛКСМ исследован крайне недостаточно. Попытаемся в какой-то степени восполнить пробел. Хронологические рамки статьи опраничим первым десятилетием истории комсомола.

Фотодокументы свидетельствуют, что часто отряды, сформированные из комсомольцев, отправлялись на фронт с красными знаменами, которые вручались им местными комсомольскими комитетами. Надписи-призывы на них указывают, на какой фронт отправлялся отряд. Например, два знамени Николаевской комсомольской организации говорят о том, что комсомольцы Николаевщины принимали участие в борьбе с белополяками и войсками Врангеля. На одном из знамен изображена пятиконечная звезда с серпом и молотом, вокруг которой надпись: «В Варшаву! Во что бы то ни стало!» [19, 0-10862]. На втором — надпись: «Вперед на Врангеля! Крым во что бы то ни стало! Группа КСМУ Ни-

колаевской организации, отправляющаяся на фронт» [8, т. 9, с. 331].

Среди материалов по истории ВЛКСМ большой интерес представляют шефские знамена, символизирующие тесную связь комсомола с Вооруженными Силами страны, с пионерским движением, общественными организациями.

После окончания гражданской войны Коммунистическая партия и Советское правительство продолжали уделять большое внимание обеспечению обороноспособности страны, укреплению ее Вооруженных Сил, в том числе и Военно-Морского Флота. Так, X съезд РКП(б) принял специальное «Постановление по военному вопросу», в котором, в частности, указывалось: «Съезд считает необходимым... принять меры к возрождению и укреплению Красного военного Флота» [2, с. 265]. Партия призвала комсомол к активному участию в деле возрождения флота, и 16 октября 1922 г. V съезд РКСМ принял решение об установлении шефства комсомола над Военно-Морским Флотом. В обращении съезда «К морякам Красного Флота, ко всей трудящейся молодежи РСФСР» говорилось: «Принимая шефство, мы прежде всего обращаемся к комсомольцам-морякам: будьте лучшей боевой частью флота, служите примером для всех молодых моряков. Усердно и настойчиво постигайте все трудности морской службы... Всероссийский съезд призывает всех комсомольцев и всю трудящуюся молодежь каждодневно помогать Красному Флоту и его морякам... Все комсомолы России должны знать: наш Российский Коммунистический Союз Молодежи и в дни мира не бросит якоря в тихой пристани. Мы будем готовиться к тому, чтобы отбить все попытки мировых хищников (откуда бы они ни шли) поработить рабочекрестьянскую Россию» [4, с. 308—309].

Символом шефства комсомола над Красным Флотом стало Красное знамя, врученное делегатам-краснофлотцам V съездом РКСМ. В центре знамени — восходящее солнце в обрамлении колосьев, на фоне которого изображены скрещенные серп, молот и якорь. По ободку окружности солнца помещен девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вокруг этой композиции — надпись: «Орлам Революции — морякам Красного Военного Флота Республики от 5-го Всероссийского Съезда Рос[сийского] Коммун[истического] Союза Молодежи»; в левом верхнем углу, у древка — «Р.С.Ф.С.Р.». Так было положено начало нерушимой боевой дружбы Ленинского комсомола с молодым Военно-Морским Флотом Страны Советов.

Комсомольские организации горячо откликнулись на призыв ЦК РКСМ послать на флот лучших своих представителей. Уже на протяжении первого года шефства РКСМ направил на флот 6500 чел. [14, с. 165]. С октября 1922 по август 1924 гг. только комсомол Украины послал на флот около 8 тыс. своих членов [13, с. 107]. Молодые патриоты в содружестве с рабочими под руководством коммунистов восстанавливали корабли, приводили в порядок порты, доки, судоремонтные заводы и мастерские. Вы-

ступая на IV Всесоюзной конференции РЛКСМ в июне 1925 г., председатель Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе подчеркнул, что возрождением флота страна в значительной степени обязана комсомолу, тем десяткам тысяч членов союза, которые были влиты в состав военных моряков и сумели создать там и моральный, и численный перелом [10, с. 157].

Проводы комсомольцев на флот превращались в народные праздники. В честь будущих краснофлотцев устраивались гулянья молодежи, добровольцев провожали с музыкой, фотографировали у развернутых комсомольских знамен. Например, в Центральном музее Вооруженных Сил СССР экспонируется фотоснимок группы омских комсомольцев, уходящих служить на Балтийский флот. Комсомольцы сфотографированы на фоне развернутого знамени. Знамя это необычное: на нем изображена пионерская эмблема — скрещенные серп, молот и костер. На лезвии серпа слова: «Будь готов!». Вокруг эмблемы — надпись: «От губкома Р.К.С.М.» Вероятно, Омская губернская комсомольская организация тогда еще не имела своего знамени (или оно не было доставлено к нужному моменту) и поэтому пришлось воспользоваться знаменем пионерской организации.

Возможно, таким образом губком хотел подчеркнуть, что это первые добровольцы Омска, откликнувшиеся на призыв V съезда РКСМ. На фотоснимке отсутствует дата. Однако по пионерской эмблеме и по надписи «РКСМ» на знамени фотография может быть датирована маем 1923 — июлем 1924 гг., поскольку первые нагрудные пионерские значки-эмблемы были изготовлены накануне 1 мая 1923 г. [9, с. 117], а в июле 1924 г. Российский Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ) был переименован в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ) [6, с. 138].

Шефское движение комсомола приобретало размах: по решению IV съезда КСМУ (май 1922 г.) комсомольцы Украины приняли шефство над Первым корпусом Червоного казачества. Символом содружества комсомола республики с червоными казаками стало Красное знамя, торжественно переданное президиумом съезда заместителю командующего Украинским военным округом Р. П. Эйдеману [14, с. 162]. В письме президиума съезда говорилось: «Мы взяли на себя обязательство привлечь для помощи Вам широкие массы рабочей и незаможной молодежи, ознакомить с Вашими подвигами каждого молодого рабочего и незаможника, сделать Ваших героев дорогими и родными, имена погибших — священными. Просим передать каждому червонцу, что когда грянет боевая гроза, под знамена Вашего корпуса наш союз выставит тысячи молодых коммунаров... Да здравствует славный конный корпус!» [5, с. 65].

Отмечая большие заслуги РКСМ перед Советским государством, активную роль в борьбе за коммунизм, ЦК РКП(б) в 1923 г. наградил комсомолу страны Красным знаменем. На его лицевой стороне изображены символы Советской власти: пятиконечная

звезда, скрещенные серп и молот, колосья пшеницы. Здесь же надписи: «Рос[сийскому] Ком[мунистическому] Союзу Молодежи. Грядущей смене борцов за коммунизм. В день 5-тилетней годовщины от ЦК РКП(б)». На оборотной стороне знамени — слова: «Юным бойцам, пять лет проливавшим кровь бок о бок с закаленными седыми бойцами за коммунизм. Будь готов! Раскаты мировой пролетарской революции зовут к новому напряжению и новым боям» [18, с. 40]. В этих лаконичных надписях отмечены заслуги комсомола и выражена уверенность в том, что он явится достойной сменой самоотверженных борцов за коммунистические идеалы.

Большое место в работе комсомола занимали вопросы коммунистического воспитания подрастающего поколения, что также нашло отражение в знаменах. В 20-е годы родилась комсомольская традиция в канун праздника Великого Октября и 1-го Мая вручать знамена школам и пионерским отрядам как символ неразрывной связи двух молодых поколений борцов за коммунизм. Убедительная иллюстрация этому — знамя первого вологодского отряда пионеров, врученное ему в 1923 г. губернским комитетом РКСМ. На знамени в верхнем левом углу изображена пионерская эмблема тех лет — скрещенные серп и молот и костер. Правее ее — девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ниже слова: «На смену смен, наша юная рать миллионными колоннами идет» и «Первому Вологодскому отряду юных пионеров от губкома РКСМ» [11, с. 4].

7 ноября 1922 г. в 5-ю годовщину Великого Октября на многочисленном митинге под звуки «Интернационала» школе им. Петровского станции Основа (под Харьковом) было вручено шефское знамя с начертанными на нем словами: «Знанием и единением мы укрепим и разовьем дорожки для нас завоевания революции» [15].

Замечательной традицией, родившейся в 20-е годы, стал обмен знаменами между советской и зарубежной молодежью, символизирувавший дружбу и единство, пролетарский интернационализм, верность марксизму-ленинизму. Так, в марте 1923 г. ЦК РКСМ передал Красное знамя VII съезду Коммунистического Союза Молодежи Германии. В приветственном письме ЦК РКСМ говорилось: «Дорогие товарищи и братья по борьбе! От имени революционной рабочей молодежи Союза Советских Социалистических Республик — Центральный Комитет Российского Коммунистического Союза Молодежи преподносит Вам, молодым рабочим-коммунарам Германии, Красное знамя, сражаясь под которым Вы должны победить или умереть... Пусть трепещет буржуазия, пусть поджимают хвосты трусливые социал-демократы, глядя на это знамя — символ революционного единства рабочей молодежи Германии и Советской России» [7, с. 44—45].

Комсомолы и молодежь Самары послали в сентябре 1924 г. своим друзьям в Берлин-Бранденбургской области Германии Красное знамя. В сопроводительном письме были слова: «Пусть в пред-

стоящих боях наше знамя даст Вам новую энергию. Помните, что мы с Вами и готовы помочь Вам» [12, с. 41].

В 1925 г. по приглашению Дрезденской спортивной федерации в Германии побывала советская спортивная делегация, в составе которой была и харьковская футбольная команда. Советские футболисты посетили Берлин, Хемниц и другие города, где в течение августа—сентября провели несколько матчей. Перед игрой в Дрездене советские спортсмены вышли на поле стадиона с развернутым Красным знаменем. На нем золотом сияли Государственный герб СССР и надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует единство рабочего спортивного движения во всем мире!» [14, с. 187]. Перед отъездом на Родину советские спортсмены подарили это знамя немецким друзьям. Ветеран Ленинского комсомола, руководитель молодежно-спортивной делегации И. А. Жолдак, побывавший в ГДР в 1965 г., вспоминал: «...Красное знамя, которое я привез в Дрезден в 1925 году, сохранилось... Теперь оно находится в Берлинском Историческом музее. Когда я увидел это знамя, взял его в руки, меня охватило радостное чувство. Я был глубоко взволнован, полон благодарности к тем немецким товарищам, которые, не побоявшись тяжелых кар в годы гитлеровской тираннии, сохранили эту реликвию — символ пролетарского интернационализма советских и немецких рабочих, их крепкой дружбы, выдержавшей все испытания» [12, с. 50].

На знаменах, переданных молодежным организациям зарубежных стран, часто изображались портреты выдающихся деятелей революционного движения. Например, на знамени, подаренном комсомольцами и молодежью г. Котельнича комсомолу Германии, на русском и немецком языках начертана надпись: «К борьбе за дело трудящихся будь готов! Красное знамя борьбы Коммунистическому Союзу молодежи Германии от Коммунистического Союза и Рабочей молодежи г. Котельнича». Рядом с надписью на русском языке изображен портрет В. И. Ленина, рядом с надписью на немецком — К. Либкнехта. Надпись «МОПР» свидетельствует, что передача знамени связана с деятельностью этой международной организации [17, с. 172].

В свою очередь комсомольские и рабочие организации зарубежных стран вручали знамена международной солидарности комсомолу нашей страны. По приглашению ЦК комсомола Советский Союз посещали многие иностранные молодежные делегации. Только за 1925—1927 гг. в СССР побывало около 70 делегаций зарубежных стран [16, с. 128]. Многие из них вручали свои знамена советской комсомолки. Например, на молодежной конференции в Москве в ноябре 1925 г. советским комсомольцам было вручено Красное знамя от имени рабочей молодежи округа Галле-Мерзебург (Германия) [12, с. 51].

В Смоленском краеведческом музее хранится Красное знамя, подаренное в 1927 г. комсомольцам и молодежи Смоленска конгрессом коммунистической молодежи Рейхенбергского округа Чехословакии. На лицевой стороне знамени изображена пятиконеч-

ная звезда с серпом и молотом и надпись: «Смоленскому комсомолу К. М. Рейхенберг». На оборотной — пятиконечная звезда и надпись на немецком языке: «Война империалистической войне! Да здравствует Советский Союз!» [17, с. 170].

Подаренные советскими комсомольцами молодежным организациям зарубежных стран знамена реяли на демонстрациях в Гамбурге, в рабочих предместьях Парижа, на улицах Рима. А в праздник Первой и в годовщины Великого Октября в колоннах советской молодежи развевались знамена союзов молодежи жи Австрии, Англии, Германии, Италии, Франции.

Знамена 20-х годов, хранящиеся теперь в различных музеях страны, комсомольских организациях, помогают нынешнему поколению молодежи зримо представить юность нашей страны, лучше понять и оценить жизнь и дела комсомольцев тех лет.

В год 10-летнего юбилея двухмиллионная организация Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи была награждена первым орденом — Красного Знамени. «Добудь второй!» — с таким названием 6 мая 1928 г. «Комсомольская правда» опубликовала пламенное стихотворение В. Маяковского, обращенное к комсомолу страны. Сейчас ВЛКСМ объединяет в своих рядах более 38 миллионов человек, а на его знамени — шесть орденов, каждый из которых — яркое свидетельство мужества, доблести и героизма молодежи Страны Советов.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970. Т. 2. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Пятый Всероссийский съезд РКСМ, 11—19 окт. 1922 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. 5. ЛКСМ Украины в рішеннях з'їздів та конференцій. К., 1969. 6. Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918—1968): В 2 т. М., 1969. Т. 1. 7. Мы — интернационалисты: Документы и материалы съездов, конф. и ЦК ВЛКСМ, АКСМ и КМО СССР об интерн. связях сов. молодежи и междунар. молодеж. движения (1918—1971 гг.). М., 1972. 8. БСЭ: 2-е изд. М., 1951. 9. Вайнштейн Э. Первый пионерский значок//Сов. коллекционер. 1964. № 2. 10. Вожаки комсомола: Сб. М., 1978. 11. Герчук Ю. Знамена революционной эпохи//Декорат. искусство СССР. 1963. № 11. 12. Дружба — всего дороже. М.; Берлин, 1967. 13. Журавльов М. На відбудові. К., 1959. 14. История Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины. 4-е изд., испр. К., 1979. 15. Крупенко. Октябрь в деревне//Пролетарий. 1922. 15 нояб. 16. Привалов В. Коммунистический Интернационал Молодежи: Страницы истории. М., 1979. 17. Симкин М. П. Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты//Тр. НИИ музееведения. 1963. Вып. 10. 18. Слава кумачу!//Молодой коммунист. 1967. № 11. 19. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов УССР.

Поступила в редколлегію 22.10.86

РАЗВИТИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛИ НА УКРАИНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

После перехода к нэпу перед Коммунистической партией и Советским государством встала неотложная задача развития государственной и кооперативной торговли, завоевания рынка и укрепления через его смычки социалистической промышленности и единого крестьянского хозяйства.

Вопросы поиска Коммунистической партией, В. И. Лениным форм экономической смычки города и деревни в связи с переходом к нэпу, организация товарооборота и роль кооперативной торговли рассматриваются в многочисленных работах В. П. Дмитренко, написанных самостоятельно и в соавторстве с Л. Ф. Морозовым и В. И. Погудиним [6; 7], Ю. А. Поляковым и Н. В. Щербань [8]. Однако специфика развития кооперативной торговли на Украине еще требует научного анализа.

В. И. Ленин в статье «О кооперации» указывал на необходимость широкой экономической помощи кооперативным организациям, сохранения ведущей роли кооперации в качестве посредника между городом и деревней [1, т. 45, с. 370]. В январе 1922 г. «Правда» в передовой статье «Коммунисты и торговля» выдвинула лозунг «Научиться торговать для коммуниста, прежде всего, значит научиться торговать через кооперацию» [5, 1922, 11 янв.].

В начале восстановительного периода, когда производительные силы деревни были слабы, товарность — низкой, когда интересы крестьян были сосредоточены на приобретении самых необходимых промышленных товаров, действовала, главным образом, потребительская кооперация [7, с. 155].

С переходом к нэпу большая часть розницы оказалась в руках частной торговли. Кооперация, не имея достаточной возможности конкурировать с частной торговлей, сосредоточила свое внимание на товарах, игравших решающую роль в крестьянском хозяйстве: основных продовольственных культурах, сырье для нужд промышленности, экспортных товарах. Среди промышленных товаров, направлявшихся в деревню, большинство составляли ткани, соль, керосин и др.

Ленинские указания об организации помощи кооперативам реализовались в деятельности правительства и хозяйственных органов. Так, Г. М. Кржижановский при обсуждении на заседании президиума Госплана в 1923 г. вопроса о развитии торговли в деревне отметил, что наряду с использованием частного капитала на повестку дня выдвигается задача создания стройной системы государственных и кооперативных аппаратов. Чтобы облегчить положение кооперации и четче выявить сеть частной торговли, президиум Госплана поручил Наркомату финансов снизить налог на деревенскую торговлю [7, с. 195].

В ноябре 1923 г. в ЦК РКП(б) было проведено совещание по вопросам политики в области кооперации. Особое внимание уделялось кооперации в национальных республиках. Совещание работало хозяйственные, финансовые и организационные мероприятия, направленные на творческое применение к кооперации основных принципов нэпа и национальной политики партии. В решении совещания подчеркивалось, что «хозяйственно-культурная задача кооперации в национальных областях и республиках по подготовке и созданию в них высших форм экономической жизни может быть осуществлена лишь при условии самой тесной как хозяйственной, так и организационной смычки ее со всей кооперативной системой СССР» [9, с. 153].

ЦК партии одобрил предложение Центросоюза о перестройке потребкооперации на принципах добровольности, так как обязательная приписка всего населения к потребительскому обществу препятствовала кооперированию широких масс населения, обременяла кооперацию грузом «мертвых душ», лишала преимуществ активных участников кооперативной работы, ослабляла борьбу с кулацкими элементами [2, с. 200—201].

Декрет ЦИК и СНК СССР «О потребительской кооперации», принятый в мае 1924 г., в основу кооперативного строительства положил принцип добровольности членства [3, т. 2, с. 412]. С переходом к нэпу допускалось развитие частного предпринимательства. В начале нэпа частник занимал ведущие позиции в розничной торговле, поскольку государство и кооперация были не в состоянии в короткий срок создать достаточно густую сеть магазинов и лавок. Упор на развитие государственной розничной торговли в деревне повлек бы отвлечение средств от промышленности, что в корне противоречило интересам рабочего класса и крестьянства, интересам укрепления диктатуры пролетариата [6, с. 97]. Коммунистическая партия указала на необходимость развития деревенского товарооборота путем использования прежде всего кооперации, чтобы «вырвать мелкого производителя из цепких рук спекулянтов, освободить потребителей и производителей от эксплуатации скупщиков, направить главный поток излишков мелкого хозяйства в руки Советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста» [2, с. 239].

XII съезд партии отметил, что потребкооперация должна быть основана на самостоятельности кооперированного населения, его материальной заинтересованности. Для связи государственных органов (синдикатов, трестов, банков и т. д.) с крестьянством необходимо установить тесное взаимодействие их с потребительской кооперацией на основе льготных условий кредитования и преимущественной работы через аппарат кооперации [2, с. 66].

Во втором полугодии 1922/23 — первом полугодии 1924/25 гг. в торговой сети Украины удельный вес государственной торговли вырос с 1,4 % до 5,3 %, а кооперативной — с 4,8 % до 7,7 %, удельный вес частной торговли снизился с 93,8 % до 87 % [14, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2782, л. 20]. С развитием торговли увеличились

и обороты торговых предприятий Украины, особенно высок был темп роста оборотов кооперации [14, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2782, л. 22].

Если во втором полугодии 1922/23 гг. обороты кооперации составляли 9,3 % всех торговых оборотов республики, то уже в первом полугодии 1924/25 гг. — 25,5 %; обороты частных предприятий упали соответственно с 86,9 % до 71,1 % [14, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2782, л. 22]. К этому времени в общем торговом обороте страны доля кооперации составляла около 10 %, а частной торговли — 78 % [12, ф. 374, оп. 8, д. 146, л. 6], т. е. удельный вес кооперации в торговых оборотах УССР был выше, чем в целом по стране. Средний годовой торговый оборот кооперативного предприятия Украины в 1922—1923 гг. составлял 6622 р., в 1923/24 гг. — 27 799 р., в то время как средний оборот государственного торгового предприятия — 20 329 р., частного — 5508 р. [14, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2782, л. 25]. Если взять «соотношение сил» в общем товарообороте Украины между государственной торговлей, кооперацией и частной торговлей, то оно необратимо менялось в пользу обобщественного сектора: если в 1923/24 гг. государственная торговля охватывала 35,5 % общего товарооборота республики, кооперативная — 21,4 %, а частная — 43,1 %, то к 1925/26 гг. доля государственной торговли увеличилась до 42,0 %, кооперации — до 32,1 %, доля частной торговли снизилась до 25,9 % [11, с. 8].

Таким образом, кооперативная торговля становится одним из крупнейших секторов всего товарооборота. Состояние торговой сети на первое полугодие 1925/26 гг. было следующим: в городе государственная торговля охватила 6,7 %, кооперация — 8 %, частная торговля — 85,3 % всей торговой сети республики, на селе государственная торговая сеть составила 2,6 %, кооперация — 16,6 %, а частная торговая сеть — 80,8 % [11, с. 8].

Материалы Наркомата финансов УССР о выборке патентов свидетельствуют о том, что в городе в первой половине 1925/26 гг. и кооперативная, и частная розничная сеть абсолютно сократилась, но относительно частная сеть сократилась меньше. В селе частная и кооперативная розничная сеть в первом полугодии 1925/26 гг. абсолютно расширилась в сравнении со вторым полугодием 1924/25 гг., но частная относительно расширилась больше [14, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2782, л. 21]. Иначе дела обстояли с оборотом в розничной торговле. Здесь кооперация, хотя и медленно, но продолжала вытеснять частника: частные обороты уменьшились на 42,2 %, кооперативные — возросли на 2,8 % [11, с. 8—9].

Данные о кооперативности сельского и городского населения по потребительской системе показывают, что процент пайщиков к общей численности взрослого населения и числу хозяйств в республике был примерно одинаковым, как и в целом по стране [13, ф. 5240, оп. 11, д. 121, л. 3]. В конце 1925 г. социальный состав пайщиков сельской сети потребительской кооперации распределялся по следующим группам: бедняков — 44,6 %,

середняков — 49,7 %, кулаков — 5,7 % [13, ф. 5240, оп. 11, д. 121, л. 2].

Хотя в количественном отношении торговый аппарат в начале нэпа и получил значительное развитие, приближаясь по своему числу к уровню 1913 г., однако теперь он отличался по качеству, и прежде всего размерами предприятий и их оборотом. Низкая покупательная способность сельского населения в начале 20-х годов не только определила размеры торговых предприятий и их оборот, но и повлияла на их социальную природу. Малые обороты делали рентабельными лишь мелкие предприятия с незначительными организационными расходами и способностью к их передвижению. Таким условиям наиболее отвечал частный торговый аппарат.

Однако с ростом товарности крестьянского хозяйства и с усилением покупательной способности сельского населения увеличился общий товарооборот в деревне, а значит, возросли нагрузки торговых предприятий и более рентабельной стала постоянная лавочная торговля. С другой стороны, и государственная торговая политика по отношению к кооперативным торговым предприятиям усиливала их позиции в борьбе с частным капиталом. Так, в первом полугодии 1923/24 гг. в УССР из 100 торговых предприятий уезда госорганами принадлежало уже в среднем 1,8, кооперации — 9,7, частным лицам — 85,5 [12, ф. 374, оп. 1, д. 106, л. 172]. Если в 1922 г. оборот частной торговли составлял 77 %, кооперативной — 17 % и государственной — 6. % всего уездного торгового оборота, то в первом полугодии 1923/24 гг. частный оборот уменьшился до 56 %, а кооперативные и государственные увеличились до 31,2 % и 12,8 % соответственно [12, ф. 374, оп. 1, д. 106, л. 173]. Расширяя свой аппарат и увеличивая торговые обороты, кооперация постепенно вовлекала в свою систему все большее количество сельского населения.

Таким образом, кооперация начинает постепенно занимать господствующее положение на деревенском рынке, особенно в области оптовой торговли, где доля частной торговли снизилась с 14,7 % в 1923/24 гг. до 8 % — в 1925/26 гг. [13, ф. 5240, оп. 9, д. 294, л. 281].

На более высоком уровне держалась частная торговля в розничном обороте, однако и в этой области наблюдалось снижение ее роли. Если в 1923/24 гг. на долю частника приходилось почти 64,7 % оборота розничной торговли (при сравнительно слабой доле кооперации — 24,5 %), то в 1925/26 гг. — только 41,9 % (при 49,9 % для кооперации) [13, ф. 5240, оп. 9, д. 294, л. 281—282].

Итак, в период восстановления народного хозяйства на Украине, как и по всей стране, произошел перелом в развитии торговли. Переход потребительской кооперации на добровольное начало членства ускорил процесс кооперирования рабочих и крестьян республики и существенным образом улучшил финансовое состояние потребительских обществ. Это привело к быстрому росту оборотов потребительской кооперации. В 1925/26 гг. удельный

вес кооперации в общем товарообороте Украины составил уже 32,1 %, т. е. кооперативная торговля стала одним из крупнейших секторов всего товарооборота УССР.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. 3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1970. 4. Громыко Е. В., Реузов Н. Н. Советская торговля за 15 лет: Стат.-экон. сб. М., 1932. 5. Правда. 6. Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу: 1921—1924 гг. М., 1971. 7. Дмитренко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978. 8. Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Шербань Н. В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982. 9. Гамаюнов М. В. Кооперативное совещание при ЦК партии (1920—1928 гг.) // Вопр. истории КПСС. 1959. № 4. 10. Торговля Украины в 1923 году. Х., 1924. Кн. 1. 11. Торговля Украины. Х., 1927. 12. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. 13. Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. 14. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления УССР. 15. Харьковский облгосархив.

Поступила в редколлегию 30.10.86

А. Д. КАПЛИН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50 — СЕРЕДИНЫ 80-х ГОДОВ О КРАХЕ АВАНТЮРЫ КЕРЕНСКОГО—КРАСНОВА

Сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде свергнутые эксплуататорские классы развязали гражданскую войну, первый фронт которой образовался у стен колыбели революции. В эти дни В. И. Ленин со всей определенностью заявил: «...политическое положение свелось теперь к военному» [1, т. 35, с. 37]. Смертельная угроза, нависшая над Петроградом, чувствовалась в самой атмосфере тех дней. Об этом говорят и многочисленные материалы периодической печати всех направлений и оттенков, декреты, подписанные В. И. Лениным, документы Петроградского военно-революционного комитета (ВРК), другие материалы того времени.

Важное место этим событиям отводилось и в воспоминаниях, статьях о победе вооруженного восстания в Петрограде, во втором томе «Истории гражданской войны в СССР» [9] (годом ранее соответствующая глава была опубликована в виде статьи И. И. Минца [18]). Именно здесь впервые была дана подробная картина как самого мятежа Керенского—Краснова, так и история его подавления.

Советские историки и впоследствии с особым интересом относились к изучению подавления первого антисоветского похода. Вполне очевидно, что назрела необходимость в историографической оценке данной проблемы, важность которой неоспорима. Попытаемся проанализировать литературу, вышедшую во второй половине 50 — середине 80-х годов.

После XX съезда партии в изучении проблемы был сделан новый, значительный шаг вперед: публикация неизвестных ранее документов, а также издание новых и переиздание ставших библиографической редкостью мемуаров; свободный доступ к архивам; восстановление доброй памяти деятелей партии и государства — руководителей отражения первого вооруженного выступления свергнутых эксплуататорских классов. Одна из примечательных особенностей историографии этих лет — пристальное внимание к изучению роли В. И. Ленина в организации отпора и разгрома мятежа. Документальных материалов о деятельности В. И. Ленина сохранилось немного, поэтому важное значение имеют свидетельства участников первых революционных боев, в частности мемуары Н. И. Подвойского [20; 24].

Теме «В. И. Ленин — организатор разгрома контрреволюционного выступления Керенского—Краснова» посвящены как специальные статьи, брошюры [13; 17 и др.], так и фрагменты в обобщающих работах [12; 19; 21], где используются архивные материалы, опубликованные документы, мемуары и т. п. В соответствующей главе третьего тома обобщающего исследования И. И. Минца обстоятельнее всего рассматривается сам мятеж, ход его подавления, связи контрреволюции. Автор показывает, что события на подступах к Петрограду имели всероссийское значение, поскольку здесь решалась основная задача революции: сохранение власти в руках Советов. И. И. Минц считает, что в эти дни В. И. Ленин проявил себя не только как военный руководитель, он поднял вопрос об обороне Петрограда на уровень крупнейшего политического события, решая самые разнообразные задачи — от проблем государственной политики до военно-технических вопросов [19, с. 121].

Важнейшей особенностью историографии, начиная со второй половины 50-х годов, является появление специальных статей, брошюр и глав в общих работах о разгроме мятежа Керенского—Краснова [3; 7; 4; 14]. В литературе подробно раскрывается подавление мятежа, роль В. И. Ленина в организации разгрома контрреволюции, мобилизация революционных сил, планы сторон, ход боевых действий, значение одержанной победы в дальнейшем триумфальном шествии революции; показывается роль ВРК в разгроме контрреволюционного выступления [3; 6; 21], подчеркивается, что особое внимание Петроградский ВРК уделял вопросам вооружения, не затушевываются и недостатки в его деятельности. Так, выполняя функции центрального государственного органа, Петроградский ВРК к наступлению казачьих войск отнесся как к серьезной, но все же обычной военной операции. Принятых мер оказалось явно недостаточно. Ошибочным был и принцип коллегиальности. Анализируя причины поражения революционных войск под Гатчиной и Царским Селом, И. А. Булыгин и И. И. Минц считают, что основными из них были недостаточная организованность, оперативность и целеустремленность военного руководства, отсутствие артиллерии [3; 19]. Именно в этот момент потребо-

вался гений и великий организаторский талант В. И. Ленина, чтобы мобилизовать массы на борьбу с первым контрреволюционным выступлением. Выяснено, что в организации контрреволюционных сил для посылки на Петроград и Москву приняли участие почти все фронты, за исключением Кавказского [19, с. 119]. Опровергнуто сложившееся в исторической литературе представление о событиях под Петроградом как о серьезном, но все же местном успехе войск Керенского—Краснова. На самом деле взятие Царского Села было отнюдь не местным успехом, оно стало началом цепной реакции наступательных операций всероссийской контрреволюции [19, с. 124]. Важным достоинством работ является отражение деятельности отдельных организаторов, партийных, государственных, военных деятелей — Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсенко, П. Е. Дыбенко и др.

Уточнены подробности бегства Керенского из революционного Петрограда, отмечено его фаталистическое нежелание расстаться с властью [27; 28, с. 265]. Политик Керенский спешил с организацией похода на Петроград, стремясь поскорее уничтожить ненавистную ему Советскую власть. Миллионер Керенский тем самым пытался спасти свои капиталы, которых у него было 1,5 млн р. [13, с. 5]. Подробно изучалась и дальнейшая антисоветская деятельность в тылу Северного фронта генерала Краснова. И. С. Лутовинов выступает против широко распространенного мнения, будто Краснов после освобождения из-под ареста (за участие в первом антисоветском мятеже) сразу бежал на Дон [16]. В действительности, прежде чем туда попасть, Краснов принял снова командование 3-м конным корпусом и в конце 1917 — начале 1918 гг. попытался еще раз выступить против Советской власти. Эта попытка, как и предыдущая, оказалась неудачной [14; 15].

В работах конца 50-х — 60-х годов не всегда полностью раскрывалось решающее значение Северо-Запада России в победе Великой Октябрьской социалистической революции и разгроме мятежей Керенского—Краснова и Духонина. И. С. Лутовинов показывает, что на самом деле первое вооруженное антисоветское выступление было крупным фронтом гражданской войны, охватившим громадную территорию — от Петрограда и Москвы до линии фронта на западе и Донской области на юге [15, с. 37—38].

Весьма своеобразным является суждение Ю. К. Кириенко о том, что подлинным режиссером похода Керенского—Краснова была казачья контрреволюция и ее глава — Каледин [11, с. 49]. Автор показывает, что роль генерала Каледина в мятеже просматривается несомненно и что освещение его контрреволюционной деятельности по установившейся традиции совершенно неверно ограничивается Доном. Но, по мнению Ю. К. Кириенко, оказывая поддержку «законному» премьеру, казахи верхи рассчитывали сделать из него послушную марионетку [11, с. 49—50]. Именно при помощи казачьей контрреволюции Керенскому удалось 26—

31 октября 1917 г. организовать поход на столицу. Цель их была единой: как можно скорее подавить революцию.

В. И. Старцев, например, считает, что разгром мятежа Керенского—Краснова был самой крупной операцией петроградской Красной гвардии [26, с. 275]. Роль военных моряков в этих сражениях отражена в мемуарной литературе, а также в работе С. С. Хесина [31]. Количество участвующих в боях матросов оценивается, правда, не одинаково: от 10 тыс. чел. [31, с. 47] до 30 тыс. чел. [22, с. 255]. И. И. Минц считает, что первая цифра ближе к истине. Всего же количество солдат, моряков и красногвардейцев, непосредственно сражавшихся против войск Керенского—Краснова, было более 20 тыс. чел. [19, с. 131].

Таким образом, во второй половине 50-х — середине 80-х годов были достигнуты большие успехи в изучении борьбы с первым антисоветским походом. Пожалуй, из всей цепи сражений периода триумфального шествия Советской власти данная проблема одна из хорошо изученных. Советские историки доказали, что поражение контрреволюции под Петроградом стало ее политическим провалом [19; 25; 29 и др.]. Контрреволюционеры не сделали выводов ни из развития революции, ни из корниловщины, они пользовались старыми методами и действовали по-старому [19, с. 168].

Наряду с многочисленными архивными источниками, воспоминаниями участников борьбы с мятежом используются и документы враждебного лагеря, в частности переговоры генералов по прямому проводу, которые позволяют проследить не только то, как происходил процесс концентрации сил контрреволюции, но вместе с тем ярко показывают настроения солдатских масс на фронте, их большевизацию и готовность активно поддерживать восставший Петроград.

В исторических исследованиях подчеркивается, что победа революционных сил была достигнута не только потому, что силы врага были малочисленными, но главным образом из-за того, что была пресечена всякая возможность создать благоприятное для контрреволюции соотношение сил в районе боевых действий. ВРК предпринимали энергичные меры на фронтах и железнодорожных узлах по задержанию посланных под Петроград войск [25, с. 89]. Особое значение придается победе Советской власти в Пскове [15].

Успехи в изучении подавления контрреволюционного похода Керенского—Краснова достаточно заметны. Тем более важно прийти к единым точкам зрения по некоторым вопросам, касающимся непосредственно ведения боевых действий: какова численность вооруженных сил обеих сторон и какие из этих сил непосредственно участвовали в сражениях?

Вопрос о численности войск Краснова перед решающим сражением по сей день остается дискуссионным. В ряде работ приводятся следующие данные: 1 — 1,2 тыс. чел. [3, с. 36; 4, с. 41]; 5 тыс. [23, с. 344]; 6 тыс. [2, с. 311]; 5—8 тыс. чел. [17, с. 12]. В трудах последних лет также весьма разные мнения на этот

счет. И. И. Минц, например, считает наиболее близкими к истине данные о 5—6 тыс. чел., но окончательно он останавливается на 4—5 тыс. чел. [19, с. 105]. В. Д. Поликарпов сужает круг участников до 1—1,2 тыс. чел. Но бесспорно одно: провал мятежа Керенского—Краснова показал, что контрреволюция не смогла собрать против власти Советов даже тех ничтожных сил, какие сумел сдвинуть с места в самом начале августовского мятежа Корнилов [25, с. 90]. То, что к ночи 30 октября 1917 г. у Керенского—Краснова находилось всего 1—1,2 тыс. чел., показывает и новейшее исследование А. Я. Грунта и В. И. Старцева [5, с. 231] (материалы собраны В. И. Старцевым). В научной литературе пока нет единого мнения и об общем количестве революционных войск под Петроградом. Расхождения в приводимых цифрах весьма значительны: от 10—12 тыс. чел. [17, с. 12—13; 15, с. 225; 19, с. 142] до 50 тыс. чел. [8, с. 45].

На наш взгляд, историки обошли вниманием поднятый Ю. К. Кириенко вопрос о роли атамана Каледина в первом антисоветском походе. Не совсем четко показана роль П. Е. Дыбенко в боях под Царским Селом. Недостаточно изучена проблема использования вооруженными силами победившей революции первого боевого опыта в боях против Каледина, Дутова, украинской Центральной рады. А ведь там сражались многие участники подавления выступления Керенского—Краснова.

Во время обострившегося положения под Петроградом в самой столице начался мятеж юнкеров. Это выступление не прервало концентрации революционных сил на фронте против Керенского—Краснова. Напротив, в день мятежа накопление революционных сил происходило наиболее интенсивно. Несмотря на напряженность и кровопролитность, контрреволюционное выступление юнкеров удалось подавить в течение дня. В литературе данный вопрос рассматривается практически везде, где речь идет о подавлении «главного» мятежа — Керенского—Краснова.

Многое по изучению мятежа юнкеров в Петрограде сделано в 20-е—30-е годы. В статье И. И. Минца [18], а затем во втором томе «Истории гражданской войны в СССР» [9] была опубликована записка полковника Полковникова, свидетельствующая о силах и планах мятежников. В работах 50-х — середины 80-х годов показано, что мятеж юнкеров был задуман и организован правыми эсерами, под прикрытием которых шла крупная буржуазия и самые черносотенные элементы, определены планы мятежников, отклик контрреволюции в других городах, роль В. И. Ленина в подавлении мятежа, потери с обеих сторон. Правда, существуют различные мнения относительно численности мятежников и их потерь. В основном историки определяют число юнкеров в 830 чел., исходя из найденного мобилизационного плана [9, с. 328; 18, с. 66]. А. Л. Фрайман же считает, что численность мятежников составила не более 1200—1500 чел. [30, с. 58]. Есть и некоторые другие расхождения фактического характера.

Следует подчеркнуть, что при исследовании данного вопроса есть над чем работать. В частности, речь идет о роли комитета спасения в лице его военной комиссии как главном инициаторе и руководителе мятежа. Аналогичные комитеты создавались во многих местах России. Петроград был для них ориентиром, поэтому контрреволюция использовала свой опыт. Ослепленная ненавистью, еще недооценивая силы революции, она все же училась на ошибках и поражениях. В такой постановке вопроса видится определенная перспектива. Не всегда в литературе два названных мятежа связываются с вооруженной борьбой в целом по стране в этот период. А именно такое рассмотрение проблемы необходимо, в противном случае многие события получают упрощенную трактовку или же будут отнесены в разряд второстепенных, а то и вовсе обойдены вниманием.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. 3. Булыгин И. А. Разгром контрреволюционного мятежа Керенского—Краснова//История СССР. 1957. № 5. 4. Голованов Н. Разгром похода Керенского на Петроград//Воен.-ист. журн. 1961. № 4. 5. Грунт А. Я., Старцев В. И. Петроград—Москва: Июль—ноябрь 1917. М., 1984. 6. Дыков И. Г. Роль Петроградского военно-революционного комитета в Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1955. 7. Его же. Разгром контрреволюционного мятежа Керенского—Краснова в 1917 году. М., 1960. 8. Злодеев Н. И. Красная гвардия. М., 1957. 9. История гражданской войны в СССР. М., 1942. Т. 2. 10. Капустин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. 11. Кириченко Ю. К. Крах каледнинщины. М., 1976. 12. Клопов Э. В. Ленин в Смольном. М., 1965. 13. Константинов А. П. В. И. Ленин — организатор разгрома контрреволюционного мятежа Керенского—Краснова. Л., 1965. 14. Лутовинов И. С. Ликвидация мятежа Керенского—Краснова. Л., 1965. 15. Его же. Установление Советской власти на Северо-Западе России. Воронеж, 1970. 16. Его же. Крах попытки антисоветского мятежа//Вопр. истории. 1973. № 10. 17. Май Н. В. И. Ленин — организатор разгрома антисоветских мятежей Керенского—Краснова и юнкеров в Петрограде//Воен.-ист. журн. 1968. № 4. 18. Минц И. И. Разгром первого антисоветского мятежа: Бунт Керенского—Краснова//Борьба пролетариата. 1941. № 3. 19. Его же. История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 3. 20. О военной деятельности В. И. Ленина (Из воспоминаний Н. И. Подвойского)//Коммунист. 1957. № 1. 21. Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. 22. Первый день нового мира. Таллин, 1970. 23. Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 1. 24. Подвойский Н. И. В. И. Ленин в 1917 году. М., 1957. 25. Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976. 26. Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции: Март 1917 — апр. 1918 г. М.; Л., 1965. 27. Его же. Бегство Керенского//Вопр. истории. 1966. № 11. 28. Его же. Крах керенщины. Л., 1982. 29. Фрайман А. Л. Революция дает отпор. Л., 1967. 30. Его же. Форпост социалистической революции. Л., 1969. 31. Хесин С. С. Матросы революции. М., 1958.

Поступила в редколлегию 16.10.86

ПЕРВЫЙ ОБЩЕЗЕМСКИЙ СЪЕЗД ПО СТАТИСТИКЕ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1913 г.)

Хозяйственно-культурная деятельность земств, отвечающая назревшим потребностям капиталистического развития страны, оставила заметный след в истории пореформенной России. Велика роль земств и в статистическом изучении состояния народного хозяйства страны в целом, ее народного образования в частности. В. И. Ленин, отмечая ограниченность земской статистики, в то же время оценивал ее как одно из могущественных орудий социального познания [1, т. 5, с. 213].

Большую роль в развитии земской статистики народного образования сыграли статистические совещания, съезды. Они явились своеобразной формой участия общественности в развитии народного образования, а также единственной возможностью совместной деятельности отдельных земств, так как более широкое их объединение запрещалось основами политического строя России. Немаловажный интерес представляет изучение обсуждавшихся на съездах вопросов, рассмотрение которых вскрывало исключительно тяжелые условия жизни и деятельности школы и свидетельствовало об антинародной политике царизма в области народного образования. Характер и своевременность постановки многих вопросов дают возможность судить также о роли, которую сыграли съезды в организации этой отрасли статистики.

Показательна история 1-го общеземского съезда по статистике народного образования, проходившего в июне 1913 г. Съезд привлек внимание В. И. Ленина, откликнувшегося на его работу специальной статьей «Интересный съезд». «Знать правду о положении народного образования, — писал он, — прямой и насущнейший интерес народных масс вообще, рабочих в особенности» [1, т. 23, с. 288—289].

В настоящей статье на основе ленинских работ, опубликованных трудов общеземских съездов, периодической печати, а также архивных материалов предпринята попытка выяснить причины созыва съезда, показать ход его работы и значение.

В дореволюционной России отсутствовала единая система государственной статистики. Она была распылена между многочисленными государственными и частными органами и организациями. Во второй половине XIX в. наряду с правительственной возникла земская статистика. Появление ее было обусловлено тем, что земские учреждения по роду своей деятельности столкнулись с необходимостью иметь сведения о различных сторонах хозяйственной и культурной жизни населения уездов и губерний.

Официальная статистика не могла обеспечить земства такими данными. «Правительственная статистика, — писал В. И. Ленин, — ведется так плохо и так пристрастно, что доверять ей нельзя»

[1, т. 22, с. 389]. Вполне естественно поэтому, что земства вынуждены были приступить к разработке качественно иной статистики.

Первоначально статистика народного образования включалась в исследования земских статистиков по вопросам крестьянского хозяйства. В 80—90-е годы XIX в. земства стали организовывать специальные обследования народного образования. Они подразделялись на три типа: ежегодные (текущие), периодические (основные), по отдельным вопросам (монографические). К концу XIX в. почти 50 % земских статистических органов занимались этими обследованиями [2, с. 187].

На рубеже XIX—XX в. вопросы организации статистики народного образования стали предметом обсуждения на различных статистических совещаниях, в подсекциях статистики съездов естествоиспытателей и врачей, на съездах, посвященных вопросам народного образования. В итоге был накоплен значительный фактический материал о состоянии школьного дела в России. С одной стороны, это свидетельствовало о большой работе, проведенной земскими статистиками в данной области, а с другой — о слабости практической постановки дела земской статистики и недостаточности ее теоретической обоснованности, пестроте в организации и отсутствии общепринятых сроков сбора и обработки статистических данных. Одни земства приурочивали школьную отчетность к началу учебного года, другие давали ее за календарный год [7, ф. 304, оп. 1, д. 3010а, л. 286].

Существенным недостатком основных статистических обследований являлась и непериодичность их проведения в губерниях; интервал обследования колебался от одного года до двадцати лет; разновременность проведения не давала возможности установить динамику грамотности и ее территориальные различия. Следует также отметить чрезмерную детализацию и недостаточную однородность программ обследования состояния народного образования по различным губерниям и за разные годы даже в одной и той же губернии. Это вело к несопоставимости данных по губерниям и по годам. Не было и общепринятой методики школьной статистики.

Необходимость правильной постановки статистики народного образования диктовалась еще и тем, что число земских школ, учителей и учащихся быстро возрастало. Увеличивались затраты земств на их содержание. Вместе с тем на повестку дня была поставлена задача изменения всей системы начального образования. Только с 1893 до 1897 гг. более 70 % губернских земств подняли вопрос о введении всеобщего обучения и предприняли практические шаги в этом направлении [3, с. 92]. Наконец, для выяснения полной картины состояния статистики народного образования настоятельной стала потребность согласованности деятельности земств и ведомств в общегосударственном масштабе.

Все эти проблемы и вызывали потребность созыва специального общеземского съезда. Такое решение было принято на первом общеземском съезде по народному образованию, проходившем

в августе 1911 г. в Москве [4, с. 33]. Московская земская управа обратилась к Харьковской с просьбой взять на себя его подготовку. Приняв это предложение, Харьковская управа составила специальный доклад с приложением к нему проекта положения и программы съезда и вынесла его на рассмотрение чрезвычайного земского собрания. 30 июня 1912 г. все предложения губернской управы были утверждены и принято постановление о возбуждении ходатайства перед правительством о разрешении созыва съезда, а также создано Оргбюро для его подготовки [7, ф. 304, оп. 1, д. 2999, л. 22].

Несмотря на энергичные действия Харьковской управы, подготовительные работы по созыву съезда затянулись. Дважды управе через харьковского губернатора пришлось возбуждать перед министерством внутренних дел ходатайство о разрешении на созыв съезда. Наконец, 12 марта 1913 г. губернатор уведомил управу о том, что министр внутренних дел дал согласие на созыв съезда при условии внесения в положение и программу некоторых изменений. Основное из них — предоставление права решающего голоса только выборным представителям земских управ, городов и ряда ведомств. Служащие земств, учителя, делегаты просветительских обществ, специалисты-статистики могли участвовать лишь с правом совещательного голоса. Другим существенным ограничением компетенции земств было требование запретить съезду избирать председателя. Его функции возлагались на председателя Харьковской губернской земской управы. Заседания съезда объявлялись закрытыми. Не менее унижительным условием было требование приглашать специалистов и докладчиков только с разрешения харьковского губернатора. В. И. Ленин отмечал, что «...мероприятия министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям довольно ясно свидетельствуют, что «самостоятельности» земских учреждений весьма опасались...» [1, т. 5, с. 34].

Из проекта программы съезда были исключены важные вопросы, касавшиеся программ и методов обучения. Запрет мотивировался тем, что они не входят в круг компетенции земских учреждений. Не был разрешен к постановке на обсуждение съезда и вопрос об организации общеземской статистики народного образования из-за боязни возникновения внеправительственного руководящего центра земств [6, с. 8, 13].

Эти факты убедительно характеризуют ту атмосферу, в которой приходилось организовывать съезд, атмосферу страхов перед мнимой опасностью. «Должно быть, предмет занятий съезда не очень нравится администрации, — писал В. И. Ленин, — хотя речь будет идти только о постановке статистики, о том, что сделано, мало, а следует сделать больше и лучше» [1, т. 23, с. 288].

Получив наконец разрешение открыть съезд, Харьковская управа 20 марта созвала Оргбюро, которое обратилось ко всем губернским управам с запросом о согласии принять участие в работе съезда на предложенных условиях. Из 40 губернских земских

управ выразили свое согласие 27, остальные 13 отказались, главным образом, из-за правительственных ограничений [5], но просили прислать «Труды съезда» [6, с. 12].

Как видим, большинство земств, стремясь создать столь необходимый для улучшения статистики народного образования съезд, пошли на уступки требованиям администрации. Тем самым земские либералы еще раз показали свою неспособность противостоять правительству, неумение вести активную борьбу даже за ограниченные буржуазные свободы.

Первый общеземский съезд по статистике народного образования состоялся в Харькове с 12 по 18 июня 1913 г. На него было более ста делегатов. Из них 47 % (представители губернских и уездных управ, городов и ведомств) — с правом решающего голоса, 53 % (служащие земств, учителя, специалисты) — с правом совещательного [8, с. 14—16]. Такая дифференциация участников съезда подчеркивала бесправие «третьего элемента». Примечателен и тот факт, что министерство народного просвещения, игнорируя приглашение Оргбюро, не послало на съезд своего представителя. Подобная практика была, по словам В. И. Ленина, «недурной иллюстрацией к истории земско-статистических конфликтов и к характеристике надзора за «третьим элементом» вообще» [1, т. 5, с. 332].

Результаты работы съезда, широта обсуждаемых вопросов во многом зависели от условий его проведения. К сожалению, они были нелегкими. Съезд был «почтен особым вниманием администрации. Председатель съезда назначен администрацией, сведущие лица «профильтрованы»... Представители печати на съезд не допущены» [1, т. 23, с. 288].

Интересен эпизод, имевший место уже в первый день работы. Обращаясь к съезду, член Московской губернской управы М. А. Нарочницкий выразил сожаление, что съезд начинает свою деятельность не с избрания председателя. Назначенный председателем съезда В. В. Акишев прервал оратора. Несмотря на это выступавший предложил собранию принять резолюцию, осуждающую действия администрации. Собрание встретило предложение М. А. Нарочницкого аплодисментами. Однако В. В. Акишев категорически отказался поставить такую резолюцию на голосование, мотивируя тем, что она крайне отрицательно отразилась бы на всей дальнейшей работе съезда. Хотя столкновение статистиков с властями было не политическим, сам факт конфликта возбуждал брожение как в земских, так и в неземских общественных кругах. Это явилось отражением той общественной борьбы, которая велась как между самодержавием и земством, так и внутри самих земств.

За время работы съезда состоялось три общих собрания. Главная его деятельность развернулась в секциях. На заседаниях секции общих вопросов статистики народного образования рассматривались доклады о целях и задачах статистики народного образования, ее организации в земствах и другие общеорганизационные вопросы. Председателем этой секции был избран В. С. Сы-

ромятников — член Харьковской губернской управы. Секция школьной статистики обсуждала программы обследования, статистические группировки сведений о школах, учителях и учащихся; санитарное состояние и материальную базу школ. Секцию возглавлял А. П. Вихляев — заведующий статистическим отделом Московской губернской земской управы. На заседаниях секции статистики внешкольного образования докладчики сосредоточили внимание на организации библиотечной статистики, статистики воскресных школ и народных чтений. Председателем этой секции был С. О. Серополко — специалист по библиотечному делу.

Всего на рассмотрение съезда поступило 73 доклада. Из них более половины посвящались общим вопросам организации статистики народного образования, 9 — статистике внешкольного образования [7, ф. 304, оп. 1, д. 3013, л. 23]. Абсолютное большинство докладов обстоятельно обсуждалось на заседаниях секций и по ним были приняты соответствующие постановления.

Остановимся лишь на важнейших вопросах, обсуждавшихся как на общих собраниях, так и в секциях. Наибольшие споры вызывала проблема организации статистики народного образования в земствах. Съезд признал, что руководить организацией статистики народного образования должны губернские земства, и включил ее в ведение отделов народного образования. В качестве отчетного в школьной статистике был принят учебный год, а во внешкольной — календарный. Решения эти имели большое практическое значение, так как способствовали более четкой, единой организации статистики и всего дела народного образования в земствах.

Внимание съезда было также уделено условиям, приемам и сбору статистических данных по школьному образованию. Наиболее интересными и содержательными оказались доклады П. А. Вихляева и Н. Н. Иорданского. В них были сформулированы основные требования анализа обучения, которыми в дальнейшем и руководствовались земские статистики.

Предметом обсуждения съезда стали научные принципы основных группировок цифровых сведений, касающихся школ, учащихся и школьных зданий.

Располагая информацией о начале работы съезда, В. И. Ленин писал, что статистику народного образования было бы очень нетрудно поставить по-европейски. В состав ежегодно собираемых данных о школе он рекомендовал включить получаемые через учителей сведения о каждом учащемся (возраст, национальность, условия семейной жизни, хозяйственное положение родителей и т. д.), а также об образовании, национальности, размере получаемого жалования, рабочем дне каждого учителя [1, т. 23, с. 289].

Однако в документах, принятых съездом, такой подход к постановке статистики народного образования не нашел достаточно полного отражения. Возрастной и национальный состав учащихся был включен в программы не ежегодных отчетов школ, а периодических обследований через каждые 10 лет. Социально-эко-

номическая характеристика семьи учащегося давалась только в программах монографических обследований. Вопрос об образовании учителей был включен съездом в программу текущих обследований школ, а характеристика условий их работы вошла только в периодические обследования. Изучение национальности преподавателей совсем не предусматривалось.

Но для сбора даже таких сведений не хватало квалифицированных кадров. Поэтому в своих постановлениях съезд указал на необходимость ознакомления учительского персонала с задачами и общими методами статистики народного образования на летних учительских курсах, а также в тех учебных заведениях, которые готовили учителей.

Малоплодотворной была работа съезда по внешкольному образованию, ибо делегаты не располагали достаточной информацией. Из всех видов внешкольных просветительских учреждений обстоятельно рассмотрели только работу народных библиотек, но и здесь не все поставленные задачи удалось решить.

Анализ работы съезда в целом показывает, что многие кардинальные вопросы статистики народного образования (учебно-воспитательные, школьно-санитарные, коэффициенты и показатели для определения степени грамотности среди населения, вопрос о координации земских работ с различными ведомствами, занимающимися этой статистикой) еще не были разработаны в полной мере и не получили своего практического решения.

Материалы съезда свидетельствуют также о недостатках методического характера. Это проявилось в чрезмерной детализации программ исследований, форм отчетности табличных сводок, которые были установлены съездом. Поэтому в оценке принятых съездом решений справедливы выводы В. И. Ленина, которые он делал в отношении многих земских работ по статистике, подчеркивая, что на них лежит печать «...недостатка политико-экономической разумности, осмысленности» [1, т. 24, с. 278].

И все же первый общеземский съезд по статистике народного образования оставил заметный след в истории развития этой отрасли. Он подвел итоги работы статистиков и деятелей просвещения, в значительной мере систематизировал их полувековой опыт. Заслуга съезда состоит также в том, что для своего времени он установил наиболее рациональные приемы организации статистических исследований, обеспечивающих правильность получаемых данных и своевременность их поступления. Приняты были единые формы первичной школьной отчетности. Все это имело большое значение в связи с требованием земств о переходе к всеобщему школьному обучению. Решения съезда оказали влияние и на дальнейшее развитие статистики народного образования. В результате почти во всех губерниях были созданы статистические органы, занимавшиеся школьной статистикой. Участие же в работе съезда специалистов-статистиков народного просвещения содействовало развитию ее теоретических основ. Публикация материалов съезда способствовала привлечению внимания общественнос-

ти к положению народного образования, а также повышению его значения. К тому же труды съезда явились ценным источником для изучения методологии, организации и практики дореволюционной статистики народного образования.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. 3. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX в. М., 1976. 4. Постановление первого общеземского съезда по народному образованию в Москве, 16—30 августа 1911 года. М., 1911. 5. Русское слово. 1913. 13 июня. 6. Труды первого общеземского съезда по статистике народного образования, 12—18 июня 1913 года. Х., 1914. 7. Харьковский облгосархив.

Поступила в редколлегию 31.10.86

Ю. А. ГОЛУБКИН, канд. ист. наук, О. Н. МОГИЛКА

М. Н. ПЕТРОВ КАК ИСТОРИК

В 1987 г. исполнилось 100 лет со дня смерти профессора Харьковского университета, видного специалиста в области всеобщей истории Михаила Назаровича Петрова. Его научная и педагогическая деятельность получила высокую оценку в русской дореволюционной историографии [20; 11—14, 21]. Но при освещении творческой биографии ученого дореволюционные исследователи, как правило, мало внимания уделяли его идейно-политическим и методологическим воззрениям.

В советской историографии объектом специального исследования были лишь взгляды М. Н. Петрова на проблемы античной истории, на Реформацию и Крестьянскую войну в Германии [17; 23]. Краткая характеристика наследия ученого содержится в ряде историографических работ общего характера [16; 18; 19]. Оценка общественно-политических взглядов и позиции М. Н. Петрова неоднозначна. Одни авторы относят его к историкам умеренно-консервативного направления [16, с. 150—151], другие — к мелкобуржуазным демократам [22, с. 58, 60, 61], третьи — к либералам демократической ориентации [18, с. 106], четвертые — к умеренным либералам [19, с. 268—269].

Попытаемся осветить основные вехи творческой деятельности ученого, охарактеризовать его конкретно-исторические и теоретические воззрения, идейно-политические взгляды.

М. Н. Петров родился 3 ноября 1826 г. в Вильно. Его отец, происходивший из государственных крестьян, участвовал в Отечественной войне 1812 г., а затем служил в Виленском гарнизоне. В 1844 г. после окончания виленской гимназии М. Н. Петров по рекомендации попечителя Белорусского учебного округа зачисляется казенноштатным студентом словесного отделения педагогического института при Харьковском университете *. Большое влияние

* В 1849 г. словесное отделение было переименовано в историко-филологический факультет.

на формирование его взглядов оказали профессор всеобщей истории А. П. Рославский-Петровский, филолог А. О. Валицкий, юрист Д. И. Каченовский. В студенческие годы М. Н. Петров приобретает основательные познания в различных областях гуманитарных наук и проявляет незаурядные способности. Его сочинение, написанное на латинском языке, было признано лучшим среди 53 работ, которые были представлены в 1847/48 академическом году на университетский конкурс. Высокую оценку получила и его кандидатская диссертация «О цивилизации галло-франков в эпоху Меровингов».

Через год после окончания университета М. Н. Петров успешно сдал магистерские экзамены по всеобщей и русской истории, географии, статистике, международному праву. 3 ноября 1850 г. он защитил магистерскую диссертацию «О характере государственной деятельности Людовика XI» [2]. В сентябре 1851 г. М. Н. Петров был утвержден в звании адъюнкта [10], а в 1852/53 академическом году начал чтение курса лекций по всеобщей истории [9, с. 10—11].

С июля 1858 по июль 1860 г. ученый находился в заграничной командировке. Он побывал в Германии, Франции, Англии, Италии, Бельгии; основательно изучил зарубежные исследования по средневековой, новой и новейшей истории Франции, Германии, Англии, Италии и Испании; ознакомился с литературой по истории древнего и средневекового Востока, Древней Греции и Рима, Византийской империи, с наиболее значительными публикациями источников; прослушал ряд общих и специальных курсов в крупнейших университетских центрах; присутствовал на семинарах по истории, консультировался у видных историков [3]. На основе материала, собранного во время зарубежной командировки, была написана работа «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [4], которая 26 ноября 1865 г. была защищена в Московском университете как докторская диссертация. В 1866 г. М. Н. Петров стал профессором.

Последнее двадцатилетие деятельности М. Н. Петрова заполнено напряженной педагогической работой, которая оставляла мало времени для занятий наукой. Сказывалась также нехватка в Харькове иностранной литературы и зарубежных публикаций источников. Кроме того, М. Н. Петров страдал болезнью глаз. Но, несмотря на это, он смог написать и опубликовать в «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском вестнике», «Духовном вестнике» ряд научно-популярных работ, преимущественно биографического жанра. Все они вошли в книгу «Очерки из всеобщей истории» [6]. Итогом многолетней научно-педагогической деятельности М. Н. Петрова явились его «Лекции по всемирной истории» в четырех томах [8].

Осенью 1886 г. М. Н. Петров вышел в отставку. Он хотел поселиться на юге России и заняться воспитанием единственной дочери. Но этим планам не суждено было осуществиться. В ночь с 23

на 24 января 1887 г. М. Н. Петров внезапно скончался от разрыва сердца.

Творческая деятельность М. Н. Петрова протекала в сложных и противоречивых условиях переломного периода отечественной истории, «когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось...» [1, т. 20, с. 102]. Ломка феодально-крепостнического строя и становление новых буржуазных отношений сопровождалась острой идейно-политической борьбой. М. Н. Петров не принимал в ней активного участия. Не декларировал он и своей принадлежности к той или иной группировке. Его политическая благонадежность никогда и ни у кого не вызывала сомнений. Он дослужился до чина действительного статского советника, за добросовестную службу был награжден тремя орденами и медалью. Но русская пореформенная действительность властно вторгалась в академически размеренную жизнь историка. И решение насущных проблем он пытался найти в историческом опыте западноевропейских стран, которые еще в XVI в. вступили на путь капитализма.

При рассмотрении творческого наследия М. Н. Петрова прежде всего обращают на себя внимание его глубокие познания в разных областях исторической науки, широта научных интересов, новаторство в постановке многих проблем и оригинальность их решения.

М. Н. Петров внес заметный вклад в изучение историографии всеобщей истории. Написанная им «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» стала первой в отечественной науке обобщающей работой по зарубежной историографии. Автор не только собрал громадный фактический материал, но и выделил основные направления и школы западноевропейской исторической науки; охарактеризовал источниковую базу исследований, политические и методологические взгляды ученых; исследовал различные исторические концепции; сопоставил развитие естествознания и общественных наук; познакомил читателей с наиболее крупными историческими кафедрами университетов, музеями, архивами, исторической периодикой. Правда, некоторые из этих аспектов были лишь схематично очерчены М. Н. Петровым. Но разработанная им методика историографических исследований стала ценным достоянием отечественной науки и получила в ней дальнейшее развитие.

М. Н. Петров проявил себя и как талантливый популяризатор исторической науки. Он написал первую в отечественной литературе научно-популярную работу по всеобщей истории. Возможно, замысел «Очерков из всемирной истории» возник у М. Н. Петрова при чтении книги Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории». Но произведение английского ученого — апология культа героев (Магомет — образец героя-пророка; Данте и Шекспир — образцы героев-поэтов; Лютер и Кнокс — героев-священников и т. д.). М. Н. Петров же был глубоко убежден в том, что «герои» — это «случайные, подчас причудливые узоры...

на канве истории» [7, с. 19]. И его очерки об известных исторических личностях — не панегирики им, не популяризация идеи об определяющем воздействии «героев» на ход исторического процесса, а глубокий анализ наиболее значительных явлений и событий всемирной истории («Магомет» — происхождение ислама; «Жанна д'Арк» — борьба французского народа с английскими захватчиками в годы Столетней войны; «Томас Мюнцер» — Крестьянская война в Германии и т. д.).

Отмечая блестящие популяризаторские способности М. Н. Петрова, В. П. Бузескул писал: «„Очерки из всемирной истории“ представляют ряд мастерских исторических характеристик, замечательных по своей художественности, меткости, по пластичности и выразительности языка. Эти очерки сделались одною из наиболее распространенных и любимых нашей публикой исторических книг» [15, с. 45]. Справедливость этой высокой оценки подтверждают четыре издания «Очерков» (1868, 1882, 1896, 1904 гг.).

М. Н. Петров был незаурядным педагогом. О его громадном влиянии на аудиторию вспоминали многие видные историки — В. П. Бузескул, В. К. Надлер, А. Н. Деревицкий. М. Н. Петров читал лекции по истории древнего мира, средних веков и нового времени для студентов исторического и юридического факультетов, вел множество спецкурсов: по истории римских цезарей, папства, происхождению ислама, великой Крестьянской войне в Германии, Французской буржуазной революции. Следуя примеру знаменитых исторических семинаров Л. Ранке, М. Н. Петров вел в Харьковском университете практические занятия по всеобщей истории. Лекции харьковского профессора отличались четкой структурой, сжатостью и логичностью изложения, обоснованностью выводов. Часто прибегал он к методу исторического сравнения. Эти принципы и были положены им в основу «Лекций по всемирной истории», которые явились первым русским университетским учебником по данной дисциплине.

М. Н. Петров выступал против полицейского и административного вмешательства в преподавание истории в университетах и гимназиях, с едким сарказмом обличал страх власть имущих перед историей, которая представлялась им «рассадником разных опасных мнений» [7, с. 27]. Ученый писал, что в относительно спокойные времена вокруг отечественной истории, чтобы оградить ее от «тлетворного влияния Запада», «устраивается нечто вроде чумного кордона», который «охраняют» древние греки и римляне, византийцы и славяне [24, ф. 2048, оп. 1, д. 66, л. 1], а в периоды бурных общественных потрясений историю начинают «упрощать, обрезать, делать невинною по форме и содержанию» [7, с. 27]. Поэтому произволу М. Н. Петров противопоставлял мнение о том, что «в истории под сукно прятать нечего; там все поучительно, — даже заблуждения и ошибки» [7, с. 28].

М. Н. Петров был убежден в громадном общественном и воспитательном значении исторической науки, отводил ей главную роль в формировании мировоззрения юношества. Он подверг рез-

кой критике гимназические учебники Д. И. Иловайского за то, что, перенасыщенные фактическим материалом, они представляли лишь пособия для тренировки памяти учащихся и не давали им «никакой общественной подготовки» [7, с. 4]. Харьковский профессор попытался написать новый учебник всеобщей истории для гимназий, но не довел начатого дела до конца. В архиве ученого сохранилось несколько тетрадей, содержащих первые разделы учебника: характеристику исторических понятий, географический обзор древнего мира, историю древнего Востока и часть истории Древней Греции [24, ф. 2048, оп. 1, д. 71, 73, 74].

М. Н. Петров проявлял глубокий интерес к методологическим вопросам исторической науки. Современники вполне справедливо называли его не только историком-художником, но и историком-философом [15, с. 45]. Ученый всесторонне изучил теоретические представления многих философских и исторических школ и направлений. В результате он пришел к малоутешительному выводу о том, что *«история, как наука, еще не определилась окончательно, т. е. не успела выработать ни твердо установившегося метода, ни точно определенных, неизменных и общих законов, управляющих исторической жизнью человечества»* [8, т. 1, с. 9]. Но и сам М. Н. Петров не смог создать стройной теории исторического процесса. Теоретико-методологическая основа его творчества — причудливое переплетение элементов материализма с идеалистическими представлениями, смесь критически осмысленных постулатов различных концепций — от Вико и Гердера до Конта и Бокля.

М. Н. Петров был далек от понимания истории как хроники политических событий. Предметом истории он считал «*всю жизнь человечества — общественную, религиозно-нравственную, умственную и экономическую*» [8, т. 1, с. 8]. В ряде высказываний М. Н. Петрова прослеживается функциональная зависимость сферы социально-политических отношений от экономики. Но дальше простой декларации этого тезиса историк не пошел. В своих конкретно-исторических работах он придавал первостепенное значение географическому фактору.

М. Н. Петров отстаивал идею о закономерном характере исторического процесса. К числу основных законов истории он относил закон развития общества по пути прогресса, а одним из главных «двигателей» последнего считал труд человека. Но противоречивого характера общественного развития М. Н. Петров постичь не смог. Под прогрессом он понимал «постоянную» и «преемственную» категорию. К тому же в раскрытии законов истории он видел лишь средство познания, а не преобразования действительности. «Таких точных и всеобщих законов, — писал ученый, — которые способны были бы сделать человека господином своей будущности... в ней вовсе и нет» [8, т. 1, с. 9, 18].

М. Н. Петров превосходно знал историю революционных движений в Западной Европе. Одним из первых в отечественной историографии он обратил внимание на положение западноевро-

пейского средневекового крестьянства и охарактеризовал его борьбу против феодальной эксплуатации. Очерк «Томас Мюнцер», проникнутый искренним сочувствием к эксплуатируемым народным массам, приобретал особую актуальность в пореформенной России, где одной из основных проблем общественно-политической жизни был крестьянский вопрос. Филистерская позиция стороннего наблюдателя и холодного регистратора событий была чужда М. Н. Петрову. Он с явным осуждением говорил о стремлении знаменитого гуманиста Эразма Роттердамского отгородиться от бурь и потрясений Реформации [5, с. 28]. Однако М. Н. Петров не смог увидеть движущую силу общественного развития эксплуататорских обществ в классовой борьбе. Более того, историк неоднократно пытался доказать «почти повальную бесплодность всех насильственных переворотов в Европе, с великой Крестьянской войны в Германии XVI века до русской Пугачевщины, или — до Парижской Коммуны» [7, с. 12].

Полемизируя с народниками, М. Н. Петров справедливо отмечал: «Народные массы никогда не поднимались из-за одних идей, какие бы они ни были... Только тяжкие экономические бедствия, — голод, мор, нашествие чужеземцев, невыносимый гнет эксплуататоров народного труда, — заставляли массы участвовать во всех революциях, о каких только знает история» [7, с. 15]. Но вместе с тем историку была совершенно чужда идея соединения революционной теории с борьбой народных масс за свое освобождение. Революционная борьба с самодержавием им безоговорочно отвергалась. На протяжении всей своей деятельности М. Н. Петров отстаивал идею разрешения социальных противоречий мирным путем. Самым действенным средством политической борьбы историк считал борьбу за реформы парламентскими методами. Идеал общественного устройства он видел в конституционной монархии, которую представлял в виде надклассовой организации, ставящей своей целью достижение «общего блага». Он неоднократно писал о государственном строе средневековой Англии и характеризовал английский парламент как «плод солидарности всех классов общества» [7, с. 18]. В осуществлении идеи общественной солидарности историк и видел главную цель исторического прогресса.

М. Н. Петров оставил заметный след в истории отечественной науки как исследователь ряда важных проблем всеобщей истории и историографии, популяризатор исторических знаний и педагог. Анализ тематики его работ, оценки исторических событий, явлений и процессов, теоретических представлений о характере и движущих силах исторического развития, а также политических взглядов позволяет отнести М. Н. Петрова к числу представителей русской буржуазной умеренно-либеральной историографии.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Петров М. Н. О характере государственной деятельности Людовика XI. Х., 1850. 3. Петров М. Н. Отчет о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858-го по июль

1860-го года. Х., 1861. 4. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Х., 1861. 5. Петров М. Н. Об историческом значении классического образования (Речь, читанная в торжественном собрании Харьковского университета 17 янв. 1867 г.). Х., 1868. 6. Петров М. Н. Очерки из всеобщей истории. Х., 1868. 7. Петров М. Н. Историческая подготовка *Pro domo sua* (Из газеты «Южный край»). Х., 1881. 8. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. В 4 т. Х., 1888—1890. 9. *Обозрение преподаваемых предметов в императорском Харьковском университете на 1852—1853 академический год.* Х., 1853. 10. *Список чиновников и преподавателей Харьковского учебного округа.* Х., 1886. 11. Багалеи Д. И. М. Н. Петров//Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 13. 12. Багалеи Д. И. М. Н. Петров//Энциклопедический словарь/Брокгауз и Ефрон. Т. 23. С. 462. 13. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. В 2 ч. Л., 1929. Ч. 1. 14. Бузескул В., Сумцов Н., Багалеи Д. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Х., 1906. 15. Бузескул В. П. Некролог М. Н. Петрова//ЖМНП. 1887. № 3. 16. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940. 17. Вебер Б. Г. Великая крестьянская война в Германии в освещении М. Н. Петрова//Средние века. М., 1958. Вып. 13. 18. Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. 19. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1974. 20. Деревицкий А. Н. Михаил Назарович Петров (Страница из истории Харьковского университета): Биогр. очерк. Х., 1887. 21. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)/Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багаля. Х., 1908. 22. Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. 23. Шилова В. С. Некоторые вопросы истории Древнего Рима в освещении М. Н. Петрова//Вестн. Киев. ун-та. Сер. Ист. науки. 1982. № 24. 24. Центральный государственный исторический архив УССР.

Поступила в редколлегию 26.10.86

Г. Н. ПОПОВ, д-р ист. наук,
С. Ю. СТРАШНЮК, канд. ист. наук

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОПАГАНДЫ КИНОИСКУССТВА (1971—1985 гг.)

В современных условиях, благодаря своей массовости, умноженной средствами телевидения, универсальности воздействия на духовный и эмоциональный мир человека кинематограф стал не только явлением художественной культуры, но и влиятельной силой общественного прогресса. «Прогрессивное кино с его огромной аудиторией, — отмечал М. С. Горбачев, — может многое сделать для утверждения передовых идей времени, для торжества взаимопонимания и сотрудничества между странами и народами» [13, 1986, 21 мая].

Важное место принадлежит кинематографу и в укреплении духовных основ мирового социалистического содружества, упрочении дружеских уз между государствами, интернациональном, патристическом, идейно-нравственном и эстетическом воспитании трудящихся. Убедительным примером тому служит история развития советско-болгарского сотрудничества.

Творческие связи кинематографистов СССР и НРБ отчасти уже получили освещение в научной литературе. Большинство публикаций, принадлежащих перу киноведов, посвящены проблеме

типологического единства советского и болгарского искусства, влиянию советского кино на творческий рост болгарских режиссеров и операторов [7; 9; 10]. О развитии болгарской кинематографии и советско-болгарском сотрудничестве на этом поприще писали и авторы данной статьи [5—6]. Однако вопрос о взаимной пропаганде киноискусства в условиях социализма, ее роли в коммунистическом воспитании трудящихся еще не стал предметом специального исследования. Поэтому авторы видят свою задачу в том, чтобы раскрыть основные каналы ознакомления граждан СССР и НРБ с лучшими произведениями киноискусства обеих стран, выявить главные формы его пропаганды, а также показать влияние кино на повышение культурного уровня трудящихся, формирование у них научного мировоззрения, духовное сближение братских стран и народов.

Исходя из ленинской оценки роли кино как важнейшего из всех искусств [1, с. 116], в обеих странах много внимания уделяется вопросам кинопроката и взаимной пропаганды фильмов. Данные статистики свидетельствуют, что советские картины традиционно составляют основную часть репертуара болгарских кинотеатров и их распространение в стране является существенной частью культурной политики БКП и БЗНС, государственных учреждений и общественных организаций НРБ. В последнее десятилетие на экранах Болгарии ежегодно демонстрируется 45—55 новых художественных и 120—130 короткометражных лент советских киностудий [8, с. 123; 11, 1986, № 16, с. 46; 17, 1976, № 9, с. 6]. Производственная мощность отечественной кинематографии составляет ныне 150 игровых фильмов в год [12, 1981, № 10, с. 22]. Это означает, что болгарский зритель имеет возможность познакомиться с каждой третьей лентой, выпущенной на киностудиях нашей страны. Вместе с фильмами прошлых лет они собирают огромную аудиторию: 25—27 млн чел. ежегодно, или 25 % кинопосещений в республике [9, с. 420].

Болгарским телевидением осуществляется прямая трансляция из СССР большого количества советских фильмов. Если в первой половине 70-х годов республиканское телевидение предлагало ежегодно 80 советских картин [18, 1973, № 4, с. 6], то во второй — 95 [2, с. 234].

Наиболее массовая форма пропаганды советского кино — традиционные месячники и дни, которые проводятся ежегодно в канун годовщин Великой Октябрьской социалистической революции или в преддверии других знаменательных событий. О масштабах такого рода мероприятий свидетельствуют итоги дней советского кино осенью 1975 г. в Бургасском округе. С 3 по 16 ноября здесь демонстрировалось 73 фильма. Чтобы полнее учесть интересы разных категорий населения, кинотеатры организовали ряд тематических программ: военно-патриотического фильма — 7, фильмов молодежной тематики — 9, детско-юношеского фильма — 9, приключенческого — 7. Окружные комитеты болгарско-советской дружбы и ДКСМ организовали 40 обсуждений отдельных произведений,

а также заочный конкурс «Великая Отечественная война в советском кино», в котором приняли участие 600 чел. [26, д. 6—1—3, л. 15; д. 7—1—3, л. 22—23; д. 21—11—2, л. 67—68].

Подобные мероприятия, активно привлекающие внимание зрителей к духовным ценностям советского народа, проводятся во всех 27 округах Болгарии. Например, в 1978 г. 50 советских фильмов демонстрировалось одновременно в трех тысячах кинотеатров [21, 1978, 6 сент.]. Только в Софии и окружных центрах было организовано 30 декад, специализированных прогамм и вечеров, более 60 творческих портретов выдающихся мастеров советского экрана [19, 1978, № 2, с. 17—18]. В 1983 г. традиционные праздники советского кино, проходившие с 17 октября по 13 ноября, привлекли в болгарские кинотеатры более 3 млн чел. [18, 1984, № 2, с. 35].

Весьма эффективной формой приобщения трудящихся НРБ к лучшим образцам советского искусства являются декады отдельных киностудий. Так, в мае 1973 г. в ряде городов с большим успехом прошли дни «Мосфильма». Жители Софии, Пловдива, Варны и Велико-Тырново по достоинству оценили новейшие работы студии: «Сибирячка», «За все в ответе», «Горячий снег», «Человек на своем месте» и др. В крупные события культурной жизни болгарского народа вылились также дни «Ленфильма» (1974), киностудий союзных республик — Украины (1974), Киргизии (1975), Армении (1976) и др. [16, 1973, № 5, с. 20; 1974, № 8, с. 6; 1976, № 8, с. 14; 21, 1974, 30 окт.; 1975, 24 окт.]. Эстетическому воспитанию трудящихся, совершенствованию их художественных вкусов послужили также ретроспективные показы творчества выдающихся советских режиссеров и актеров — С. Бондарчука, А. Тарковского, И. Смоктуновского, В. Шукшина и др. [14, 1974, 15 марта; 16, 1976, № 9, с. 6; 24, 1978, № 11, с. 2].

Весомый вклад в популяризацию советского киноискусства вносит Дом советской науки и культуры (ДСНК) в Софии. Лишь в год 60-летия Великого Октября им организовано 650 демонстраций художественных, документальных и научно-популярных фильмов, по различным болгарским адресам отправлена 1181 кинокопия [25, д. 1800, л. 145]. 18 января 1977 г. при ДСНК открылся Клуб друзей советского кино [16, 1977, № 8, с. 20]. Он поддерживает прочные связи с Центральным домом болгаро-советской дружбы, где для школьников и студентов многие годы успешно работает кинофакультет «Экранизация произведений русской и советской классики» [14, 1972, 1 мая].

Руководство ДСНК действительно использует средства кино для пропаганды советского передового опыта в различных отраслях народного хозяйства и культуры. Уже в начале деятельности ДСНК, 18 июля 1975 г., для специалистов химической и других отраслей промышленности был проведен день научно-технического фильма. Вскоре по инициативе Комитета по научно-техническому прогрессу НРБ состоялась встреча его руководства с работниками ДСНК, где было решено создать двустороннюю смешанную ко-

миссию по оценке и отбору научно-технических фильмов для специалистов народного хозяйства [25, д. 1400, л. 72—73]. Одним из важнейших результатов деятельности комиссии явилось проведение осенью 1977 г. в Плевене недели советских научно-технических фильмов, в ходе которой демонстрировалось 70 новых лент, раскрывающих богатый советский опыт и достижения в области электроники, машиностроения, легкой и химической промышленности, транспорта, сельского хозяйства и образования [21, 1977, 10, 16 окт.]. Их смотрели более четырех тысяч человек [25, д. 2170, л. 66]. С 1983 г. под эгидой ДСНК постоянно действует кинолекторий «Советский передовой опыт и достижения экономики СССР» [21, 1985, 22 нояб.].

Большую и разнообразную работу по пропаганде советского кино в Болгарии проводят также Национальная фильмотека и софийский Дом кино. Здесь регулярно организуются просмотры фильмов, встречи с делегациями советских кинематографистов [15, 1985, № 11, с. 5]. Дополнительные возможности ознакомления граждан НРБ с новейшими достижениями советского кино открылись с учреждением в Софии летом 1980 г. представительства внешнеторговой организации «Союзэкспортфильм» [22, 1980, 29 окт.]. В его задачу входят как вопросы коммерческого, так и полукommerческого и некоммерческого проката, т. е. распространение советских фильмов в киноклубах, университетах, школах, на открытых площадках за минимальную, чисто символическую плату или бесплатно [20, 1983, № 3, с. 4].

При исследовании воздействия советского киноискусства на многомиллионную киноаудиторию Болгарии следует попытаться создать совокупный портрет болгарского зрителя, регулярно посещающего советские фильмы. Это имеет не только научное, но и политическое, а также практическое значение. Ценный материал для решения данной задачи дают результаты социологических исследований, полученные Центром социологии кино при Государственном объединении «Болгарская кинематография», который в 1977 г. вошел в качестве составной части в Научно-информационный центр при Комитете по культуре НРБ. В 1972—1973 гг. его сотрудники провели комплексное исследование «Кино и зритель», результаты которого показывают, что советские фильмы среди зарубежной кинопродукции пользуются наибольшим успехом и идут вслед за болгарскими, уступая им лишь 11,5 % зрительских голосов [16, 1976, № 1, с. 2].

Отношение к советским фильмам отдельных групп кинозрителей позволяет выявить некоторые особенности их восприятия. Если мужчины и женщины одинаково интересуются советским кино, то из возрастных групп этот интерес выше среди зрителей старше 30 лет. Служащие с высшим образованием (50 % аудитории), которые способны глубже оценить художественные достоинства фильмов, ставят их на первое место в своих предпочтениях (79 %). В остальных социально-профессиональных группах число любителей советского кино почти одинаково (около 60 %), они ставят

его на второе место среди фильмов социалистических стран, т. е. непосредственно за болгарскими [16, 1976, № 1, с. 2].

Дополнительные штрихи к социально-демографической характеристике болгарской киноаудитории дают зондажные исследования отдельных картин — «Офицеры», «Самый последний день», «Прошу слова», «Сибириада», «Пять вечеров» и «Москва слезам не верит» [17, 1981, № 7, с. 16—17; 19, 1980, № 1, с. 29—66; 1981, № 1, с. 95—97]. Они, в частности, показали, что среди рабочего класса наблюдаются более прочные традиции систематического посещения советских фильмов (32,8 % смотрит их регулярно). Студенческая среда проявляет менее устойчивый интерес [19, 1980, № 1, с. 33]. Данное явление социологи объясняют тем, что значительная часть советских картин посвящена так называемой «производственной теме», жизни рабочего класса. Это подтверждают и сами рабочие. «Предпочитаю, — говорит токарь Софийского завода им. Г. Димитрова Н. Джурджев, — советские фильмы остальных произведений зарубежных кинематографий, потому что в них правдиво и интересно разрабатываются проблемы, которые нам знакомы и нас волнуют» [23, 1982, 26 сент.].

В исследуемый период значительно расширились возможности советских людей регулярно знакомиться с творчеством кинематографистов НРБ. На 1 февраля 1972 г. в действующем Госфильмофонде СССР находилось 88 болгарских лент, в том числе 42 художественные, 28 мультипликационных, 14 документальных и 4 научно-популярных [Подсчитано по: 3, вып. 2, с. 174—225; вып. 3, с. 309—326]. В 1972—1981 гг. «Совэксспортфильм» закупил в Болгарии еще 78 игровых полнометражных фильмов, т. е. в среднем 8 в год по сравнению с 5—6 в 60-е годы и 10—12 — в последнее время [13, 1986, 13 янв.]. Рост импорта объясняется, с одной стороны, повышением идейно-художественного и профессионального уровня болгарской кинематографии, с другой — ее возросшими производственными возможностями. За последние 15 лет киностудии НРБ ежегодно выпускали в среднем 20—25 художественных, 30—35 телевизионных и свыше 500 короткометражных фильмов [4, с. 109].

В Советском Союзе болгарские фильмы собирают каждый год 30—40-миллионную аудиторию [12, 1973, № 5, с. 133], что является убедительным свидетельством их успеха. Это подтверждают и результаты ежегодных опросов, проводимых журналом «Советский экран». Треть (в 1972, 1973 и 1981 гг.) болгарские картины назывались лучшими среди фильмов социалистических стран [15, 1973, № 10, с. 13; 1974, № 5, с. 13; 1982, № 10, с. 12].

Встречи советских зрителей с творчеством болгарских кинематографистов наиболее активно проходят во время традиционных недель болгарского кино, которые приурочиваются к национальному празднику Болгарии — Дню свободы и другим знаменательным датам. В 1974 г., когда болгарский народ отмечал 30-летие победы социалистической революции, они прошли в десятках населенных пунктов. Помимо премьерных показов в Москве, Ле-

нинграде, Киеве и Сыктывкаре, 40 лучших болгарских фильмов последних лет увидели жители Одессы, Ростова-на-Дону, Житомира, Тольятти, Дербента, других городов и сел [25, д. 401, л. 24. 86, 103; 14, 1974, 13 сент.; 15, 1974, № 20, с. 2]. Тогда же в кинотеатрах Москвы, Кисловодска и Пятигорска открылась ретроспективная панорама фильмов с участием болгарской актрисы Невены Кокановой [15, 1974, № 12, с. 17]. В 70-е — первой половине 80-х годов недели премьер болгарских фильмов состоялись также в Братске, Вильнюсе, Кишиневе, Минске, Петрозаводске, Сочи, Таллине, Тбилиси, Харькове и других городах.

Значительную работу по пропаганде болгарского кино проводит Общество советско-болгарской дружбы (ОСБД), организуя фестивали болгарских фильмов, встречи трудящихся с их создателями, обсуждения просмотренных лент. Интересен в этом отношении опыт Ленинградского отделения ОСБД, которое практикует выступления активистов в печати, по радио, телевидению и лекционную пропаганду в кинолектории «Народная Болгария». В 1977 г. кинолекторий посетили 12 тыс. чел., а в 1978 г. число слушателей превысило 20 тыс. [25, д. 1517, л. 37; д. 1923, л. 40—41]. Наибольший интерес у ленинградцев вызвали просмотр и последующее обсуждение фильма Христо Христова «Барьер», удостоенного Серебряной награды на XI Международном кинофестивале в Москве [18, 1980, № 12, с. 52]. Плодотворная дискуссия показала, что целесообразно организовать в нашей стране ретроспективный показ картин этого замечательного режиссера. Интернациональному и эстетическому воспитанию советских людей способствовало бы также панорамное освещение творчества таких ведущих мастеров болгарского экрана, как режиссеры Людмил Кирков и Иванка Грыбчева, сценаристы Анжел Вагенштайн и Георгий Мишев, артисты Георгий Георгиев-Гец и Цветана Манева, документалисты Христо Ковачев и Оскар Кристанов. Не вызывает сомнения полезность тематических показов болгарских антифашистских фильмов, картин рабочих, сельской, молодежной проблематики, в разработке которой кинематографисты НРБ добились значительных успехов. Все это говорит о больших резервах сотрудничества в области кино, дополнительных возможностях использования искусства экрана для всестороннего сближения советского и болгарского народов.

Таким образом, в 70-е — первой половине 80-х годов важнейшими каналами ознакомления граждан СССР и НРБ с лучшими произведениями киноискусства братских стран были импорт и прокат фильмов в национальной киносети; взаимное проведение дней (месячников, декад, недель) киноискусства; организация ретроспективных и тематических показов; совместная пропаганда кино средствами телевидения. Наряду с государственными учреждениями и Союзами кинематографистов значительную работу проводят комитеты советско-болгарской и болгаро-советской дружбы. Советские фильмы играют заметную роль в формировании мировоззрения и активной жизненной позиции трудящихся НРБ. Как

и лучшие картины болгарских мастеров экрана, демонстрировавшиеся в СССР, они эффективно служат духовному сближению советского и болгарского народов, ускорению экономического и социального развития обеих стран.

Список литературы: 1. *Самое важное из всех искусств. Ленин о кино: Сб. документов и материалов.* М., 1973. 2. *Димитрова Г.* Болгаро-советское культурное сотрудничество на современном этапе (1970—1980 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. М., 1981. 3. *Каталог фильмов действующего фонда.* М., 1972. Вып. 2; 3. 4. *Народная Республика Болгария: Справочник.* М., 1984. 5. *Попов Г. М.* Развитие кинематографии и повышения її громадської ролі в Народній Республіці Болгарії (1949—1962) // Пробл. слов'янознавства. Львів, 1983. Вип. 27. 6. *Попов Г. Н., Страшнюк С. Ю.* Советско-болгарское сотрудничество в развитии кинематографии (1971—1985 гг.) // Сов. славяноведение. 1986. № 6. 7. *Александров А.* Съветското киноизкуство и нашият игрален филм // Киноизкуство. 1967. № 10. 8. *Папазов Н.* Неотклонен курс към всестранно сближаване на НРБ със СССР // Ново време. 1986. № 3. 9. *Писарев П.* Общото и специфичното в съветското и българското киноизкуство // Летопис на дружбата. София, 1975. Т. 5. 10. *Стоименов С.* Сходния явления в стилистиката на българското и съветското кино // Проблемите на изкуство. 1975. № 2. 11. *Агитатор.* 12. *Искусство кино.* 13. *Правда.* 14. *Советская культура.* 15. *Советский экран.* 16. *Болгарские фильмы.* 17. *Българо-съветска дружба.* 18. *Киноизкуство.* 19. *Култура, съвременност, личност.* Серия II. 20. *Огни Болгарии.* 21. *Работническо дело.* 22. *Софийские новости.* 23. *Труд: Орган Центрального совета Болгарских профессиональных союзов.* 24. *Филмови новини.* 25. *Архив Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами,* ф. р-9576, оп. 20. 26. *Бургасский окружной государственный архив,* ф. 802, оп. 2.

Поступила в редколлегию 30.10.86

А. И. ТУМАКОВ

**СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ,
ЗАНЯТЫХ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ОБЪЕКТОВ В СССР (1971—1981 гг.)**

70-е годы ознаменовались новыми успехами стран — членов СЭВ в развитии взаимовыгодного сотрудничества. В широких масштабах осуществлялись совместное освоение природных ресурсов и сооружение крупных интеграционных производственных комплексов, рассчитанных на удовлетворение потребностей всех участвовавших в строительстве стран.

Активное участие в освоении топливно-сырьевых ресурсов СССР принимает НРБ. В рассматриваемый период болгарские рабочие и специалисты трудились в шести союзных и двух автономных республиках Советского Союза [11, с. 111—112]. Благодаря их труду к концу 70-х годов были сооружены и введены в действие около 120 крупных промышленных объектов, сданы в эксплуатацию десятки школ и яслей, сотни жилых домов [12, 1980, 25 февр.].

Совместная трудовая деятельность советских и болгарских рабочих способствует дальнейшему сближению двух братских народов. При этом особенно важное значение приобретают контакты партийных и общественных организаций СССР и НРБ в области

идеологического обеспечения производственной деятельности на интернациональных стройках.

Многоплановое сотрудничество братских партий, молодежных, профсоюзных и других общественных организаций социалистических стран в различных сферах материальной и духовной жизни нашло отражение в ряде обобщающих исследований [4, 7—8, 10 и др.]. Большой интерес представляют работы, изданные в тех районах СССР, где трудились и продолжают трудиться болгарские рабочие и специалисты [2—3, 6, 9 и др.].

В настоящее время, когда наметились новые перспективы для дальнейшего развития советско-болгарских экономических отношений, в том числе и в области совместного освоения природных ресурсов, проблема творческого сотрудничества партийных и общественных организаций двух стран в сфере идейно-политического воспитания трудящихся интеграционных объектов требует дальнейшего углубленного изучения.

В рассматриваемый период были установлены тесные контакты между партийными организациями советских и болгарских производственных коллективов, занятых совместным трудом. В начале 80-х годов в СССР работало около 5 тыс. членов БКП. Партийное руководство их деятельностью осуществлял Объединенный партийный комитет БКП (ОК БКП), которому были предоставлены права окружного комитета партии. Ему структурно подчинялись два городских и один районный комитеты БКП, 163 первичных партийных организации, 120 из которых действовали на производстве [10, с. 88; 13, 1981, 14 марта]. С марта 1972 г. для болгарских граждан, работающих и обучающихся в СССР, ОК БКП издает газету «Дружба».

Важная роль в воспитании трудящихся интеграционных объектов в духе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма принадлежит политической учебе. При ОК БКП был создан Дом политического просвещения, а при партийных комитетах — кабинеты политпроса, образованы звенья партийной, комсомольской и профсоюзной учебы, сфера охвата которых постоянно расширялась. Так, если в 1974 г. для рабочих и специалистов из НРБ в сети профсоюзной учебы действовало 216 звеньев, то в 1976 г. их количество увеличилось до 340, а число обучающихся возросло соответственно с 3112 до 10000 чел. [17, ф. 5451, оп. 17/52, д. 91, л. 34]. В 1979/80 учебном году в системе политической учебы для болгарских трудящихся в СССР было создано 851 звено, в работе которых приняли участие 22000 чел. [13, 1981, 14 марта].

В процессе совершенствования системы политической учебы болгарские коммунисты учитывали опыт КПСС. Так, в конце 70-х годов была создана система экономического образования с дифференцированной тематикой для различных категорий рабочих и служащих, в которую включилось более 5600 участников [13, 1981, 14 марта]. В ходе учебы посланцы НРБ знакомились с опытом коммунистического строительства в СССР. С этой целью наряду с традиционными курсами «История БКП», «Живет дело

Димитрова» и др. стали осваиваться курсы истории КПСС, основ экономических и политических знаний [14, 1975, № 22, с. 15]. В Коми АССР 36 % слушателей системы политпроса изучали курс «СССР — страна, строящая коммунизм» [15, 1980, № 18, с. 30]. Изучение курса «История КПСС» было включено и в систему профсоюзной учебы.

Наряду с этим болгарские рабочие и специалисты обучались и в советской системе политического просвещения. Так, на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам интернационального и патриотического воспитания (Рига, 28—30 июня 1982 г.) отмечался повышенный интерес болгарских строителей, работающих в СССР, к учебе в университетах марксизма-ленинизма при обкомах КПСС. При университете марксизма-ленинизма Белгородского обкома КПСС, например, был создан специальный филиал для болгарских строителей, работающих на Курской магнитной аномалии, в котором ежегодно занимались 200 чел. Преподавание велось на русском языке по специальной программе с продленным сроком обучения. Всего же в начале 80-х годов в вечерних университетах марксизма-ленинизма при обкомах КПСС ежегодно обучалось около 400 болгарских партийных и комсомольских активистов [13, 1981, 14 марта].

В своей повседневной деятельности партийные организации КПСС и БКП целенаправленно использовали такие проверенные практикой формы работы, как организация совместного празднования памятных и юбилейных дат в жизни советского и болгарского народов, проведение Ленинских пятниц, дней открытого письма, политинформаций.

Сотрудничество советских и болгарских партийных организаций в ходе совместного освоения топливно-сырьевых ресурсов СССР способствовало их взаимообогащению передовым опытом политической работы в трудовых коллективах. Так, в 1980 г. Секретариат ЦК БКП принял постановление «О совершенствовании устной политической агитации», в котором была дана высокая оценка практики проведения единых политдней партийными комитетами КПСС. В связи с этим в июле 1981 г. на страницах газеты «Дружба» были опубликованы материалы, обобщающие опыт советских коммунистов и содержащие конкретные рекомендации по проведению единых политдней в болгарских трудовых коллективах, работающих в СССР [13, 1981, 11 июля].

Одним из важнейших направлений политико-воспитательной работы среди трудящихся братских стран на совместно сооружаемых объектах является лекционная пропаганда, в ходе которой расширяется и углубляется сотрудничество между Всесоюзным обществом «Знание» и болгарским обществом им. Г. Киркова. Для обеспечения действенной и целенаправленной лекционной работы на интеграционных объектах было создано 10 филиалов общества им. Г. Киркова [13, 1981, 14 марта]. Особое внимание в деятельности обществ уделялось разъяснению решений съездов КПСС и БКП. Так, для болгарских лесозаготовителей в Коми

АССР в 1977—1978 гг. было прочитано более 250 лекций по материалам XXV съезда КПСС и XI съезда БКП [15, 1979, № 14, с. 22]. Этот опыт пропаганды решений партийных съездов был использован и в дальнейшем.

В целях повышения эффективности лекционной пропаганды организации общества «Знание» и общества им. Г. Киркова стали проводить совместные мероприятия с активом. В частности, правление Белгородской областной организации общества «Знание» и отделение общества им. Г. Киркова провели в 1979 г. зональный семинар, на котором присутствовали 130 чел., в том числе 40 лекторов от коллективов болгарских строителей. На семинаре были прочитаны лекции по ряду теоретических вопросов, состоялся обмен опытом работы.

С каждым годом совершенствовалась тематика читаемых лекций, росли масштабы лекционной работы. Так, в Коми АССР лекторами общества «Знание» и общества им. Г. Киркова для болгарских рабочих в 1976 г. было прочитано 216 лекций, в 1977—219, а 1978 — более 280 [15, 1979, № 14, с. 22], причем в конце 70-х годов осуществлялся переход от чтения разовых лекций по различной проблематике к системным методам пропаганды. Советские и болгарские лекторы все шире стали практиковать чтение циклов лекций по актуальным проблемам современной жизни.

Действенную помощь партийным организациям в деле воспитания трудящейся молодежи оказывают комсомольские организации СССР и НРБ. В рассматриваемый период в практику сотрудничества организаций ВЛКСМ и ДКСМ в области идейно-политического воспитания молодежи прочно вошли такие формы, как совместное планирование работы по укреплению интернациональных связей, проведение семинаров и встреч активистов советских и болгарских молодежных организаций, создание молодежных лекториев и др.

В 70-е годы стало практиковаться проведение научно-практических конференций. В частности, в мае 1976 г. в Архангельске состоялась научно-практическая конференция комсомольского актива «Интернациональное воспитание молодежи в процессе совместной работы советских и болгарских строителей в свете решений XXV съезда КПСС и XI съезда БКП». В ней приняли участие представители тех городов и районов СССР, где трудились болгарские рабочие и специалисты. В ходе конференции был обобщен опыт, накопленный комитетами ВЛКСМ и ДКСМ по воспитанию молодежи в духе интернационализма [14, 1976, № 16, с. 11].

Активными проводниками идей интернационализма являются Общество советско-болгарской дружбы (ОСБД) и Всенародный комитет болгаро-советской дружбы. Их деятельность вносит весомый вклад в укрепление братских связей между народами СССР и НРБ.

В процессе расширения сотрудничества по совместному освоению природных ресурсов и связанному с этим участию болгарских рабочих в выполнении договорных работ на территории СССР

сфера деятельности ОСБД значительно расширилась. Если раньше его отделения создавались преимущественно в тех областях СССР, которые породнились с болгарскими округами, то с конца 60-х годов отделения общества друзей Болгарии стали возникать в тех районах, где трудились болгарские производственные коллективы. Так, в 1968 г. состоялась учредительная конференция республиканского отделения ОСБД в Коми АССР. В начале 70-х годов были созданы Туркменское республиканское, Архангельское, Бухарское, Ждановское, Железногорское, Каршинское и другие городские и районные отделения ОСБД.

Значительно расширило свой состав Украинское отделение ОСБД, которое объединяет в своих рядах 11 областных, 32 городских, 85 районных отделений и более 1400 организаций — коллективных членов [5, с. 12—13]. Так, в 1979 г. было образовано Харьковское городское отделение ОСБД, в которое вступили 37 коллективных членов, 141 тыс. чел. [16, 1982, 22 апр.] Необходимость создания этого отделения усиливалась также и тем, что на территории Харьковской области, в городе Краснограде и поселке Червоный Донец, трудились коллективы болгарских рабочих [19, ф. 2, оп. 175, д. 160, л. 184].

Отделения ОСБД организовывали и проводили лекции, вечера дружбы, читательские конференции, устные журналы, кинофестивали. Расширение непосредственных контактов советской общественности с посланцами НРБ способствовало дальнейшему углублению традиционных дружественных отношений между народами двух стран. Так, в 1980 г. в Железногорске, Губкине, Небит-Даге и других городах местные отделения ОСБД организовали празднование десятилетия работы болгарских строителей на интеграционных объектах. Были открыты народные музеи, витрины и уголки дружбы, рассказывающие о славных традициях советско-болгарского трудового братства [18, ф. 9576-р, оп. 20, д. 3050, л. 12].

Заслуживает внимания опыт местных активистов ОСБД по созданию клубов советско-болгарской дружбы. В 1972 г. такой клуб был образован в Сыктывкаре при краеведческом музее. Для болгарских лесозаготовителей проводились экскурсии, встречи с деятелями культуры, ветеранами Великой Отечественной войны и труда, беседы по истории Коми АССР, многочисленные выставки. Подобные клубы созданы и в других городах страны.

Таким образом, происходящая на современном этапе миграция рабочей силы в рамках мировой социалистической системы наряду с выполнением важных народнохозяйственных задач способствует широкому ознакомлению трудящихся с опытом социалистического строительства братских народов.

Участие болгарских рабочих и специалистов в освоении природных ресурсов на территории СССР позволяет им расширить свои представления о советском образе жизни. Социалистическая действительность оказывает определяющее воздействие на формирование общественного сознания трудящихся интернациональных

производственных коллективов. Важную роль в усилении их идейно-политического воспитания играют партийные и общественные организации СССР и НРБ, тесное взаимодействие которых обусловило превращение интеграционных объектов в школу подлинного социалистического интернационализма. «Во взаимосвязи передовых идей и практики строительства нового общества, — подчеркивалось на XXVII съезде партии, — черпает энергию и действенность социалистическая идеология» [1, с. 85].

В 70-е годы в полной мере определились основные направления сотрудничества партийных и общественных организаций братских стран в сфере идеологической, политико-воспитательной работы, проводимой на интеграционных объектах в СССР. Эта работа продолжает развиваться и совершенствоваться и в наши дни. О ее результативности свидетельствуют успешное выполнение интернациональными трудовыми коллективами производственных заданий, досрочный ввод в действие ряда важнейших промышленных объектов.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *В рабочем родстве*: Сб. ст. Архангельск, 1976. 3. *Дружба не знает расстояний*. Сыктывкар, 1970. 4. *Знаменская М. В.* Дружба миллионов. К., 1974. 5. *Знаменська М. В.* Роль Українського відділення Товариства радянсько-болгарської дружби у зміцненні інтернаціонального співробітництва трудящих // *Історичні дослідження. Історія зарубіжних країн*. К., 1985. Вип. 11. 6. *Сердца открыты дружбе*. Сыктывкар, 1975. 7. *Сотрудничество болгарских и советских профсоюзов*. М., 1984. 8. *Сотрудничество общественных организаций стран социализма*. К., 1983. 9. *Сюткин А. Ф.* Интернационализм в действии. Сыктывкар, 1978. 10. *Тупикин А. П.* Творческое сотрудничество братских партий стран социализма. М., 1983. 11. *Тодоров Г.* Българо-советска дружба през етапа на изграждане на зрелия социализъм (Априлски измерения). София, 1985. 12. *Правда*. 13. *Дружба*. 14. *Вестник политической информации*. Архангельск. 15. *Вестник политической информации*. Сыктывкар. 16. *Красное знамя*: Орган Харьк. обкома Компартии Украины и обл. Совета нар. депутатов. 17. *Центральный архив ВЦСПС*. 18. *Архив Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами*. 19. *Партиархив* Харьковского обкома Компартии Украины.

Поступила в редколлегию 30.10.86

А. В. КРАВЧЕНКО

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА (1955—1985 гг.)

В деле строительства и совершенствования социалистического общества, в формировании мировоззрения людей, их нравственных идеалов все более важную роль играет сфера художественной культуры, в том числе театральное искусство. Возрастает его значение и в укреплении международных связей, взаимопонимания между народами. Подтверждением тому служат советско-югославские театральные связи.

Их история уже привлекала внимание советских ученых. В работах Н. М. Вагаповой, Л. Н. Дмитриевой, В. Д. Козлитина, В. М. Милича исследованы контакты театральной общественности

Советского Союза и Югославии 20—40-х гг. [1; 2; 4; 5], однако дальнейшее их развитие лишь фрагментарно рассмотрено в работах историков и искусствоведов обеих стран [3; 7; 8; 10]. Целью данной статьи является попытка выявить основные формы сотрудничества театральной общественности СССР и СФРЮ за последние три десятилетия (1955—1985 гг.).

Прочной основой советско-югославского взаимодействия в области театрального искусства является межправительственная Конвенция о культурном сотрудничестве от 17 мая 1956 г. [11, № 6, с. 154—155], важнейшие положения которой были дополнены и развиты в совместном Соглашении об обмене в области науки, культуры и образования от 24 мая 1974 г. [6, с. 530—534].

Развитие театральной культуры обеих стран с середины 50-х годов характеризуется активным проявлением новых творческих сил, многообразием сценических поисков, взаимообогащением национальных традиций, расширением контактов с зарубежными коллегами.

Художественные советы югославских театров значительное внимание уделяют популяризации мировой, в том числе русской и советской классики, а также современной драматургии народов СССР. На крупных и малых сценах Югославии широко представлены произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького. Значительные результаты принесли оригинальные интерпретации русской прозы. Не ослабевает интерес к творчеству В. Н. Билль-Белоцерковского, В. В. Вишневского, В. В. Иванова, Б. А. Лавренева, Л. М. Леонова, К. А. Тренева. События революции и гражданской войны, запечатленные в их произведениях, созвучны событиям недавнего прошлого Югославии, а героико-романтический пафос и драматургическая форма соответствуют этапу, переживаемому театральным искусством страны. Широко отмечавшиеся здесь сорокалетняя и пятидесятилетняя годовщины Великой Октябрьской социалистической революции стали дополнительным стимулом для обращения к советской литературе 20—30-х годов. В 1968 г. в белградском Народном театре впервые в мире был инсценирован роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» [13, 1968, № 3, с. 169]. Широкое распространение получили сатирические пьесы М. А. Булгакова, В. В. Маяковского, Н. Р. Эрдмана.

Успехи советской драматургии во многом предопределили появление на сценах Югославии произведений современных советских авторов. Наибольший интерес вызвало творчество А. Н. Арбузова, А. В. Вампилова, Э. С. Радзинского. Всего же в рассматриваемый период в Югославии было поставлено свыше 60 пьес драматургов нашей страны, причем количество премьер увеличилось с одной в сезоне 1958/59 г. до 17 в 1981/82 г. [18, 1959, № 11, с. 21—23; 22, с. 1—3].

В свою очередь, после непродолжительного перерыва на афишах советских театров вновь появились произведения югославской классики и современных драматургов. В 1955 г. в театре

им. Моссовета в новой сценической редакции Ю. А. Завадского была возобновлена постановка пьесы известного сербского сатирика Б. Нушича «Госпожа министерша». В следующем году это произведение было поставлено Белорусским академическим театром им. Я. Купалы и драматическим театром им. Ленсовета. К концу 60-х годов «Госпожа министерша» выдержала свыше тысячи представлений на различных сценах страны. Большой успех выпал на долю и другой пьесы Б. Нушича — «Доктор философии», поставленной в 1956 г. режиссерами Малого академического театра и драматического театра им. А. С. Пушкина в Москве, Ленинградского театра комедии, Грузинского академического театра им. Ш. Руставели, Государственного академического драматического украинского театра им. И. Франко. Только за первое полугодие 1956 г. пьеса была показана 827 раз, став одним из наиболее популярных произведений зарубежных авторов на советской сцене [13, 1957, № 1, с. 158]. Среди пьес этого драматурга, к которым особенно часто обращались советские театры в последующие годы, назовем «Господин покойник» и «Обыкновенный человек», а в числе наиболее посещаемых спектаклей 60-х — первой половины 70-х годов — комедии «Три соловья, дом 17» Д. Добричанина и «Ограбление в полночь» М. Митровича. В 1982 г. впервые на советской сцене в Государственном молодежном театре Эстонской ССР была показана драма И. Брешана «Постановка „Гамлета“» [13, 1982, № 7, с. 48].

Взаимному знакомству с театральным искусством обеих стран способствовал обмен гастролями лучших коллективов. Так, в 1956 г. во всех республиках Югославии с триумфом прошли выступления МХАТа. В условиях острых эстетических споров в театральной среде гастроль этого театра, продолжающего реалистические традиции К. С. Станиславского, стали заметным явлением культурной жизни страны [19, 1956, № 4, с. 46—48].

В следующие 15 лет здесь побывали известные театры: им. Моссовета (1966), им. Е. Вахтангова (1969), Ленинградский Государственный театр миниатюр (1967) [9, с. 322; 17, 1969, № 5/6, с. 713—714; 17, 1967, № 4, с. 711].

Особенно интенсивно развивались контакты в этой области в 70-е годы — первой половине 80-х годов. В Югославию выезжали 20 советских драматических коллективов, в том числе 13 московских театров, а также ленинградский Большой драматический театр им. М. Горького (1976), ведущие коллективы Украины, Грузии, республики Прибалтики. Среди них такие известные у нас и за рубежом, как Грузинский академический театр им. Ш. Руставели (1978), Эстонский государственный академический театр «Ванемуйне» (1979), Государственный академический украинский драматический театр им. И. Франко (1982) [13, 1979, № 6, с. 112—118; 1980, № 7, с. 120; 15, 1983, № 3, с. 29—32]. Советские артисты стремились познакомить зрителей Югославии как с лучшими постановками русской и мировой классики, так и с основными сцени-

ческими произведениями многонациональной советской драматургии.

С конца 60-х годов посещение Югославии коллективами из нашей страны связано прежде всего с участием в международных театральных смотрах. Крупнейшим из них является Белградский интернациональный театральный фестиваль (БИТЕФ), проводимый ежегодно с 1967 г. Творческое соревнование театров различных художественных направлений и эстетических программ придает конкурсу характер важного идеологического мероприятия. В рамках БИТЕФа выступали 11 советских театров. В 1974 г. Гран-при фестиваля завоевал спектакль театра на Малой Бронной «Дон Жуан» Мольера, поставленный А. В. Эфросом [20, 1973, № 5, с. 84—88]. Дважды добивался победы на белградской сцене Театр драмы и комедии на Таганке. В 1976 г. высшей наградой отмечена представленная им постановка «Гамлета», а в 1985 г. главным и специальным призами конкурса награждены «Вишневый сад» А. П. Чехова и «На дне» А. М. Горького [13, 1977, № 4, с. 126; 12, 1985, 26 сент.]. Высокую оценку получили работы Г. А. Товстоногова и М. А. Захарова. Состязание с ведущими драматическими труппами из многих стран мира способствовало более полному раскрытию творческих возможностей советских актеров. В то же время художественные принципы социалистического реализма, развиваемые лучшими советскими коллективами, оказали определенное влияние на эстетическую направленность югославского театрального искусства.

В свою очередь, в Советском Союзе побывало 14 ведущих театров Югославии, причем 10 из них—в период между 1971 и 1985 годами. Советские зрители имели возможность познакомиться с творчеством как крупнейших национальных трупп, прежде всего Югославского драматического театра — ЮДТ (1956, 1965, 1978, 1982), Загребского драматического театра им. Б. Гавеллы (1974), так и молодых коллективов экспериментального направления: «Ателье-212» из Белграда (1965), «Театр в гостях» (1978) и «ИТД» (1984) из Загреба, «Камерный театр-55» из Сараево (1979) [17, 1968, № 2, с. 273; 21, 1978, с. 2; 1979, с. 2, 1984, с. 2]. Гастрольные спектакли позволили достаточно полно познакомить советских зрителей с художественным и национальным своеобразием югославских театров.

В 60-е годы появилась новая форма театрального сотрудничества: обмен актерами и режиссерами для совместной работы над спектаклями. Дважды выезжала в 1962—1963 г. в Югославию одна из ведущих актрис московского академического театра им. Е. Вахтангова Юлия Борисова для участия в спектаклях «Иркутская история» по пьесе А. Н. Арбузова [13, 1963, № 12, с. 134—143]. В 1965 г. главную роль в драме А. М. Горького «Егор Булычев и другие» на сцене ЮДТ исполнил народный артист СССР Борис Ливанов [18, 1965, № 28, с. 37]. В 1963 г. актриса Белградского драматического театра Мира Ступица участвовала в спектакле вахтанговцев «Дундо Марое» М. Држича [18, 1964, № 24,

с. 44], а спустя четыре года один из крупнейших мастеров ЮДТ Миливое. Живанович первым из зарубежных мастеров был удостоен медали им. К. С. Станиславского за исполнение роли Егора Булычева в постановке МХАТа [17, 1967 № 1, с. 85—86].

К настоящему времени накоплен определенный опыт творческого сотрудничества советских режиссеров с югославскими коллективами. Итогом их совместной деятельности явились более 10 спектаклей. Большой резонанс в среде театральной общественности вызвала постановка Ю. А. Завадским в 1966 г. чеховского «Иванова» в ЮДТ [8, с. 156—158]. Исполнитель главной роли, известный актер и режиссер Стево Жигон, оценил эту работу как одно из самых значительных событий его жизни, определивших дальнейшую творческую судьбу [12, 1980, 30 апр.]. Особенно плодотворным было взаимодействие мастеров театра обеих стран в 70-е — первой половине 80-х годов, в течение которых на сценах пяти театров Сербии, Словении и Македонии советскими режиссерами осуществлены восемь постановок произведений русской и советской классики, современной советской литературы. Особое значение для развития реалистического направления в югославском сценическом искусстве имели встречи с ведущими советскими мастерами. Высокую оценку критики получила работа главного режиссера театра им. Е. Вахтангова Е. Р. Симонова с труппой ЮДТ над спектаклем «Волки и овцы» по пьесе А. Н. Островского в 1974 г. [10, с. 73]. Результатом совместного творчества главного режиссера московского академического театра им. В. Маяковского А. А. Гончарова и артистов Словенского национального театра стали спектакли «Дети Ванюшина» по пьесе С. А. Найденова и «Бег» М. А. Булгакова [12, 1978, 11 авг.]. Новые возможности творческой интерпретации классического произведения открыла для югославских коллег постановка Г. А. Товстоноговым на сцене ЮДТ «Трех сестер» А. П. Чехова [13, 1985, № 2, с. 155].

Первым удачным опытом совместной творческой работы режиссеров СФРЮ с советскими актерами стал спектакль по пьесе М. Држича «Дундо Марое», созданный в 1963 г. под руководством одного из видных представителей югославского театра Бояна Ступицы в театре им. Е. Вахтангова [13, 1964, № 1, с. 113]. Большой вклад в укрепление сотрудничества внесли Мирослав Белович, ныне главный режиссер ЮДТ, а также режиссер и актер этого же коллектива Стево Жигон, получившие профессиональное образование в первые послевоенные годы в СССР. К столетию со дня рождения Б. Нушича в 1964 г. театр им. Моссовета показал неизвестную до тех пор советским зрителям комедию «Опечаленная родня», поставленную М. Беловичем [14, 1964, № 23, с. 26]. Подлинной творческой удачей режиссера и труппы театра им. Е. Вахтангова стало обращение к пьесе «Господа Глембаи» М. Крлежи в 1974 г. Через два года советские артисты показали ее на традиционном смотре национальной югославской драматургии «Стерийно позорье», став первым зарубежным участником этого фестиваля [12, 1976, 16 марта]. В последующие годы М. Белович поставил

«Великую магию» Э. де Филиппо на вахтанговской сцене, «Дундо Марое» М. Држича в Большом драматическом театре им. М. Горького и «ОБЭЖ» Б. Нушича на сцене театра им. Моссовета [12, 1981, 16 июня]. В 1981 г. спектаклем «Агония» М. Крлежи в Малом академическом театре удачно дебютировал на советской сцене Стево Жигон [13, 1982, № 12, с. 130—131]. Дружеские отношения связывают его с актерами Большого драматического театра им. М. Горького, где в 1984 г. им была осуществлена постановка «Скорбящих родственников» Б. Нушича [13, 1981, № 3, с. 69].

Близость идейно-эстетических позиций ведущих театров Югославии и Советского Союза, успешное сотрудничество мастеров сцены, стремление обеих сторон к его углублению способствовали установлению в 70-е годы прямых связей между 15 югославскими и 14 советскими коллективами [16, 1981, № 7/8, с. 333]. Активные творческие контакты поддерживают театр им. Е. Вахтангова и ЮДТ, театр на Малой Бронной и Македонский национальный театр, Московский театр сатиры и белградский Современный театр, Белорусский академический театр им. Я. Купалы и Словенский национальный театр из Марибора. В практику их сотрудничества вошли взаимное знакомство с репертуаром и премьерными спектаклями, обмен гастрольными поездками и постановочными группами. Развитие прямых связей позволяет сделать контакты более конкретными и результативными.

Таким образом, советско-югославское сотрудничество в области театрального искусства получило в исследуемый период значительное развитие, наиболее плодотворными были последние 15 лет. Утвердились такие формы двусторонних связей, как обогащение репертуара театров за счет произведений советской и югославской драматургии, взаимные гастроли и участие советских театров в международных и национальных фестивалях в СФРЮ, обмен актерами и режиссерами для совместной творческой деятельности, что во многом способствовало укреплению реалистических тенденций на югославской сцене, взаимообогащению театрального искусства обеих сторон, усилению интеллектуального потенциала социалистической культуры, упрочению советско-югославской дружбы.

Список литературы: 1. Ваганова Н. М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20—30 годы XX в. М., 1983. 2. Дмитриева Л. Н. Культурные связи между СССР и Югославией в период Великой Отечественной Войны // Вестн. Ленингр. ун-та. История, яз., лит. 1969. Вып. 3. 3. Дзягіль Н. К. Супрацоўніцтва Беларусі і Югаславіі ў галіне літаратуры і мастацтва (1956—1970) // Весті АН БССР. Сер. грамад. навук. 1974. № 5. 4. Козлитин В. Д. Советско-югославские театральные связи. 1917—1941 // Вестн. Харьк. ун-та. 1986. № 296. 5. Милич В. М. Советско-югославское культурное сотрудничество (1945—1948): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1970. 6. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами (январь — декабрь 1975 г.). М., 1977. Вып. 31. 7. Стефановски Р. Театарот во Македонија. Прилог кон историјата на театарот во Македонија. Скопје, 1976. 8. Lakičević O. Mera za meru. Pozorišne kritike. Zagreb, 1975. 9. Hrvatsko narodno kazalište: 1894—1969. Zagreb, 1969. 10. Hristić J. Pozorište, pozorište. Beograd, 1977. 11. Международная жизнь. 12. Советская культура. 13. Театр. 14. Театральная жизнь. 15. Український театр. 16. Jugoslovenski pregled. 17. Pozorište.

18. *Pozorišni život*. 19. *Republika*. 20. *Scena*. 21. Текущий архив управления внешних связей Министерства культуры СССР. Отчеты по Югославии. 1971—1983 гг. 22. Текущий архив отдела музыкального и театрального искусства Всесоюзного агентства по авторским правам. Справки по театральным связям с Югославией. 1978—1985 гг.

Поступила в редколлегию 30.10.86

Л. М. ХОХЛОВА

**РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В РАЗВИТИИ МАССОВЫХ КАМПАНИЙ ПРОТИВ КРИЗИСА
ОБРАЗОВАНИЯ (1958—1965 гг.)**

В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы партии подчеркнуто, что одной из важнейших черт основного содержания современной эпохи являются массовые демократические движения за мир и социальный прогресс против наступления реакции [1, с. 134]. Характеризуя происшедшие за последние десятилетия изменения в расстановке классовых сил в империалистических государствах, форум коммунистов СССР отметил, что современный капитализм «во многом отличается от того, каким он был в начале и даже середине XX века», что антимонополистические движения внесли большой вклад в нарастание классовой борьбы, способствовали включению в мировой революционный процесс новых поколений, социальных слоев, политических партий и общественных организаций [1, с. 130].

Массовые антимонополистические движения приобрели широкий размах еще в 60-е годы. «В капиталистическом мире резко усиливается напор широких народных масс, требующих социальных перемен, — говорится в основном документе Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. — При этом характерно, что классовая борьба все теснее переплетается с выступлениями трудящихся против военных авантур империалистов, против возрождения фашизма, за сохранение и расширение демократических свобод... В ходе социальной борьбы в шестидесятые годы наметились такие сдвиги в пользу революционных сил, значение которых трудно переоценить» [2, с. 56—57].

Эта оценка в первую очередь относится к Франции. Установление здесь в 1958 г. промонополистического режима личной власти резко усилило кризисные явления во всех сферах общественно-политической жизни страны, обострило классовые противоречия и вызвало рост массовых выступлений против реакционной политики ставленников крупного капитала. Общественная школа стала одним из первых объектов наступления голлистских властей на завоевания трудящихся. Она превратилась в арену ожесточенных классовых схваток с участием миллионов трудящихся.

Освещение массовых кампаний, имевших антимонополистическую направленность и выдвигавших конкретные требования, представляет несомненный научный, политический и практический

интерес, нашедший отражение в работах советских историков. С. А. Фрумов отмечает авангардную роль ФКП в организации сбора подписей под Национальной петицией протеста против закона Дебрэ [8], А. Л. Семенов касается вопроса об участии студенческих профсоюзов в борьбе за доступ трудящихся к образованию [6], А. Л. Ефимова, В. А. Богорад, Р. Ф. Матвеев, В. В. Зинченко упоминают о выступлениях в защиту школы как составной части массового движения за полномочия муниципалитетов [3—5]. Вместе с тем проблема массовых выступлений за разрешение кризиса в системе образования Франции в период президентства де Голля еще не нашла в советской историографии комплексной разработки. В статье предпринята попытка выявить роль Французской компартии в подготовке и проведении массовых выступлений в защиту общественной школы в первой половине 60-х годов — от прихода де Голля к власти до переизбрания его на пост президента.

Компартия сыграла основную роль в подготовке движения протеста против школьной политики нового режима. Еще до его установления коммунисты выдвинули органически связанные лозунги защиты республиканских свобод и светской школы. ФКП предупреждала трудящихся, что установление нового режима лишит их многих завоеваний, в том числе и зафиксированного в Конституции 1946 г. права на образование. Она призывала учительско-преподавательские и студенческие профсоюзы отказаться от ложного аполитизма и выступить на борьбу в защиту республики и светской школы [12, 1958, 4, 11 juin].

Школьные профсоюзы откликнулись на призывы компартии, временно оказавшейся изолированной от других республиканцев, ибо СФИО, Форс Увриер и ФКДТ призвали избирателей поддержать де Голля. Против ликвидации Четвертой республики вместе с ФКП выступили наиболее многочисленные по составу профсоюзные объединения системы образования: Федерация работников просвещения (ФЭН), Национальный синдикат учителей начальных общественных школ (СНИ), Всеобщий синдикат работников образования (СЖЭН), Национальный Комитет действия в защиту светской школы (КНАЛЬ) и возникший перед плебисцитом Национальный университетский комитет борцов в защиту республики (КНЮДР). Создание КНЮДР — общенациональной межпрофсоюзной организации, поставившей перед собой политическую задачу борьбы против установления режима личной власти, — свидетельствовало о доминировании левых настроений в учительско-преподавательской и студенческой среде. «Когда большинство французов, позже всецело признавших монархический характер голлистской конституции, в тревожные дни 1958 г. высказалось за введение ее в действие, — писал по этому поводу видный публицист ФКП П. Дюран, — компартия оказалась единственной организованной силой, осудившей этот основной документ, и примечательно, что большинство учительско-преподавательского корпуса последовало за ней» [11, р. 260].

После прихода к власти де Голля крупный капитал приступил к реформе системы образования. Уже в январе 1959 г. декретами были ликвидированы технические коллежи — средние учебные заведения, дававшие выпускникам право поступления в вузы [9, 1961, № 3, р. 20]. Единственным типом полной средней школы остался лицей. Власти заявили о намерении принять новый закон об увеличении финансовой помощи частным школам. ФКП снова повела интенсивную пропагандистскую работу среди трудящихся школьных профсоюзов, КНАЛЬ, КНЮДР, родительских ассоциаций, соединив требования об отмене антидемократических декретов и о прекращении войны в Алжире. В результате усилий коммунистов к концу мая 1959 г. «интенсивная кампания в защиту светской школы и против колониалистской войны развернулась в масштабе всей страны» [11, р. 273]. В июне в движении приняло участие 1,5 млн только членов школьных профсоюзов [12, 1959, 29 juin].

Летом 1959 г. власти учредили комиссию по подготовке законопроекта о предоставлении финансовой помощи частной школе. Компартия призвала трудящихся к единению для защиты светского образования. «Завершая свою работу, — заявил состоявшийся в июне 1959 г. форум ФКП, — XV съезд обращается к народу Франции: каждое из наших единых действий будет вкладом в развитие широкого народного движения, ведущего к изменению судеб страны» [12, 1959, 29 juin]. В основе выработанной съездом тактики борьбы против реакционной политики монополий лежал тезис о том, что массовые выступления объединенных левых и демократических сил являются «единственным средством для достижения победы над авторитарным режимом и реакцией» [7, с. 438]. Съезд призвал коммунистов к «созданию различных комитетов единства на местах» [12, 1959, 29 juin].

В ответ на призывы коммунистов в крупных городах состоялись массовые демонстрации, митинги протеста против школьной политики властей. КНАЛЬ опубликовал контрпроект готовившемуся закону, вобравший в себя многие требования компартии: национализация частной школы, введение обязательного обучения подростков до 18 лет, предоставление материальной помощи семьям учащихся, демократизация школы посредством создания советов из администрации, учителей и родителей. Коммунисты-депутаты внесли документ на рассмотрение парламента и при его обсуждении призывали общественность страны к расширению масштабов движения [12, 1959, 26 nov.].

Уже в конце ноября в 60-ти департаментах Франции прошли митинги, демонстрации, собрания. Спустя неделю они были проведены повторно. ФКП и основные профсоюзы системы образования выработали Национальную петицию протеста и призывали массы утвердить ее своими подписями [12, 1959, 20 juin]. Однако 31 декабря 1959 г. закон, который получил название «закона Дебрэ», был принят. Государство предоставляло частным школам 60 млрд фр. в год. В ходе состоявшихся 11—13 февраля 1960 г.

встреч представителей ФКП, ВКТ, СНИ, ФЭН, КНАЛЬ, КНЮДР и 14 других общественных организаций был учрежден Национальный Комитет действия, принявший в качестве программы выработанную ФКП и ее союзниками Петицию. К ней было добавлено решение провести 19 июня 1960 г. Национальную ассамблею подписавших Петицию. В назначенный день в столице собралось 24 тыс. делегатов местных комитетов действия, которым торжественно объявили, что под Национальной петицией было поставлено 10813697 подписей [12, 1960, 20 juin]. Итог организованной ФКП кампании свидетельствовал о массовом осуждении школьной политики нового режима.

Голлисты вели политику усиления преград на пути доступа детей трудящихся к образованию и при помощи других мер. В 1960 г. правительственным циркуляром было закрыто 3376 «малоэффективных» начальных школ [9, 1963, № 6, p. 31]. Через два года только в департаментах Сена и Сена-и-Уаза было ликвидировано 1400 классов. Еще через год власти предприняли попытку закрыть 8000 сельских начальных школ [12, 1964, 9 sept.]. Учитывая эффективность соединения лозунгов борьбы за светскую школу с другими злободневными требованиями, ФКП стремилась усилить движение за прекращение войны в Алжире. По призыву Политбюро ФКП, поддержанному ВКТ, ФЭН, Национальным Союзом студентов Франции (ЮНЕФ), Форс Увриер, ФКДТ и другими организациями, 1 февраля 1960 г. в стране состоялась общенациональная политическая забастовка протеста против внешней политики властей. «Призывы были услышаны, — писал П. Дюран, — нашли отклик, и миллионы трудящихся приняли участие в этой политической забастовке, оказавшей сильное воздействие на широкие массы французского народа» [11, p. 281]. Одним из ее важных результатов явилось упрочение левой ориентации ЮНЕФ, примкнувшего к борьбе рабочего класса и учительско-преподавательских профсоюзов. Состоявшийся 11—13 апреля 1960 г. Национальный конгресс Союза студентов 544 голосами против 104 воздержавшихся принял резолюцию, требующую прекращения войны в Алжире. В мае того же года 1300 тыс. членов ЮНЕФ снова провели забастовку протеста против закона Дебрэ и войны. В результате правительство отказало Союзу студентов в предоставлении традиционных субсидий. Однако в октябре ЮНЕФ и ФЭН приняли участие в Национальном дне действий, организованном ФКП и тремя рабочими профсоюзами, за прекращение войны и отмену закона Дебрэ [11, p. 286—287].

Начало 1961 г. было отмечено активизацией деятельности ультраколониалистов, готовивших фашистский переворот, что угрожало гражданской войной. Январский (1961 г.) Пленум ЦК ФКП предложил демократическим партиям и организациям выработать план совместных мероприятий по предотвращению мятежа и прекращению войны в Алжире. В результате 23 апреля крупнейшие рабочие, учительско-преподавательские профсоюзные центры и ЮНЕФ сформировали совместный Фронт борьбы против войны.

Под давлением приведенных в движение масс в конце апреля правительство подавило фашистский мятеж [11, р. 297].

В 1961—1962 гг. профсоюзы системы образования приняли активное участие в борьбе против террористической деятельности секретной вооруженной организации — ОАС. В августе 1961 г. ЮНЕФ и ФЭН заявили о твердом намерении выступать единым фронтом с рабочими против угрозы нового мятежа [11, р. 304]. Они откликнулись на призыв компартии провести 6, 11 и 19 декабря 1961 г. общенациональные манифестации протеста против деятельности ОАС и пассивного отношения к ней властей. Особенно широкомасштабными оказались выступления трудящихся 19 декабря. Они внесли весомый вклад в сплочение демократических сил и сторонников мира в Алжире. «Единство антифашистских и республиканских сил значительно выросло, — писала газета «Юманите». — Компартия гордится тем, что ее призывы и инициативы выступить против ОАС в общенациональном масштабе были поддержаны» [12, 1961, 22 dec]. В целом в 1961 г. в стране состоялось в 2,5 раза больше выступлений в защиту общественной школы, за демократию и против колониальной войны [11, р. 310]. Учительско-преподавательские и студенческие профсоюзы внесли в это весомый вклад, что вызвало против них террористические акты оасовцев. Так, только за одну ночь с 21 на 22 октября 1961 г. в столице террористы взорвали пластиковые бомбы в центральном штабе ЮНЕФ, десяти зданиях его местных комитетов, студенческой профсоюзной библиотеке и лицее [11, р. 307—308]. В феврале были убиты профессор Ведель и ряд видных деятелей ФКП, что вызвало однодневную забастовку в столичном районе с участием более 1 млн рабочих, членов ЮНЕФ и ФЭН. Весной 1962 г. алжирская война была прекращена.

ФКП стремилась к расширению масштабов массового движения за расширение кризиса образования, отмену антидемократических декретов, удовлетворение социально-экономических требований трудящихся и закрепление союза с республиканцами, который начал складываться ранее. С февраля 1963 г. компартии удалось развернуть под такими лозунгами мощные массовые выступления по всей стране, показавшие, что население наиболее активно включалось в движение под лозунгами защиты общественной школы. Остроту кризиса в этой сфере признавали даже непримиримые антикоммунисты из правого крыла СФИО. Так, один из лидеров правых социалистов Г. Деффэр писал, что «после 1958 г. намного острее встала коренная проблема второй половины XX века: образование!» [10, р. 13]. Под давлением общественности печать СФИО критиковала школьную политику властей, заявила о необходимости осуществления «фундаментальной реформы образования, которая обеспечила бы всем детям равный доступ к учебе» [14, 1963, № 165, р. 208]. Одновременно говорилось о ведущей роли ФКП в плане предложения альтернативы политике режима. Ежемесячник СФИО подчеркивал, что «остающийся до сих пор хартией всех демократов проект Ланжевена—Валлона должен

лечь в основу всей реформы» [14, 1964, № 174, р. 51]. В октябре того же года Руководящий Комитет партии в своем коммюнике призвал общественность «поддержать развернутую в защиту школы кампанию» [14, 1964, № 172, р. 378].

Учитывая происшедшие в массах и общественных организациях перемены, ФКП нашла своевременным уже в 1963 г. призвать демократов и республиканцев к выработке совместной программы к президентским выборам 1965 г. с целью ликвидации режима личной власти. В возросшем сплочении масс, развитии единства с социалистами компартия видела возможность выдвижения на основе общей программы единого кандидата левых сил на президентских выборах, подготовка к которым должна была начаться в декабре 1963 г. Важную роль в этой борьбе коммунисты отводили массовому движению учителей и студентов. В ноябре 1963 г. ФКП призвала студентов поддержать ее инициативу и опубликовала проект программы к президентским выборам, в которой большое внимание уделялось проблемам образования [9, 1964, № 1, р. 124—126; 1963, № 11, р. 106—109].

ФКП отстаивала идею о необходимости выработки общей минимальной программы левых сил для президентских выборов в массовых кампаниях в защиту общественной школы в 1964—1965 гг. В мае 1965 г. ЦК ФКП направил съезду СФИО письмо с изложением положений и принципов такой программы, оставшееся без ответа. Вместе с тем в ходе растущего движения массами овладевали идеи коммунистов о необходимости единства в борьбе против политики монополий. В публиковавшихся общественными организациями документах все чаще звучали осуждения раскольнических действий руководства СФИО и признание необходимости единства левых сил. Летом 1965 г. Национальный профсоюз учителей средних школ (СНЭС), Национальный профсоюз технических училищ (СНЭТ), Профсоюз преподавателей высшей школы (СЭС), СНИ, Профсоюз работников педучилищ в опубликованных письмах, декларациях, коммюнике требовали от руководства социалистов поддержать идею ФКП о совместной правительственной программе левых сил [12, 1965, 8 mai, 12 juin, 12 juill.].

Широкомасштабные массовые выступления в защиту общественной школы, левая ориентация профсоюзов системы образования, радикализация их требований сыграли важную роль в достижении соглашения ФКП с Конвентом республиканских институтов, что признавал в сентябре 1965 г. Ф. Миттеран [13, р. 426]. И хотя Конвент и компартия выступали с отдельными, отличающимися прежде всего отношением к режиму личной власти избирательными программами, наиболее сходным был подход к проблемам образования [12, 1965, 24 sept.]. Когда Ф. Миттеран стал единым кандидатом левых сил на пост президента страны, по инициативе ФКП в октябре по всей Франции были учреждены местные комитеты поддержки Миттерана, в которые вошли представители школьных синдикатов. За ликвидацию режима личной власти вы-

сказывались тысячи учителей различных учебных заведений [12, 1965, 11 nov.].

Таким образом, ФКП оказалась единственной политической партией, которая выступила в защиту интересов трудящихся, смогла выработать правильную тактику борьбы против наступлений нового режима на общественную школу. Стержнем этой борьбы являлись пропагандистско-организаторская деятельность среди учительско-преподавательских профсоюзов и соединение лозунгов сохранения светского характера образования с лозунгами борьбы за демократию, против фашизации государственной системы, за прекращение колониалистской войны и ликвидацию режима личной власти. Постепенное вовлечение коммунистами школьных профсоюзов в массовое движение привело их к политической переориентации, приобщило к решению наиболее острых вопросов современности. Массовые кампании в защиту общественной школы сыграли важную роль в развитии единства левых сил, вершиной которого позже стало подписание ими совместной правительственной программы.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 2. *Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы.* М., 1970. 3. *Богорад В. А., Матвеев Р. Ф.* Работа коммунистов капиталистических стран в массах. М., 1976. 4. *Ефимова А. Л.* Французские коммунисты в муниципалитетах. М., 1975. 5. *Зінченко В. В.* Масові кампанії ФКП за комунальні свободи (1963—1965 рр.)//Питання нової і новітньої історії. Х., 1978. 6. *Семенов А. Л.* Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.). М., 1975. 7. *Торез М.* Избранные речи и статьи. М., 1966. Т. 2. 8. *Фрумов С. А.* Борьба за светскую школу Франции//Сов. педагогика. 1969. № 6. 9. *Cahiers du communisme.* 10. *Defferre G.* Un nouvel horizon. P., 1965. 11. *Durand P.* Vingt ans. Paris, 1965. 12. *L'Humanité.* 13. *Mitterrand F.* Politique. P., 1977. 14. *La Revue Socialiste.*

Поступила в редколлегию 13.10.86

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИНДИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ (20—30-е годы XX в.)

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, оказала огромное воздействие на освободительную борьбу всех народов. Под влиянием ее идей в Индии, крупнейшей английской колонии, происходил подъем национально-освободительного движения. В. И. Ленин отмечал, что после победы Октября в колониальных и зависимых странах развернулось антиимпериалистическое движение, во главе которого стоит Индия [1, т. 44, с. 4—5].

Выступления народных масс возглавлял Индийский национальный конгресс (ИНК) — крупнейшая всеиндийская национально-буржуазная организация. Его лидеры высоко оценили Октябрь-

скую революцию и пришли к выводу о необходимости активизации борьбы с британскими колонизаторами. По вопросу ее форм и методов в ИНК развернулась идейно-политическая борьба, приведшая к образованию нескольких группировок.

Для более глубокого понимания характерных особенностей индийского национально-освободительного движения принципиальное значение имеет изучение идейно-политической борьбы в ИНК по социальным и экономическим вопросам в 20—30-е годы, когда закладывались его программные и тактические установки. Эта проблема еще недостаточно изучена в советской и зарубежной марксистской историографии. В работах же буржуазных авторов основное внимание уделено политической деятельности ИНК и значительно меньшее — его социально-экономической политике.

Целью данной статьи являются освещение борьбы в ИНК по социальным и экономическим вопросам в 20—30-е годы, анализ социально-экономических программ действовавших в нем важнейших группировок, определение их места и роли в освободительном движении.

Следует отметить, что в первые три десятилетия своего существования (1885—1917) ИНК уделял мало внимания социальным и экономическим проблемам. В его Конституции [15, с. 847—858], в решениях руководящих органов и в выступлениях лидеров почти ничего не говорилось о нуждах рабочих и крестьян, экономических вопросах. Это объясняется тем, что ИНК тогда был верхушечной организацией, выражавшей интересы привилегированных слоев индийского общества, заинтересованных лишь в получении незначительных уступок от колонизаторов конституционным путем. Кроме того, борьба трудящихся в тот период еще не достигла большой остроты и не стала ведущим фактором политической жизни страны.

Положение изменилось после победы Великого Октября, когда рабочий класс и крестьянство активно включились в антиимпериалистическое движение, а ИНК начал превращаться в массовую организацию. Уже на сессии в Амритсаре (1919 г.) его президент М. Неру впервые в истории партии указал на необходимость решения рабочего вопроса, обратил внимание на важность улучшения положения рабочих, наделения их правом голоса [10, с. 467]. В резолюции сессии содержался призыв к организации профсоюзов и вовлечению их под руководством конгрессистов в освободительную борьбу [17, с. 17].

Через год во время движения несотрудничества (1920—1922 гг.) Нагпурская сессия впервые приняла резолюцию по крестьянскому вопросу, в которой большое значение придавалось участию крестьян в национально-освободительной борьбе [13, с. 35]. После этого тысячи активистов ИНК направились в деревню для ведения пропагандистской работы, «посещая отдаленные деревни и выступая на крестьянских митингах» [5, с. 89].

Тогда же ИНК принял так называемую конструктивную программу своего лидера М. К. Ганди, которая фактически стала его

экономической программой. Она предполагала бойкот английских тканей и развитие в широком масштабе ручного прядения и ткачества, производство домотканой одежды [12, с. 231—244]. М. К. Ганди надеялся, что возрождение кустарной промышленности не только избавит Индию от засилья британского капитала, но и улучшит положение миллионов кустарей и ремесленников, не выдерживавших конкуренции дешевых английских фабричных товаров.

Многие видные конгрессисты подвергали критике такую социально-экономическую политику ИНК. Некоторые из них выступали за массовое вовлечение трудящихся в антианглийскую борьбу, а также за принятие программы, отражавшей их экономические интересы. Руководство ИНК, где преобладала группировка так называемых противников перемен, игнорировало эти предложения, что порождало сильные внутрипартийные противоречия. В результате в 1923 г. внутри ИНК образовалась партия свараджистов, «более левое по сравнению с противниками перемен течение» [11, с. 2]. Она представляла собой блок различных сил, как левых, так и правых, недовольных политикой руководства ИНК. На первых порах радикальные деятели играли в ней значительную роль, и это предопределило влияние свараджистов на конгрессистов и общественность, дало возможность добиться принятия некоторых их предложений Конгрессом [26, с. 505—513]. Благодаря им ИНК вплотную занялся рабочим вопросом, приняв активное участие в создании рабочих организаций и деятельности образованного в 1920 г. Всеиндийского конгресса профсоюзов.

Главной причиной успеха свараджистов было отсутствие Коммунистической партии (она оформилась только в 1925 г.), а также то, что их лидер Ч. Р. Дас, выступая перед рабочими, заявлял о необходимости улучшения их положения, обещал установить сварадж (самоуправление) для трудящихся, а не для господствующих классов [11, с. 70—73]. Что же касается экономической программы, то свараджисты ее по сути не выработали, обязавшись лишь содействовать развитию промышленности, ослаблению классовых противоречий и помогать в осуществлении конструктивной программы [25, с. 4—5]. Заявляли свараджисты и о необходимости защиты частной собственности.

Это ослабляло престиж партии среди неимущих слоев индийского общества. В итоге после смерти Ч. Р. Даса в июне 1925 г. она стала распадаться, не выдержав острой внутрипартийной борьбы [18, с. 51]. К началу нового подъема национально-освободительного движения (1927—1929 гг.) партия свараджистов прекратила свое существование, возродившись в 1934 г. в качестве парламентской фракции ИНК.

В Конгрессе же в конце 20-х годов сформировалось левое крыло во главе с Дж. Неру и С. Ч. Босом. Левые, хотя и были разобщены, сумели выработать платформу, в которой социально-экономические вопросы занимали одно из центральных мест. В августе 1928 г. им удалось создать организацию, получившую название

Всеиндийской лиги независимости. Она объединила в своих рядах радикальных конгрессистов, в том числе и многих бывших левых свараджистов, выступавших не только за достижение независимости (а целью ИНК был статус доминиона), но и прогрессивного развития Индии [9, с. 70—71]. Один из лидеров Лиги Дж. Неру связывал борьбу за национальное освобождение с борьбой за социальные преобразования, рассматривал достижение независимости как первый шаг на пути к социальному и экономическому возрождению страны [20, с. 53—68, 121—129; 21, с. 153—167, 177—182; 22, с. 197—214, 251—266, 270—274]. А С. Ч. Бос, придавая большое значение участию рабочих, крестьян, молодежи в этой борьбе, призывал ИНК обратить внимание на нужды трудящихся, указывал на необходимость проведения социально-экономических преобразований после завоевания свободы, высказывался в пользу демократизации индийского общества [23, с. 31—40, 51—59].

Программа Лиги, разработанная Дж. Неру, кроме достижения независимости, предусматривала ликвидацию экономического неравенства, национализацию ключевых отраслей промышленности, введение восьмичасового рабочего дня [28, 1928, 7 пов.]. В области социальных реформ как средство избавления от забастовок предлагалось все конфликты между рабочими и капиталистами передавать на рассмотрение третьей арбитражной камеры [2, с. 146]. Ликвидировать капиталистические отношения не предполагалось.

Несмотря на это, программа Дж. Неру явилась значительным шагом вперед по сравнению с умеренными программами ИНК и других национально-буржуазных организаций, которые в своих требованиях не шли дальше статуса доминиона и, как правило, игнорировали социально-экономические проблемы.

На сессии в Лахоре (1929) ИНК принял решение бороться за полную независимость [27, 1929, 28 dec.]. Когда в 1930 г. началась кампания гражданского неповиновения, Лига независимости вошла в ИНК. Но ее пропаганда не прошла бесследно. Среди конгрессистов усиливались настроения в пользу разработки радикальной политической и социально-экономической программ, с которыми не могли не считаться умеренные и правые деятели, определявшие курс ИНК.

Это проявилось на сессии в Карачи (1931), где по требованию Дж. Неру и его сторонников была принята «Резолюция об основных правах и экономической программе» [14, с. 3—10]. В ней предусматривалось после достижения независимости предоставить индийским трудящимся широкие социальные и демократические права, поднять их жизненный уровень, передать в руки государства ключевые отрасли промышленности, транспорт, природные богатства, резко снизить земельную ренту, ограничить ростовщиков. О ликвидации помещичьего землевладения составители резолюции предпочли умолчать. Все же принятие такого документа свидетельствовало о больших сдвигах, происшедших в сознании

рядовых конгрессистов и некоторых лидеров под влиянием успехов социализма в СССР и пропаганды представителей левого крыла.

Дж. Неру не собирался останавливаться на достигнутом, оценив резолюцию в Карачи лишь как «очень небольшой шаг в социалистическом направлении...» [5, с. 287—288]. Вместе со своими единомышленниками он развернул борьбу за принятие Конгрессом программы, выходящей за буржуазные рамки.

В мае 1934 г. левые создали Конгресс-социалистическую партию (КСП), целью которой провозглашалось достижение независимости, а затем создание в Индии социалистического государства. Действуя внутри ИНК, конгресс-социалисты преследовали цель привлечь на свою сторону его членов. В социальной области их программа ставила задачу организации трудящихся и других эксплуатируемых слоев населения на борьбу за независимость, но только под руководством ИНК, т. е. буржуазии, а не в качестве самостоятельной политической силы. При этом прослеживалось стремление со стороны руководства партии ограничить рабочее и крестьянское движение рамками реформизма. В экономической области предполагалось провести национализацию важнейших отраслей промышленности, банков, шахт, рудников, железнодорожного и морского транспорта, ввести государственную монополию на внешнюю торговлю, перераспределить землю, наделив ею безземельных крестьян, ликвидировать эксплуататорские классы, содействовать развитию коллективных форм хозяйствования [16, с. 25—26]. Принятие такой программы Конгрессом содействовало его радикализации и увеличению престижа среди многомиллионной массы индийских бедняков.

Партия так и не стала массовой, поскольку руководство ограничивало ее состав исключительно членами ИНК. К тому же она включала разнородные элементы, что с самого начала предопределило неизбежность идейно-политической борьбы. Часть руководителей и некоторые провинциальные организации стремились не допустить каких-либо контактов с прогрессивными силами за пределами ИНК, особенно с коммунистами. Левые же конгресс-социалисты ориентировались больше на КПИ и выступали за сотрудничество с нею [7, с. 316]. В ходе этой борьбы верх на некоторое время взяла группа сторонников сотрудничества с коммунистами. Поэтому коммунисты вошли в ИНК и КСП, где выступили с предложением о присоединении к Конгрессу массовых рабочих и крестьянских организаций, надеясь превратить его в орган единого национального фронта. Период 1936—1939 гг. явился наиболее плодотворным с точки зрения единства действий коммунистов и КСП [3, с. 52—55].

Однако большинство руководителей КСП разделяло мелкобуржуазно-националистические идеи, призывало к борьбе с развивавшимся в стране коммунистическим движением [8, с. 35]. Увлечение социализмом у них оказалось временным и поверхностным. Они создали социалистическую партию и приняли прогрессивную программу скорее для того, чтобы предупредить переход многих ря-

довых левых конгрессистов на позиции коммунистов, пользовавшихся среди них все большим авторитетом. В результате в 1940 г. правые лидеры конгресс-социалистов разорвали связи с КПИ.

Что касается Дж. Неру, то он не вступил в КСП, не веря в искренность увлечения социализмом большинства ее руководителей. К тому же в момент ее создания Дж. Неру находился в тюрьме. А выйдя из тюрьмы, он критически отнесся к программе и политическому курсу КСП [4, с. 21], что не мешало ему сотрудничать с конгресс-социалистами по многим вопросам, добиваясь радикализации программы и политического курса ИНК.

На сессии ИНК в Лакхнау (апрель 1936 г.) Дж. Неру, избранный президентом партии, заявил, что только при социализме можно решить все проблемы Индии и хотя ИНК борется за независимость, логика борьбы должна привести к перерастанию освободительного движения в борьбу за социализм, поскольку независимость создает лишь предпосылки для проведения глубоких социально-экономических преобразований [19]. Выступление президента произвело большое впечатление на конгрессистов и способствовало радикализации их взглядов.

Огромное влияние на индийскую общественность оказало принятие в 1936 г. новой Конституции СССР. На сессии ИНК в Файзпуре (декабрь 1936 г.) умеренные и правые деятели ничего не могли поделать с народным энтузиазмом. В выступлениях делегатов прозвучало много лестных слов в адрес социализма, указывалось на необходимость предоставления прав рабочим и крестьянам, осуждались силы империализма, фашизма и реакции [24, с. 29—34]. ИНК здесь впервые принял аграрную программу из 13-ти пунктов, предусматривавшую снижение ренты и земельного налога, ликвидацию задолженностей крестьян, запрещение принудительного труда и феодальных поборов, повышение жизненного уровня сельскохозяйственных рабочих, признание прав крестьянских союзов и т. д.

Сессии в Лакхнау и Файзпуре показали, что в предвоенный период трудящиеся стали оказывать большее воздействие на политику ИНК, а его левое крыло, несмотря на разобщенность, добилось немалых успехов в борьбе с правыми лидерами, стремившимися ослабить социальную направленность освободительной борьбы. Это давало возможность левым предпринять дальнейшие важные шаги для определения прогрессивного экономического курса Конгресса.

В качестве таковых в 1938 г. под давлением левых принимается решение о создании Национального комитета по планированию под председательством Дж. Неру. Несмотря на противодействие консервативно настроенных членов комитета, был разработан план экономического развития страны. Он предусматривал создание национального правительства, которое должно было осуществить прогрессивные социально-экономические преобразования: установление государственной собственности на ведущие отрасли промышленности, проведение индустриализации, национализация земли, ликвидация крупного помещичьего землевладения, развитие коопе-

рации на селе, коренное улучшение жизни народа, ликвидация неграмотности, нищеты и других последствий господства английских империалистов. Этот план, по мнению Дж. Неру, «неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя» [6, с. 434].

Однако прогрессивная общественно-политическая деятельность Дж. Неру не устраивала колониальные власти. В октябре 1940 г. он был опять арестован. Репрессии колонизаторов, направленные в основном против радикальных деятелей, сильно ослабили левое крыло ИНК, которое к тому же по-прежнему оставалось разобщенным. Поэтому в ходе развернувшейся в конце 30-х годов внутрипартийной борьбы победу одержали умеренные и правые конгрессисты. Эти явления отрицательно повлияли и на деятельность Национального комитета по планированию: без Дж. Неру и его сторонников он фактически прекратил свою работу.

Таким образом, 20—30-е годы явились важным этапом в оформлении социально-экономической платформы самой значительной и влиятельной партии Индии. Под влиянием идей Октября и успехов социалистического строительства в СССР ИНК вынужден был обратить внимание на социальные и экономические вопросы и принять по ним соответствующие решения, которые хотя и страдали декларативностью, но все же свидетельствовали о росте симпатий к социализму со стороны простых индийцев, о стремлении передовых участников освободительной борьбы добиться одобрения Конгрессом социально-экономической программы, отвечавшей чаяниям широких слоев народных масс. В дальнейшем ИНК принял ряд решений по социальным и экономическим вопросам, которые привели к разработке концепции так называемого конгрессистского социализма.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Бошам Дж. Английский империализм в Индии. М., 1935. 3. Куцобин П. В. Аджой Гхош и коммунистическое движение в Индии. М., 1985. 4. Мартышин О. В. Политические взгляды Джавахарлала Неру. М., 1981. 5. Неру Дж. Автобиография. М., 1955. 6. Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. 7. Новейшая история Индии. М., 1959. 8. Регинин А. И. Индийский национальный конгресс: Очерки идеологии и политики (60-е и первая половина 70-х годов). М., 1978. 9. *A bunch of old Letters*. Bombay, 1958. 10. *Congress presidential addresses from silver to the golden jubilee*. Madras, 1934. 11. *Documents of the History of the Communist Party of India*. New Delhi, 1974. Vol. 2. 12. *Gandhi M. Young India 1924—1926*. Madras, 1927. 13. *Indian National Congress (1920—1923): Being a collection of the resolutions of the Congress and of the All-Indian Congress Committee and of the Working Committee of the Congress, from Sept. 1920 to Dec. 1923*. Allahabad, 1924. 14. *Indian National Congress, Resolutions on Economic Policy and Programme, 1924—1954*. New Delhi, 1954. 15. *India's struggle for freedom: Select documents and sources*. Delhi, 1965. Vol. 3. 16. *Lakhanpal P. L. History of the Congress Socialist Party*. Lahore, 1946. 17. *Lakshman P. P. The Congress and labour movement in India*. Allahabad, 1947. 18. *Murthy R. Non-violence in politics*. Delhi, 1958. 19. *Nehru J. Presidential Address, Forty-ninth Congress*. Lucknow, April, 1936. Lucknow, 1936. 20. *Nehru J. Before and after independence*. New Delhi, 1957. Vol. 1. 21. *Nehru J. The first sixty years*. N. Y., 1965. Vol. 1. 22. *Nehru J. Selected works*. New Delhi, 1972. Vol. 3. 23. *Selected speeches of Subhas Chandra Bose*. Delhi, 1962. 24. *Sitaramayya B. P. The history of the Indian National Congress*. Bombay, 1947. Vol. 2. 25. *Speeches and Documents on the Indian constitution*.

В. И. КАДЕЕВ, д-р. инст. наук

О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО С ФРАКИЕЙ И МЕЗИЕЙ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

В первых веках н. э. Херсонес Таврический был важным опорным пунктом римской армии и флота в Северном Причерноморье. В городе и его окрестностях находились векиляции римской армии, состоявшие из солдат легионов и вспомогательных войск, расквартированных на территории Нижней Мезии. Кроме солдат, здесь жили члены их семей, родственники и, вероятно, гражданские лица — уроженцы Фракии и Мезии. Их длительное пребывание в Херсонесе способствовало установлению экономических и культурных связей с западнопонтийскими городами и Фракией, распространению в городе и его округе не только провинциальной римской, но и фракийской культуры. В советской исторической литературе это считается уже установленным фактом [21, с. 273; 23, с. 177]. Однако свидетельств пока сравнительно немного и поэтому каждое новое имеет важное значение для изучения данной темы.

В последние годы в результате археологических раскопок, в частности, проводимых учеными Харьковского университета, появились новые материалы, указывающие на то, что связи Херсонеса в первые века н. э. с Мезией и Фракией не ограничивались экономическими и политическими, но проявлялись и в культурных контактах.

Целью настоящей статьи является попытка показать эти культурные связи на основе как новых материалов, так и некоторых давно известных, но еще не привлекавших к себе должного внимания.

Одна из последних археологических находок — бронзовая статуэтка актера, обнаруженная в 1983 г. в портовом районе Херсонеса [10, с. 280]. Она относится к числу так называемых жанровых статуэток, очень редко встречающихся в мелкой пластике. У фигурки не хватает стопы левой ноги; можно предположить, что именно этой ногой актер стоял на небольшом постаменте. Статуэтка изображает актера в роли раба, на что указывают маска на лице, короткая туника с оголенным правым плечом и амфора на левом плече. Похоже, что это «кухонный» раб — персонаж из так называемой «новой комедии», возрожденной в первых веках н. э. и пользовавшейся популярностью в восточных римских провинциях, в частности в Мезии, о чем свидетельствует полихромная мозаика с изображением персонажей комедии Менандра «Ахейцы», открытая болгарскими археологами в Эскусе [5, с. 234—239, рис. 11—12]. Датируется статуэтка не ранее II в. н. э. и привезена из

Мезии, где широко известны подобные произведения мелкой пластики. Ближайшей аналогией может служить серебряная статуэтка актера-раба, найденная в погребении II—начала III вв. н. э. недалеко от Варны [17, с. 45—47].

Самого пристального внимания заслуживает бронзовая табличка с рельефным изображением Диониса в эдикуле, найденная в 1966 г. в окрестностях Херсонеса и первоначально принятая нами за посвяtitельный предмет [15, с. 30]. Дальнейшее изучение данного предмета показало, что это бронзовая матрица, которая использовалась для изготовления оттисков изображений Диониса на пластинах из тончайшего листа благородных металлов, т. е. для изготовления своеобразных «икон» этого божества, пользовавшегося широким почитанием у фракийцев. Находка матрицы указывает, что в Херсонесе существовало производство посвяtitельных предметов для нужд солдат римской армии, по-видимому, фракийского происхождения; но не исключено, что и для местного населения, использовавшего их при отправлении культа Диониса.

Подобные матрицы хорошо известны в Нижней Мезии. Например, целая серия матриц с изображениями Зевса, Геры, Артемиды, Геракла и других божеств была обнаружена в Абритусе [28, S. 121, гус. 156—161]. Известны они и на территории Южной Фракии [1, с. 414]. Датируются эти матрицы первыми веками н. э., но не ранее II в. н. э.

Судя по имеющимся находкам, в Херсонесе имели распространение и другие предметы, появившиеся здесь под влиянием римского провинциального искусства и фракийцев. Это предметы, которые долгое время в научной литературе назывались в одних случаях головными шпильками [7, с. 432], а в других — туалетными палочками [20, с. 220]. Делались они обычно из кости, дерева, бронзы и представляли собой стержни круглого сечения, один конец которых заканчивался кольцом, а другой — изображением Афродиты или голубя.

Из последних находок таких предметов в Херсонесе можно отметить фрагмент из кости с изображением Афродиты [12, с. 264]. Афродита, у которой отсутствуют верхняя часть туловища, правая рука и ступни ног, левой рукой придерживает одежду, ровными складками ниспадающую к ногам. Слева у ее ног — дельфин. Это может указывать на то, что прототипом послужила Афродита — покровительница моряков. Выполнено изображение довольно схематично и принадлежало, видимо, мастеру средней руки. Подобные костяные предметы, но лучшей работы и сохранности, встречались в Херсонесе неоднократно, одни изображали Афродиту с дельфином [19, с. 107, рис. 257; 9, с. 49, рис. 8], а другие — Афродиту Стыдливую (случайная находка 1950 г.).

Совершенно аналогичные предметы как по сюжету, так и по технике исполнения хорошо известны среди археологических памятников Фракии и Мезии. Подобные полностью сохранившиеся костяные изделия найдены в женских захоронениях римской эпо-

хи в некрополе города Августа Траяна*. Общая длина предметов достигает 18—19 см, диаметр стержня — около 1 см. На одном конце имеется кольцо диаметром 2,5—3 см, на другом — рельефное изображение Афродиты. И форма, и размеры предметов показывают, что это не головные шпильки или туалетные палочки, а скорее культовые или votивные предметы. В пользу данного предположения свидетельствует то, что изображения вполне определенные — Афродита, реже голубь, относящийся к свите этой богини и являющийся символом плодovitости. Несколько подобных бронзовых предметов с изображением голубя хранятся в Археологическом музее Варны. Следовательно, эти предметы играли какую-то роль в погребальном обряде женщин и девушек римской Фракии и Мезии и связаны с культом Афродиты хтонической, поскольку во всех случаях, когда были найдены *in situ*, они находились в женских погребениях. А существование Афродиты в такой ипостаси зафиксировано исследователями [24, р. 652].

Что касается Херсонеса, то здесь эти предметы появляются в первых веках н. э., вероятно, вместе с переселенцами или уроженцами из Фракии или под их влиянием. К сожалению, условия находок не дают никаких дополнительных свидетельств для уточнения интерпретации.

Среди детских игрушек, найденных в Херсонесе, имеются такие, аналоги которым встречаются на территории Мезии. Примером может служить терракотовая фигурка коня со сквозными отверстиями для осей колес, найденная в насыпи южного некрополя Херсонеса [18, с. 74]. В Мезии обнаружены не только аналогичные лошади на колесиках, датируемые II—III вв. н. э. [2, с. 33, обр. 11], но и гончарная мастерская, в которой была керамическая форма для изготовления подобных игрушек [22, с. 31, обр. 4].

Фракийское и западнопонтийское культурное влияние особенно проявилось в некоторых херсонесских памятниках искусства. Так, на сходство между надгробными рельефами со сценой «загробной трапезы» Херсонеса и Одессоса в свое время обратила внимание А. П. Иванова [8, с. 79—82]. Значительное количество этих надгробий в Херсонесе указывает на то, что они пользовались довольно большим спросом у зажиточных слоев местного населения. В основном они заказывались местным мастерам, изготавливавшим их по образцу западнопонтийских, но с учетом запросов заказчиков, местных традиций, а также особенностей материала, которым они располагали.

В литературе уже отмечалось наличие в Херсонесе скульптурных групп Диониса, аналогичных памятникам Фракии и Мезии, что позволило поставить вопрос о фракийских элементах в местном культе Диониса [6, с. 136—139].

На фракийское влияние указывает и новая группа посвященных рельефов местного производства. К их числу относятся рельефы,

* Ознакомиться с ними мы смогли благодаря любезности научного сотрудника окружного музея г. Стара Загора К. Калчева.

обнаруженные во время раскопок в портовом районе Херсонеса, с несомненно фракийскими сюжетами, но имеющими местные особенности в манере исполнения и некоторых деталях изображения [13, с. 268—269; 14, с. 330], а также фрагмент рельефа с изображением Асклепия [11, с. 264—265].

Один из этих рельефов был обнаружен в 1970 г. при разборке раннесредневековой стены. Он был высечен на прямоугольной мраморной стеле размером $0,29 \times 0,23 \times 0,05$ м с закругленным левым углом и изображает всадника у алтаря. У нижнего края стелы — узкая полоса рельефного обрамления. Следы обрамления, сбитого зубилом, можно заметить вдоль левого края. Остальные края стелы обрамления не имели. Изображение на стеле исполнено в невысоком рельефе и сохранилось полностью, за исключением фигур всадника и коня, имеющих незначительные повреждения; от алтаря сохранилась лишь левая половина. Конь и всадник на рельефе обращены вправо. По замыслу мастера всадник резко остановил коня и сдерживает его у алтаря, на котором горит огонь. На это указывают взвившаяся за спиной у всадника одежда, туго натянутые поводья и поза коня с высоко поднятой левой ногой. Но в целом фигура коня статична, тяжеловесна. Следует отметить и несоответствие в пропорциях фигур всадника и коня. Всадник выглядит приземистым, без талии, и, несмотря на прямую посадку, кажется сутуловатым, с непропорционально большой головой. Хотя показан он в профиль, лицо трактовано очень выразительно. Всадник изображен с бородой и пышной шапкой волос, перевитых лентой. Можно заметить, что борода у фракийских всадников, по схеме которых выполнено изображение, встречается крайне редко и, как правило, сопровождается посвятителем надписью Асклепию. Одет всадник в хламиду, за спиной — плотно свернутая накидка, на ногах — сапоги.

В целом рельеф выполнен по канонам, характерным для фракийских памятников такого рода: почти полное заполнение стелы изображением, непропорциональная фигура всадника — его голова упирается в край стелы [16, с. 64]. Однако изображение и стела имеют свои особенности, и среди памятников, найденных на территории Балканского полуострова, точных аналогий нет [26, 29]. Это может указывать на то, что стела с рельефом была изготовлена в Херсонесе, но по заказу одного из уроженцев Фракии, по-видимому, солдата местного римского гарнизона.

Другой рельеф с изображением фракийского всадника размером $0,29 \times 0,33 \times 0,04$ м был обнаружен на дне водосборной цистерны в 1975 г. в помещении, смежном с тем, в котором был найден первый. Этот рельеф был высечен на известняковой прямоугольной стеле со слегка скругленными углами. Сохранился он не полностью: с правой стороны отбит нижний угол, частично поврежден и верхний. Изображение всадника и коня выполнено в довольно высоком рельефе. Всадник показан в профиль, тогда как на большинстве собственно фракийских памятников — в анфас. На нем хламида и высокие сапоги, но накидка за спиной

отсутствует; в руках туго натянутые поводья. У коня очень высокая шея, и голова всадника оказалась на одном уровне с головой коня, что необычно для подобных изображений. Значительные повреждения фигур всадника и коня затрудняют определение отдельных деталей. Однако то, что памятник изготовлен в Херсонесе, сомнений не вызывает. Датируется он не ранее II в. н. э.

По-видимому, оба рельефа принадлежали к числу посвященных и находились в одном помещении, но после его разрушения оказались в соседних.

В 1981 г. в той же водосборной цистерне, в которой был обнаружен известняковый рельеф с фракийским всадником, был найден обломок мраморного рельефа с изображением бога Асклепия. У фигуры Асклепия, выполненной рукой опытного мастера, нет головы, правой руки ниже локтя и стоп ног. Очевидно, в его правой руке был жезл, обвитый змеей, а через левую руку, согнутую под прямым углом в локте, перекинут конец гиматия, ниспадающего красивыми складками ниже пояса. Правое плечо и грудь Асклепия оголены. На поверхности рельефа имеются следы огня, чем, видимо, и объясняются повреждения. Задняя сторона рельефа не обработана, что может указывать на нахождение его в нише, где обычно устанавливали фракийские рельефы.

В свое время К. В. Голенко и А. Н. Щеглов указывали, что культ Асклепия в Херсонесе принесен в первых веках н. э. римским гарнизоном, в составе которого были солдаты фракийского происхождения [3, с. 374]. Нам представляется сомнительным вывод о столь позднем появлении культа Асклепия в Херсонесе, поскольку почитание этого божества существовало в метрополии Херсонеса—Гераклее Понтийской, в Каллатисе и других мегарских колониях [25, S. 209, 211, 215—216]. Следовательно, культ Асклепия мог существовать в Херсонесе и ранее, но не был официальным. В первых веках н. э. этот культ был распространен не только среди солдат римского гарнизона, а в середине II—III вв. н. э. превратился в официальный государственный, о чем свидетельствуют монеты Херсонеса с изображениями Асклепия и Гигиен. Это подтверждается и существованием храма Асклепия в Херсонесе [27, № 376].

Что касается нашей находки рельефа с изображением Асклепия, то она вместе с описанными выше рельефами с фракийским всадником позволяет предположить, что в портовом районе Херсонеса по соседству с зданием казармы, расположенной у городских ворот, находилось святилище, которое посещали солдаты римского гарнизона фракийского происхождения, почитавшие Асклепия и фракийского бога-всадника. На возможность существования в Херсонесе такого святилища указывают фракийские аналогии. Известно, что на территории Фракии было несколько святилищ Асклепия и одновременно фракийского бога-всадника. К ним относятся большое святилище у Баткун и святилище у Новосел, открытые в Пловдивском округе [4, с. 58].

Итак, рассмотренные материалы, включая находки последних лет в Херсонесе, свидетельствуют о существовании определенных культурных контактов и даже влияния культуры римской Фракии и Мезии на некоторые стороны быта, идеологии и изобразительного искусства Херсонеса Таврического во II—III вв. н. э.

Список литературы: 1. *Велков И.* Новооткрыти старини//Известия на Българския археологически ин-т. 1932/1933. Т. 7. 2. *Вълов В.* Антични некрополи в Свищовско//Археология. 1965. Кн. 1. 3. *Голенко К. В., Щеглов А. Н.* О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом//Dacia. 1965. Т. 9. 4. *Гочева З.* Оброчен надпис на Асклепий от с. Градец, Софийско//Археология. 1967. Кн. 1. 5. *Иванов Т.* Археологические исследования античного города Ульпия Эск//Сов. археология. 1964. № 1. 6. *Иванова А. П.* Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса//Сов. археология. 1964. № 2. 7. *Иванова А. П.* Художественные изделия из дерева и кости//Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. 8. *Иванова Г. П.* Сцена загробной трапезы на херсонесских надгробных рельефах//Археология. 1970. Т. 23. 9. *Известия археологической комиссии.* 1905. Вып. 16. С. 37—112. 10. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса//Археологические открытия 1983 года. М., 1985. 11. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса//Археологические открытия 1981 года. М., 1983. 12. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса//Археологические открытия 1982 года. М., 1984. 13. *Кадеев В. И.* Раскопки в Херсонесе//Археологические открытия 1970 года. М., 1971. 14. *Кадеев В. И., Романчук А. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса//Археологические открытия 1975 года. М., 1976. 15. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981. 16. *Кобылина М. М.* Античное искусство на территории Болгарии//Материалы по теории и истории искусства. М., 1956. 17. *Минчев А.* Сребърна статуетка на актьор от Одесос//Археология. 1981. Кн. 1—2. 18. *Отчет археологической комиссии за 1893 г.* СПб., 1895. 19. *Отчет археологической комиссии за 1895 г.* СПб., 1897. 20. *Соколовский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. 21. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 22. *Султов Б.* Един занаятчийски център в Долна Мизия//Археология. 1962. Кн. 4. 23. *Щеглов А. Н.* Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического//Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 150. 24. *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Vol. 2. Oxford, 1896. 25. *Hanell K.* Megarische Studien. Londonum, 1934. 26. *Kazarow G. I.* Die Denkmäler des thrakischen Reitergötten in Bulgarien. Budapest, 1938. 27. *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. 28. *Majewski K.* Kultura rzymska w Bulgarii. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. 29. *Scorpan C.* Cavalerul trac. Constanta, 1967.

Поступила в редколлегию 30.10.86

В. А. ЛАТЫШЕВА

К ИСТОРИИ КУЛЬТОВ НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ

В ходе многолетних раскопок поселения Маслины, основанного выходцами из Херсонеса в конце IV в. до н. э. на северной окраине херсонесской хоры, накопился археологический материал, позволяющий несколько расширить наши весьма фрагментарные представления о культах населения херсонесской хоры. Как показали раскопки, проводившиеся экспедицией Харьковского университета, специальных храмовых построек на Маслинах не существ-

вовало, слишком ограниченными были экономический потенциал, материальные и людские ресурсы этого небольшого по своим масштабам поселения [9, с. 100—105]. Святилища на Маслинах были домашними, территориально связанными с определенным жилым комплексом и ориентированными прежде всего на его обитателей. Они представлены стационарными алтарями-жертвенниками, объединявшими, судя по обстоятельствам находки, большую состоятельную семью крупного хозяйственного объединения.

На Маслинах обнаружено три алтаря: один во внутреннем дворе жилого блока, расположенного в центральной части поселения, два других имеют отношение к башням — южной и западной.

Алтарь, найденный во дворе, в центральной части поселения, представлял собой каменный блок размером $0,45 \times 0,30 \times 0,18$ м (рис. 1, а)*. Порода камня, использованного в данном случае, отличается от преобладающих в обычном строительстве — вместо понтического известняка, пористого и ноздреватого, был использован плотный мраморовидный известняк с мелкозернистой структурой. Камень специально обработан: тщательно отесан под блок, на лицевом его фасе просверлены два геометрически правильных кольца, символика которых, к сожалению, не ясна; по верхнему краю рукой каменотеса отбита по шнуру четкая линия. На верхней поверхности сохранились и другие примечательные детали — хорошо заметны следы рубящего инструмента типа топора и следы копоты. В сочетании с неординарностью породы и тщательностью отделки камня это существенные аргументы в пользу того, что каменный блок мог служить алтарем для заклания жертвы и сжигания жертвенного мяса. С этой точки зрения примечательна еще одна деталь — рядом с алтарем в стене было предусмотрено отверстие, специально просверленное в камне, где, очевидно, привязывали жертвенное животное. Наконец, последняя, но весьма существенная деталь — при расчистке данного комплекса была обнаружена терракота с изображением богини Деметры (рис. 2, а). Эта находка не только не оставляет сомнений в принадлежности описанного выше блока к алтарю, но и позволяет определить содержательную сторону культа — перед нами алтарь-жертвенник в честь Деметры.

Другой культовый комплекс был обнаружен при расчистке южной башни. В одном из ее помещений найден фрагмент плиты из плотного мелкозернистого известняка с ритуальной символикой (рис. 1, б), аналогичной описанному выше жертвенному алтарю. Естественно допустить, что и эта фрагментированная плита является алтарной частью еще одного жертвенника в честь Деметры. Ее связь с этим культом подсказывается и другими находками из южной башни [7, с. 56—57]: двумя изображениями богини Деметры — в виде серебряной оковки какого-то предмета и терракотовой протомы этой богини (рис. 2, б). Думается, не случайно оказались здесь и обгоревшие зерна злаков, главным образом ячме-

* Греческий термин βωμός (алтарь) в буквальном переводе означает «пост», «ступень», «возвышение».

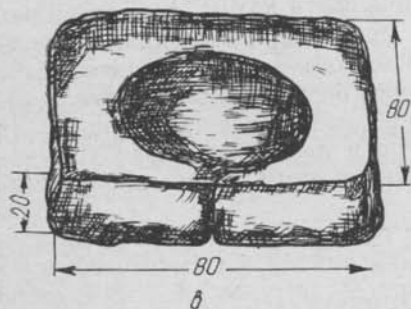
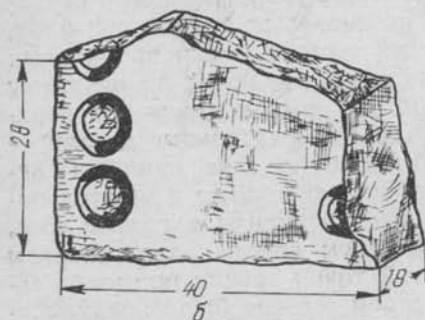
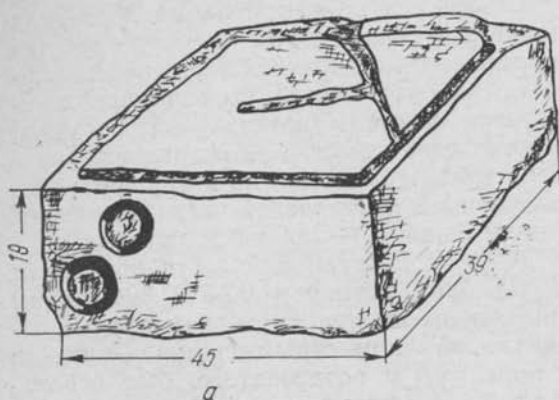

Рис. 1. Стационарные алтари-жертвенники, найденные при раскопках поселения Маслины:

а) алтарь-жертвенник из центральной части поселения; б) фрагмент жертвенного алтаря из южной башни; в) глинобитный алтарь с чашевидным углублением из западной башни

Рис. 2. Терракоты Деметры из раскопок поселения Маслины

ня: по ритуалу в честь Деметры было принято в горящий на алтаре огонь бросать поджаренные зерна [5, с. 87]. Впечатление о культовом характере открытого комплекса дополняется находками глиняной модели зерна, окрашенной в красную охру, а также значительного скопления самой охры.

Еще один культовый комплекс был обнаружен при раскопках западной башни [6, с. 7—12]: в центре основного помещения находился глинобитный очаг размером $0,80 \times 0,80 \times 0,20$ м с чашевидным углублением (рис. 1, в). На нехозяйственное использование очага указывает бело-розовая обмазка, хорошо сохранившаяся по всей его поверхности. Такой же обмазкой покрыт и пол (толщина слоя 0,07 м); значительное скопление этой обмазки было обнаружено также вдоль юго-западной стены и в южном углу помещения, возможно, это следы осыпавшейся штукатурки стен, что свидетельствует о неординарной внутренней отделке всего помещения.

При расчистке центрального очага была найдена терракотовая полуфигура Деметры или Кору (рис. 2, в). Данная находка в сочетании с необычной парадностью всего помещения в целом позволяет рассматривать это помещение как культовое, а центральный очаг как алтарь в честь Деметры, где горел овященный огонь во славу этой богини. Для более полной характеристики рассматриваемого культового комплекса следует отметить и другие детали: на полу у центрального очага были обнаружены большое овальное блюдо ($0,70 \text{ м} \times 0,35 \text{ м}$) и чаша лепной работы, вмазанные в глинобитный пол; блюдо типа жаровни, очевидно, предназначалось для жертвенного мяса, а чаша — для возлияний, связанных с ритуалом в честь Деметры. С этой точки зрения представляется возможным объяснить и большое скопление костей в соседнем помещении с глубоким подвалом — кости, надо полагать, принадлежали животным, приносимым в жертву богине.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о большой популярности на Маслинах земледельческих культов, среди которых в древнегреческой религии ведущее место традиционно отводится Деметре и ее дочери Коре (Персефоне). В то же время обращение к богатой и разносторонней античной традиции, отложившейся в различных источниках [Гомер. Ил., II, 695; Аристофан. Богатство, 514; 13, с. 230, рис. 15, с. 249, рис. 27; 18, с. 11; 19, р. 4, 7], позволяет точнее определить функции этих богинь. В конкретном образном сознании древнего грека (подробнее об этом см.: [2, с. 30, 34]) имена Деметры и Кору олицетворялись не столько с культурой земледелия вообще, сколько с представлением о хлебе, зерне, хлебном поле, урожае зерновых [2, с. 107—108; 13, с. 229; 14, с. 438—442].

Маслины были земледельческим поселением отчетливо выраженного зернового профиля, о чем убедительно свидетельствует разнообразный археологический материал, добытый в ходе многолетних раскопок поселения [10, с. 68—86]. Зерно здесь выступало как товарная продукция, в обмен на которую жители Маслин обеспечивали себя всем остальным: изделиями ремесла, маслом, ви-

ном, предметами быта. Таким образом, в условиях Маслин забота о хлебе, урожае зерновых была жизненно важной производственной функцией, главным источником и условием нормального существования поселенцев, смыслом и содержанием их каждодневного бытия. Этот жизненно важный интерес и должен был ориентировать обитателей Маслин на почитание Деметры и Керы, культы которых не случайно оказались здесь особенно популярными и значимыми.

Отправление того или иного культа сопровождалось целой системой ритуальных действий, среди которых важное место отводилось жертвоприношениям. Надо полагать, что на Маслинах, как и во всем греческом мире, в жертву богам приносились домашние животные. В ходе многолетних раскопок Маслин накопился достаточно обильный остеологический материал, принадлежащий домашним животным, в котором преобладают кости овец и коз, на втором месте — крупный рогатый скот, затем кости лошади и очень незначительный процент костей принадлежит свинье. Связывать весь костный материал с ритуальными жертвоприношениями, разумеется, нет оснований. Однако отметим, что потребление мяса в пищевом рационе древних греков было ограниченным [3, с. 91]. Главными источниками питания жителей Маслин, как и всего греческого мира, были продукты земледелия и моря, мясо же не входило в рацион каждодневного питания; без него не обходилась ритуальная трапеза, оно было своего рода пищей богов и уже потому не могло быть на столе каждый день. Кроме этого, нельзя не учитывать общий уровень жизни поселенцев херсонесской хоры, их сравнительно низкий жизненный стандарт, обеспечивавший главным образом прожиточный минимум, и то в условиях напряженного труда всей общины: земли Тарханкутского полуострова не отличались плодородием, и возможности получить на них хороший урожай при низком уровне техники были весьма ограничены.

Итак, можно предположить, что значительная часть остеологического материала, найденного на Маслинах, имеет отношение к культу. Более того, в ходе раскопок 1983 г. на уровне древнего горизонта был обнаружен скелет туши старого быка, связь которого с ритуальными действиями просматривается еще определеннее [8, с. 15]. Видеть в данной находке павшее животное нельзя по ряду причин. Во-первых, крупный рогатый скот относится к разряду наиболее ценных домашних животных, и вряд ли на таком небольшом поселении, как Маслины, с его безотходной экономикой, где в хозяйстве ничего не пропадало просто так, где старались продлить жизнь каждой нужной в быту вещи, могли допустить естественный падеж крупного рогатого скота. Его несомненно старались предупредить, и животное, отслужившее в хозяйстве, забивали, чтобы использовать на мясо. Кроме того, несмотря на анатомически правильный порядок большинства костей скелета, в процессе их расчистки отчетливо фиксировались и не случайные нарушения этого порядка, а именно: вся туша была разрублена по хребту на три части, несколько смещенные по от-

ношению друг к другу; судя по положению ребер, левая боковая полость животного была разрублена вдоль хребта и смещена вправо; кости правой задней ноги вообще отсутствовали. Таким образом, налицо следы специальной искусственной разделки туши, которой должен был предшествовать и специальный забой. Полагать, что забой животного был произведен с целью создания запаса мясной пищи и что перед нами своеобразный приготовленный впрок запасник, не позволяют обстоятельства находки: туша была обнаружена среди очагов, сохранившихся в виде обильных скоплений обожженной глиняной обмазки; по всей вероятности, туша готовилась к непосредственному употреблению.

Вместе с тем забой быка на Маслинах — отнюдь не рядовая, повседневная операция, если учесть ту роль, какую играло это животное во всем хозяйственном укладе поселения. Показательно, что среди костей крупного рогатого скота, найденных на Маслинах, преобладают кости старых особей. Очевидно, данный вид животных разводили здесь не столько ради мяса, сколько ради других целей. Если вспомнить, что жители Маслин — это главным образом земледельцы, занятые выращиванием хлеба на продажу, то на быках они должны были прежде всего пахать. Именно таким способом обрабатывали землю во всем греческом мире. В оседлых земледельческих поселениях того времени крупный рогатый скот оказывался предпочтительнее лошади. Не уступая последней в смысле силы и выносливости, он использовался как тягловая сила, как основной рабочий скот в земледелии, как транспортное средство, как источник молочных продуктов. Именно полифункциональный характер использования крупного рогатого скота делал этот вид домашних животных не только предпочтительнее лошади, но и выдвигал его на особо важное место во всем жизненном укладе поселения. Не удивительно, что на Маслинах забивали главным образом старых животных, для которых в хозяйстве уже была замена, а сам акт забоя должны были приурочивать к какому-то важному моменту в жизни всей земледельческой общины. Думается, что в условиях Маслин достойным поводом для этого могло быть окончание сельскохозяйственного года, сбор урожая зерновых, от которого зависело благосостояние всей общины. Надо полагать, что ежегодно такое событие в жизни поселенцев освящалось традиционным праздничным ритуалом в честь богини Деметры. По одному из таких случаев, причем, должно быть, особенно удачному, в благодарность за особую щедрость богини и был забит старый бык, найденный на поселении. Отметим, что в греческом мире принесение в жертву быка расценивалось как наиболее дорогая и ценная жертва, к которой прибегали в чрезвычайных обстоятельствах или особо торжественных и важных случаях [5, с. 86].

В предложенной версии остается неясным один существенный момент: почему столь дорогая и ценная жертва оказалась брошенной? Невероятность ситуации заставляет предположить для ее объяснения не менее необычайные обстоятельства: полагаем, что

приготовления к ритуальной трапезе совпали с внезапной гибелью поселения. Факт внезапной гибели Маслин в результате военного нападения надежно установлен в ходе раскопок [7, с. 60]. Установлена и дата гибели поселения — середина II в. до н. э. К этому времени погибли и многие другие земледельческие поселения на территории херсонесской хоры [16, с. 19] вследствие возраста-

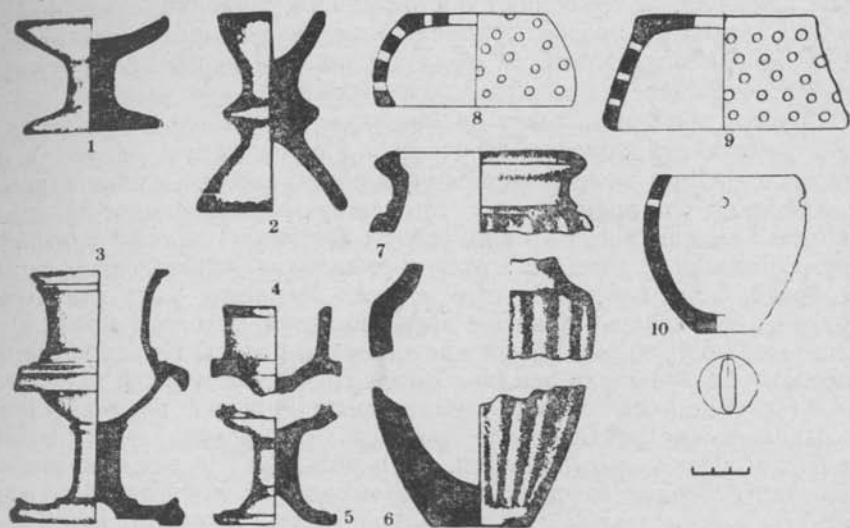

Рис. 3. Культовые сосуды поселения Маслины:

1—2 — культовые светильники; 3—5 — чаши для возлияний; 6—10 — курильницы

ния активности крымских степных кочевников. Их набеги нередко совершались с целью грабежа, захвата добычи, поэтому и приурочить их должны были к окончанию сельскохозяйственного года, когда было что грабить, когда урожай зерна был уже собран. Полагаем, что именно так и случилось на Маслинах: когда шли последние приготовления к общей трапезе в честь богини Деметры, кочевники внезапным налетом решили судьбу и поселения, и его обитателей.

В системе ритуальных действий, помимо жертвоприношений, определенное место отводилось возлияниям и воскурениям. К ним прибегали не только при жертвоприношениях, неотделимых от коллективного пиршества, но, очевидно, при каждом обращении к богу. Гесиод, например, рекомендует и утром, и вечером чтить богов возлияниями и воскурениями [Труды и дни, 338—339]. На Маслинах с этими священными обрядами уместно связать чашевидные сосуды, имеющиеся в керамическом комплексе поселения (рис. 3). По своим формам они выпадают из массы обычной бытовой посуды, однако имеют аналоги среди сосудов, происходящих

из чистых сакральных комплексов [14, с. 90, рис. 9; табл. 19]. При выяснении характера использования чашевидных сосудов в культе — для возлияний или воскурений — определенным ориентиром может служить наличие (или отсутствие) на них следов огня, копоти, пережженности, характерных для курильниц и светильников. Думается, что чашевидные, на ножке с устойчивым основанием, формы последних, как и вся рассматриваемая группа чаш, имели отношение к культу. На Маслинах при расчистке жилых помещений подобные светильники встречались в сочетании с культовой терракотой. Чаша-светильник, где поддерживался огонь, могла устанавливаться в доме рядом с культовой терракотой, подсвечивая образ божества. Подобный комплекс, наряду с описанными выше алтарями-жертвенниками, выполнял функции своеобразного домашнего святилища, места обращения домохозяев к богу, места его почитания.

В заключение следует отметить, что на Маслинах религиозному освящению подвергались многие формы человеческих отношений. Есть основания полагать, что здесь в почете были и такие широко распространенные во всем античном мире культы, как культ домашнего очага, семейного благополучия, культ предков [11, с. 12—13]. Однако общественно значимыми были культы Деметры и Керы, с которыми жители поселения связывали свои надежды на благополучие всей земледельческой общины. Ф. Энгельс отмечал: «Религиозные представления... развиваются у каждого народа... соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям» [1, т. 21, с. 313]. Это положение классиков марксизма об органической связи культовых представлений с насущными практическими потребностями коллектива находит убедительное подтверждение и в материалах Маслин, земледельческого поселения херсонесской хоры.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Пг., 1916. 3. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. 4. Зелинский Ф. Ф. Дневнегреческая религия. Пг., 1918. 5. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1899. 6. Латышева В. А. Раскопки поселения Маслины в 1972 г.//Архив ИА АН УССР. 7. Латышева В. А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму//Крат. сообщ. ин-та археологии. Вып. 156. М., 1978. 8. Латышева В. А. Раскопки поселения Маслины в 1983 г.//Архив ИА АН УССР. 9. Латышева В. А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму//Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 286. 10. Латышева В. А. Развитие земледелия на территории херсонесской хоры//Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. 11. Мещеряков В. Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 12. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. 13. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. 14. Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея//Тр. Гос. Эрмитажа. Вып. 2. 1958. 15. Худяк М. М. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л., 1962. 16. Щелов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху//Крат. сообщ. Ин-та археологии. М., 1970. Вып. 124. 17. Heres Gerald. Griechische Vasenmalerei. Leipzig, 1984. 18. Overbeck. Griechische Kunstmythologie. Leipzig, 1873.

Поступила в редколлегию 29.10.86

ОТПУЩЕННИКИ И ИХ ПОТОМКИ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

Особенностью социально-экономического развития рабовладения в начале нашей эры становится увеличение отпуска рабов на волю. Значение отпущенников в античном обществе возрастает. На Боспоре это явление по времени совпадает с включением царства в орбиту римского влияния, что накладывает свой отпечаток на развитие института отпущенников в этом государстве. Сословие отпущенников занимало важное место в социальной структуре Боспорского царства, и его изучение позволит конкретизировать развитие рабовладения в эту эпоху на Боспоре и в Северном Причерноморье.

Вопрос об отпущенниках на Боспоре изучен недостаточно. Работы В. Д. Блаватского [3] и В. И. Кадеева [7] лишь в некоторой степени затрагивают данную проблему. Другие авторы либо ограничиваются изучением эпиграфических особенностей боспорских манумиссий, сводя к ним всю источниковую базу вопроса [13; 14], либо просто признают факт увеличения числа отпущенников на Боспоре в I—III вв. н. э., не придавая ему особого значения [4, с. 363—365; 6, с. 123]. Г. А. Цветаева констатирует факт появления римских отпущенников на Боспоре, но не приводит каких-либо доказательств в пользу своего предположения [20, с. 101].

В настоящей статье предпринята попытка выделить отпущенников и их потомков в составе населения Боспорского царства в I—III вв. и определить их место в социально-классовой структуре боспорского общества.

В первых веках н. э. отпущенники стремились скрыть свое происхождение и в надписях не указывали свой статус. Привлечение данных ономастики, на наш взгляд, позволяет выделить отпущенников в составе жителей царства и определить среди них социальные группировки, занимавшие разное положение в боспорском обществе.

В надписях Боспора имеются прямые указания на присутствие отпущенников среди жителей царства. Они упоминаются в манумиссиях и эпитафиях I—II вв. н. э. Известны имена 15 отпущенников. Все они указаны без отчеств. Как правило, эти имена встречаются в боспорском ономастиконе крайне редко и имеют рабскую этимологию. Например, Филодеспот — «любящий своего господина» [10, № 1021]; Монима — «верная, постоянная» [10, № 474]; Дорей — «в дар, даром» [10, № 1125]. Искусственный характер таких имен обнажается в надписи, где упомянут отпущенник Филофем, он же Леонак [10, № 710]. Греческое имя Филофем встре-

чается на Боспоре один раз и является кличкой (Филофем — «любитель поболтать», «болтун»). Имя же Леонак имеет иранские корни и выдает варварское происхождение отпущенника.

В первых веках н. э. на Боспоре получают распространение имена, повторяющие отчества. Такая форма имени нарушала греческую традицию давать ребенку имя деда. Нарушение древнего правила отчасти связано с социальными причинами. Скрывая свое происхождение, отпущенники и их потомки, не имея свободнорожденных дедов, в виде патронимикона иногда указывали свое личное имя в генетиве [15, с. XXIX; 8, с. 55—59; 27, р. 104].

Наибольшего распространения имена, повторяющие отчества, получили в I—III вв. н. э., и особенно во II в. н. э. (более 45 имен). Именно в это время увеличивается число таких имен в Херсонесе и Ольвии [8, с. 56; 5, с. 126—127]. В то же время в ономастиконе Боспора имеется немало случаев соблюдения жителями царства греческого обычая, например, Эвтихид, сын Антигена, внук Эвтихида [10, № 783].

Конечно, нельзя безоговорочно утверждать, что все лица, носившие имена такого рода, были отпущенниками (иногда младшие сыновья греков получали имя отца). Необходимо учитывать характер имен. На Боспоре среди имен, повторяющих отчества, есть греческие и римские, с иранскими и фракийскими корнями. Маловероятно, чтобы свободный грек с хорошей родословной носил римское гентильное имя в качестве личного — Корнелий, сын Корнелия [10, № 616], когномен Руф, сын Руфа [10, № 947], или имя-этнокон Фракид, сын Фракида [10, № 905]. Среди таких имен много теофорных: Дионисий, Гераклид, Деметрий, Аполлоний и др. [10, № 76, 102, 346, 373 и др.], которые далеко не всегда принадлежали свободным грекам [15, с. XXIX]. Например, один из местных отпущенников носил имя Дионисий, он же Лонгион [10, № 905]. Вероятное, свое теофорное имя он получил в рабстве, будучи посвященным этому богу, а варварское имя было его родным именем. Известно много примеров подобной номенклатуры у отпущенников [30, р. 25].

Таким образом, для целой категории лиц, имена которых повторяли отчества, можно с большей или меньшей уверенностью предполагать их отпущеннический статус.

В I—III вв. н. э. на Боспоре появляются лица, носившие римское гентильное имя Юлий. Ранее предполагалось, что это жители царства, наделенные правами римского гражданства [11, с. 90—91]. Однако такая точка зрения требует уточнения. Большинство лиц, носивших это имя на Боспоре в I—II вв. н. э., никакого отношения к римскому гражданству не имело. Например, Юлий, сын Эрота [10, № 85], и Юлий, сын Гиерака [10, № 1055]. Имена Эрот и Гиерак были весьма популярны среди рабов восточного и малоазиатского происхождения [26, с. 691; 27, с. 101],

а употребление номен в качестве личного имени прямо указывает на рабское происхождение их носителей.

Следует отметить надписи начала II в. н. э., в которых упоминается Тиберий Юлий Фавмаст [10, № 45] и Юлий Флавиан [10, № 47]. Юлий Фавмаст был хранителем дворцовой казны у Савромата I. Его иранское имя Фавмаст изредка встречается в надписях фиасов из Танаиса [10, № 1242, 1280, 1287]. Что же привело выходца из варварской среды на столь ответственный пост? Скорее всего отношения личной зависимости и преданности боспорскому царю. Эллинистические монархи и римские императоры часто ставили на должности, связанные с финансами, своих отпущенников и рабов — людей, в чьей преданности и честности они не сомневались. Интересна номенклатура и статус Юлия Флавиана, который от имени царя Реметалка ставит статую «благодетеля всего Боспора и своего утвердителя» императора Адриана [10, № 47]. Составные части имени Юлия Флавиана римские, когномен образован при помощи суффикса -ianus от императорского родового имени Флавий. Этот суффикс был характерен для имен отпущенников и особенно для их потомков [8, с. 53; 24, с. 53; 31, р. 126]. Видимо, Флавиан носил это имя как потомок императорских отпущенников эпохи Флавиев. С другой стороны, налицо зависимость Флавиана от Юлия Реметалка, заставившая его принять династическое имя боспорских монархов.

Наибольшее распространение имя Юлий получает в конце II — начале III вв. н. э. В это время Юлии входят в ближайшее окружение боспорских владык и играют значительную роль в социально-политической жизни всего царства. Об этом говорят их должности: посол, хилиарх [10, № 1049], наместник царской резиденции [10, № 1237], управляющий царским двором [10, № 49, 98, 897], управляющий конюшней [10, № 942] и др. Их имена составлены по римской структуре, иногда с добавлением патронимикона в генетиве: Юлий Эрот, сын Квинта [10, № 897], Юлий Хофарн, сын Афродисия [10, № 36]. В номенклатуру этих людей входили римские, греческие, варварские имена, что весьма затрудняет определение их этнической принадлежности. Что же касается определения их социального статуса, то он, на наш взгляд, вполне ясен. Интересен в этом отношении Юлий Менестрат, упоминаемый в надписях как «главный постельничий», «царский посол в Танаисе», «хилиарх» [10, № 1049, 1243]. Его успешная карьера объясняется исключительной верностью и исполнительностью. Например, Савроатама I он называет своим «богом и владыкой», в то время как в других надписях тот обычно упоминается как «благодарный».

В конце II в. бюрократическое государство, в котором явно проявлялись черты восточных монархий, вступает в пору кризиса. В этих условиях боспорские цари были заинтересованы в появлении надежных исполнителей их власти, которыми становятся царские отпущенники, носившие династическое имя Юлий. Высокое общественное положение отпущенников нельзя считать чем-то

особенным для Боспора. Достаточно вспомнить Аникета, отпущенника понтийского царя Полемона, который был командующим царским флотом [18, III, 47—48].

Отпущенники использовались при дворе боспорских монархов и как рядовые исполнители царской воли. Нам известен начальник евнухов Амфитион [10, № 301]. Судя по рельефу памятника, в его обязанности входила охрана безопасности дворца. Сама должность, предусматривающая исключительную преданность, отсутствие патронимикона, очень редкое имя — все это указывает на то, что он был отпущенником [28, р. 100, 106]. Поскольку Амфитион был «начальником», то, видимо, евнухов при дворе было довольно много, и среди них, как и в других восточных монархиях, были отпущенники [22, р. 107—108].

На мраморной плите I в. н. э. упоминаются члены коллегии, ведавшей доходами царства — Гиацинт, Сократ и Милесий [10, № 519]. Первый издатель надписи считал их отпущенниками, ссылаясь на отсутствие отчеств [12, с. 212]. Однако, по мнению Т. В. Блаватской, магистраты намеренно опустили в надписи свои отчества, чтобы исполнить надпись более крупным шрифтом [1, с. 35, прим. 44]. Последняя точка зрения представляется нам недостаточно убедительной. Маловероятно, чтобы магистраты сознательно лишили свои имена отчеств. К тому же имена просодиков имеют недвусмысленное происхождение. Имя Гиацинт известно среди рабов [23, № 14354] и обозначает прекрасный цветок, а имя Милесий переводится как «милетец», т. е. является топиконом. Не исключено, что потомком отпущенника был и главный переводчик аланов Герак, сын Понтика [10, № 1053]. Его патронимикон весьма популярен среди рабов с Востока. Подчеркиваем, что имена евнуха Амфитиона, просодиков Милесия и Гиацинта, переводчика Герака, как и имена многих Юлиев, в других памятниках царства не зафиксированы. Тенденция к использованию в государственном аппарате отпущенников как людей зависимых и чужих на Боспоре, видимо, не случайна. Боспорские цари использовали их в проведении внутренней политики и укреплении государственного аппарата.

Достаточно высокого общественного положения отпущенники достигали и вне пределов царского двора. Так, среди обычных и даже убогих надгробий отпущенников выделяется богатый памятник рубежа I—II вв. н. э. Стратонику, сыну Зенона, поставленный его отпущенником Сосием [10, № 145]. Судя по пышному надгробию и блестящей эпитафии, составленной в размере элегического дистиха, можно считать Сосия вполне зажиточным и грамотным человеком. На Боспоре известно лишь три надписи, где бы упоминалось это распространенное среди рабов имя. В одной из них должностные лица фиаса возводят стелу некоему Сосию [10, № 89]. Не исключено, что уже это известный нам отпущенник. Имена синагога Зотумы и филагафа Пантагафа, как и имя Сосия, вырезаны на камне без отчества. Упомянутые надписи заканчиваются одинаковой формулировкой $\mu\upsilon\eta\eta\eta\varsigma \chi\alpha\rho\iota\nu$, весьма рас-

пространенной в эпитафиях Малой Азии [9]. Вероятно, Сосий был членом какого-то объединения отпущенников, которые были широко распространены в древнем мире [19, с. 164—165; 29, р. 117; 30, р. 81]. В одной из надписей среди имен 50 фиаситов лишь один Гай указан без отчества [10, № 1279]. Очевидно, это отражало разницу в социальном положении фиаситов. В конце списка членов фиаса из Пантикапея [10, № 76] упомянуты Луций, сын Квинта, и Руф, сын Эрота. Особенности их номенклатуры, составленной из характерных римских и греческих рабских имен, указывают на отпущеннический статус.

Отпущенники и их потомки принимали активное участие в ремесленном производстве и торговле Боспора. Внимание исследователей всегда привлекала деятельность в Танаисе архитектора Аврелия Антонина [4, с. 338; 20, с. 44, 49]. Однако его социальный статус не был определен. При участии архитектора в начале III в. н. э. возводились оборонительные сооружения [10, № 1249, 1250, 1252]. Аврелий Антонин стал членом местного фиаса [10, № 1282]. В этой же надписи предпоследним по списку указан Антонин, сын Антонина, видимо, сын архитектора. Его имя, построенное по греческой структуре, выдает происхождение отца и «отсутствие» деда. Римский когномен Антонин в других надписях Боспора не встречается. Структура имени архитектора указывает на его статус. Аврелий Антонин, видимо, был отпущенником, так как носил императорские номен и когномен, что составляло номенклатуру рабов и отпущенников императорской семьи [32, р. 89]. Косвенно в пользу нашего предположения говорит тот факт, что в Римской империи очень часто именно отпущенники занимались градостроительством [31, р. 131]. Деятельность императорского отпущенника Аврелия Антонина в далеком, пограничном со степью городе, в условиях натиска варварских племен выглядит не случайной.

В эпитафии II в. н. э. из Пантикапея упомянут Авл Ситесий [10, № 665], врач эмпирической школы, возникшей в Греции еще в эллинистический период [2, с. 78—79]. Обращает на себя внимание имя врача. В надписи отсутствует когномен, который был, очевидно, намеренно опущен, чтобы не выдать рабское происхождение Авла Ситесия. Рабские имена у отпущенников римлян оставались в виде когноменов [24, с. 52; 27, р. 96; 31, р. 125]. В I—III вв. н. э. ремесло врача было обычной профессией отпущенников греческого происхождения [2, с. 210; 31, р. 131].

Видимо, потомком отпущенника был купец Хрестион, сын Азиатика [10, № 142]. Имя его отца было характерной кличкой рабов из Азии, образованной от места рождения или продажи раба [33, р. 33—34]. Хрестион занимался торговлей с варварскими племенами и погиб «несчастной смертью в земле сираков», о чем свидетельствует его стихотворная эпитафия.

Менее благополучное и обеспеченное существование было характерно для рядовых ремесленников и торговцев — выходцев из рабской среды. В краткой эпитафии на дешевом камне упомина-

ется кораблестроитель Сис [10, № 313]. Его отпущеннический статус определил еще В. В. Шкорпил [21, с. 115]. По свидетельству Страбона, в гавани Пантикапея находились доки на 30 кораблей [17, VII, 4,4]. Для работы на них нужно было большое количество ремесленников. Одним из них был Сис. Вероятно, отпущенником был и Максим — мастер по производству деревянных гребней. Греческое клеймо с его именем обнаружено на одном из пантикапейских гребней [16, с. 143].

Значительная часть отпущенников пополняла низы боспорского общества. Встречаются надписи, небрежно выполненные на дешевом камне, лишенные каких-либо украшений. Имена на этих надписях обычных для греческих рабов и отпущенников: Эрот, Гермес, Констанций, Мирмекий, Зотих. В то же время следует подчеркнуть, что среди отпущенников чаще, чем среди других слоев населения царства, встречаются римские имена. Например, Друз, сын Мессия [10, № 672]. Составные части имени римские, хотя структура — греческая. Друз — это когномен, а Мессий — родовое имя. Такой ономастический казус выдает в нем потомка отпущенника, стремившегося замаскировать свое происхождение. Рабские корни обнаруживает когномен Гая Келия Гимера (цере — означает «ручной, домашний, прирученный») [10, № 752]. Его имя упоминается на весьма скромной эпитафии III в. н. э. Некий Гай был настолько беден, что у него не хватило средств, чтобы вырезать на плохоньком надгробии имена умерших детей [10, № 1090].

Развитие рабовладельческих отношений на Боспоре в I—III вв. н. э. приводит к выделению в составе жителей царства сословия отпущенников. Они становятся существенной частью сложной социальной структуры общества. Состав этого сословия был весьма пестрым и неоднородным по своему положению. В число господствующего класса рабовладельцев вливаются царские отпущенники, занимавшие ключевые посты в бюрократическом аппарате боспорского государства в конце II—III вв. н. э. Помимо царских чиновников привилегиями господствующего класса, видимо, пользовались императорские отпущенники и некоторые отпущенники римских граждан — выходцы из провинций Малой Азии. Возрастание числа и роли отпущенников приводит к проявлению их корпоративности как сословия. Возможно, что некоторые из пантикапейских фисав в своих рядах объединяли отпущенников. Заметную роль играли отпущенники и их потомки в ремесленном производстве и торговле Боспора. Материальное состояние определяло их место в обществе. Видимо, они входили в состав класса свободных производителей. Но большая часть отпущенников имела весьма скромный достаток и пополняла низы боспорского общества. А для бедноты различия в социальном статусе особого значения не имели.

Список литературы: 1. Блаватская Т. В. Аспруг и Боспор в 15 г. н. э. // Сов. археология. 1965. № 3. 2. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. 3. Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // Сов. археология. 1954. Т. 20.

4. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
5. Дьячков С. В. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии//Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268.
6. Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
7. Кадеев В. И. Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья//Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1, 8.
8. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981.
9. Кадеев В. И. Малоазийские надписи с Херсонеса//Вісн. Харк. ун-ту. 1977. № 167, вип. 10.
10. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
11. Латышев В. В. Неизданные боспорские надписи//Изв. Рос. Акад. истории материальной культуры. 1922. Т. 2.
12. Марти Ю. Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина//Вестн. древней истории. 1941. № 1.
13. Надель Б. И. Рабы и вольноотпущенники в Боспорском государстве в свете актов манумиссий//Listy filologicke. 1961. № 1.
14. Надель Б. И. Филологические и дипломатические заметки к Боспорским манумиссиям//Вестн. древней истории. 1958. № 1.
15. Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901.
16. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
17. Страбон. География. М., 1964.
18. Тацит. История//Соч. Л., 1969. Т. 2.
19. Тачева-Хитова М. Тракийски земли и Мала Азия през римската епоха//България в света от античности до наши дни. София, 1979. Т. 1.
20. Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979.
21. Шкорпил В. В. Новонайденные боспорские надписи//Изв. Археолог. комиссии. 1917. Вып. 63.
22. Appianus. Historia Romana. Lipsia, 1962. Vol. 1.
23. Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1902. Vol. 3, fasc. 4—5.
24. Duff A. M. Freedmen in Early Roman Empire. Oxford, 1928.
25. Finley M. I. Ancient Slavery and modern Ideology. N. Y., 1980.
26. Frank M. Rise Mixture in Roman Empire//American Historical Review. 1916. Vol. 21.
27. Gordon M. L. The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire//Journal of Roman Studies. 1924. Vol. 14.
28. Gugot P. Eunuchen als Sklaven und Freigelassene in der griechischrömischen Antike. Stuttgart. 1980.
29. Hopkins K. Conguerord and slaves. Cambridge, 1978.
30. Kajanto I. Supernomina. A Study in Latin Epigraphy//Commentationes Hummanorum Litterarum. Helsinki. 1966. Vol. 40, n. 1.
31. Taylor L. R. Freedmen and freeborn in the Epitaphs of Inperial Rome//American Journal of Philology. 1961. Vol. 82, n. 2.
32. Weaver P. Familia Caesaris: a Social Study of Emperor's Freedmen and Slaves. Cambridge, 1972.
33. Wiedemann T. Greek and Roman Slavery. L., 1981.

Поступила в редколлегию 30.10.86

Г. Р. ЦЕЦХЛАДЗЕ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНИ КОЛХ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Правильное разрешение вопроса этнической принадлежности носителей имени Колх (КОΛΧΟΣ) в эпиграфических источниках имеет важное значение не только для истории Колхиды, но и для изучения проблемы работорговли в античном мире, поскольку все исследователи считают, что носителями имени Колх были рабы—чужеземцы—жители Восточного Причерноморья [2, с. 39—43; 3, с. 105; 6, с. 271; 11, с. 500; 12, с. 227; 17, с. 79; 19, с. 157; 22]. Эти авторы исходят из того, что греки, не будучи в состоянии говорить варварские имена, давали кличку их носителям по этнической принадлежности. Для обоснования этого тезиса в литературе часто приводятся высказывания из «Географии» Страбона: «Ведь там [в Аттике] называли рабов лишь по именам самих

стран, откуда их привозили (например, «Лидиец» или «Сириец»), или же употребительными в тех странах именами, как «Манес» или «Мидас» — фригийца, или «Тибий» — пафлагонца (Strabo., VII, 3, 12).

Однако упоминаемый древним автором обычай не был правилом. В литературе уже не раз отмечалось, что сами греки имели имена, производные от различных этниконов [9, 10, с. 91—96]. Еще в VIII в. до н. э. имя Перс носил брат Гесиода, имя Киммерий — жители Эфеса и Родоса [9, с. 57]. Имя Колх встречается в эпиграфических источниках не так уж часто, поэтому, рассмотрим все источники с именем Колх, покажем, где оно является собственным именем грека, а где отражает этническую принадлежность.

Самые ранние эпиграфические источники с именем Колх датируются серединой VI в. до н. э. В Афинах найдены два чернофигурных сосуда — гидрия и амфора. На гидрии имеется сигнатура «Колх меня сделал», а на амфоре — «Евксистей сделал. Колх расписал» [6, с. 305, № 99]. На сосудах встречаются также сигнатуры с именем Скиф [6, с. 305—306, № 100—103].

Сигнатуры с именем Колх и Скиф на вышеуказанных чернофигурных сосудах середины VI в. до н. э. из Афин вряд ли указывают на этническую принадлежность ремесленников. На этих сосудах изображены сцены из греческой мифологии, и расписаны они неотличимо от работ греческих мастеров. Трудно предположить, что иноземцы (колхи, скифы) настолько глубоко восприняли греческую мифологию и приемы ремесла, чтобы их работы ничем не отличались от работ греческих мастеров. Можно отметить, что в Эрмитаже хранится гидрия со сценой свадебного шествия Зевса и Геры. Как указывает надпись, она расписана мастером Скифом. Изящная форма вазы, сдержанный четкий рисунок и тонкая гравировка в деталях позволяют считать вазу одним из лучших произведений чернофигурного стиля последней четверти VI в. до н. э. [5, с. 29]. Представляется невероятным, чтобы мастер из Скифии мог создавать шедевры греческого искусства. Поэтому имя Скиф отражает в данном случае не этническую принадлежность, а является собственным именем грека.

Как известно, в Греции стремились использовать раба в том виде деятельности, которой он обучался на родине [6, с. 233]. Вряд ли могли греки получить из Колхиды раба-колха, умеющего расписывать сосуды, так как для колхидской культуры не характерна подобная расписная керамика. Допустить, что колх, попавший в Афины, за короткое время изучил язык, мифологию, приемы вазописи, не представляется возможным. Сосуды же из Афин, о которых упоминалось выше, датируются серединой VI в. до н. э., а именно с этого времени установились тесные торгово-экономические связи Восточного Причерноморья с Средиземноморьем [17, с. 68—79]. Поэтому Колхида и колхи были известны едва ли не всем грекам. Ранее этому способствовал миф об аргонавтах, который был самым популярным после сказания о Троянской войне.

Мотивы мифа об аргонавтах часто использовались в греческой поэзии и вазописи (Гесиод, Евмел, Эсхил, Еврипид, Мимнерм, Анакреонт, Пиндар, Аполлоний Родосский, Дурис и др. [17, с. 9—23]). Поэтому греки вполне могли давать своим сыновьям имя Колх. Наконец, следует отметить, что термины «Колхида» (ΚΟΛΧΙΣ — ΙΑΟΣ) и «колхи» (ΚΟΛΧΟΙ) как наименования страны и народа не засвидетельствованы в древних грузинских письменных источниках. Так называли Западную Грузию и ее жителей греки [16, с. 29; 23, с. 63—64]. Таким образом, «Колхида» и «колхи» являются греческими терминами, и собственное имя Колх могли носить греки. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в одной из надписей III в. до н. э. упоминается Колх Византиец (ΚΟΛΧΟΣ ΒΥΖΑΝΤΙΟΣ). Л. Згуста считает, что здесь имя «не имеет никакого этнического значения» [29, с. 392, № 1055], то есть в этой надписи Колх является личным именем грека.

Интересный материал дают эпиграфические источники Боспора. В 1961 г. в Пантикапее в архаическом слое был найден обломок ионийского светильника с граффити ΚΟΛΧΟΣ [16, с. 90]. По палеографическим данным граффити датируется не позднее V в. до н. э. [11, с. 505; 17, с. 90]. Имя Колх в качестве собственного имени встречается и на стелах. На одной из них, найденной в Керчи, надпись: «ΦΙΛΟΚΩΜΟΣ ΚΟΛΧΟ» — «Филоком, сын Колха» [14, с. 183, № 230]. Около Керчи найдена другая стела с надписью: «ΜΑΖΙΣ ΧΟΛΚΟ» — «Мазис, сын Холка» [14, с. 171, № 200].

Следует обратить внимание на имя ΧΟΛΚΟ в последней надписи. Л. Згуста и другие исследователи считают его тождественным имени ΚΟΛΧΟΣ [27, с. 1689, S. V. ΚΟΛΧΟΣ; 29, с. 112]. Поэтому надпись можно переводить как «Мазис, сын Колха». Обе приведенные надписи датируются IV в. до н. э. [14, с. 171, 183]. Следует отметить, что Мазис — иранское имя [29, с. 112], а Филоком — греческое [11, с. 505; 27, с. 1626, S. V. ΦΙΛΟΚΩΜΟΣ].

Некоторые исследователи, приводя эти источники, задаются вопросом: «Не указывают ли имеющиеся данные на наличие в Боспорских городах определенной колхидской этнической прослойки?» [18, с. 113—114]. Вряд ли можно дать на этот вопрос положительный ответ, так как здесь Колх — собственные имена греков, а не указание этнической принадлежности. Имя это является патронимиком, в одном случае для греческого имени (Филоком), а в другом — для иранского (Мазис). Необходимо отметить, что имя Колх в форме ΧΟΛ [ΧΟΣ] встречается и в надписи II в. н. э., которая происходит предположительно из Горгиппии [25, с. 249—251, № 436]. На обломке плиты с обеих сторон на греческом языке помещен «список членов какого-то общества» [21, с. 37]. На оборотной стороне в пятой строке имеется надпись ΧΟΛ [ΧΟΣ]. Как известно, плиты со списками такого рода характерны для Горгиппии первых веков н. э. и представляют собой списки личных имен граждан этого города [1, с. 50—57]. Следовательно, Колх был гражданином Горгиппии. Эта надпись — еще

одно доказательство того, что Колх в Северном Причерноморье являлся личным именем грека. Эпиграфические источники Ольвии дают еще более интересные данные для решения вопроса об этнической принадлежности носителей имени Колх. В одной посвященной надписи середины II в. н. э. в шестой строке упоминается **ΡΑΟΔΜΝΟΣ ΚΟΛΧΟΥ** [23, с. 171; 26, с. 158, № 132]. **ΡΑΟΔΜΝΟΣ** — архонт Ольвии, а **ΚΟΛΧΟΥ** — его отчество. В. В. Латышев имя Колх считает греческим [26, с. 562].

Что касается обломка ионийского светильника с граффити **QOΛXOΣ** из Пантикапея [17, с. 90], то он скорее всего привезен с этим граффити из Ионии, и Колх несомненно являлся владельцем этого светильника, т. е. имя и в данном случае не отражает этнической принадлежности.

Распространению Колх в качестве собственного имени грека на Боспоре способствовала, как и в Средиземноморье, популярность мифа об аргонавтах. Интересно отметить сохраненную деталь в мифе об аргонавтах — будто бы сын Аэта, царя Колхиды, построил Пантикапей [28, с. 197, 264].

Тесные торгово-экономические связи Колхиды и Боспора также имели большое значение в распространении этого собственного имени, что нашло отражение в археологических источниках [18]. Привлекает внимание и тот факт, что Колхида имела экономические связи в VI—I вв. до н. э. и с другими центрами античного Северного Причерноморья — с Ольвией [7; 13; 15, с. 115—116] и Херсонесом, но эпиграфические источники с именем Колх найдены только на Боспоре, и именно — в Пантикапее. Это является еще одним показателем тесных, регулярных взаимоотношений между Колхидой и Боспорским царством. Как отмечал В. Ф. Гайдукевич, «торговые отношения Боспора с причерноморскими городами Колхиды были более значительными, чем с другими полисами Северного Причерноморья» [4, с. 92].

Имеются эпиграфические источники, в которых имя Колх указывает на этническую принадлежность. Все носители этого имени либо рабы, либо вольноотпущенники. Например, в списке афинского работорговца Кефисодора, датированном 415—414 гг. до н. э., наряду с рабами фракийцами, сирийцами и др. числится и раб Колх, за которого уплачено 153 драхмы [6, с. 290, № 70]. Почти такую же цену имеет Скиф. К сожалению, мы не можем сказать, как попал раб-колх к Кефисодору и чем он занимался.

Известна надгробная надпись из Афин, датированная эллинистическим временем: «**ΕΥΦΡΟΣΥΝΗ ΧΑΙΡΗΜΟΝΟΣ ΧΟΛΚΙΣ**» — «Ефросинья Хайремонова, колхидянка» [6, с. 108, № 110].

По мнению Б. Н. Гракова, «судя по отчеству, здесь не рабыня, а либо вольноотпущенница, либо — дочь вольноотпущенника» [6, с. 308].

В дельфийских манумиссиях II в. до н. э. [8, с. 119—187] упоминается женщина по имени Калло, по происхождению колхидянка (**ΟΝΟΜΑ ΚΑΛΛΩ ΤΟ ΓΕΝΟΣ ΚΟΛΧΙΔΑ**), которую Пситира, дочь Николая, продала Пифийскому Аполлону за пять серебря-

ных мин и таким образом освободилась [6, с. 309]. Интересно отметить, что колхидянка носит греческое имя ΚΑΛΛΩ. Не исключено, что это имя она получила из-за своей красоты, так как ΚΑΛΛΩ имеет этимологию, общую со словом ΚΑΛΟΣ — «красивый» [11, с. 500]. В дельфийских манумиссиях другого упоминания колха или колхидянки нет, а армяне, меоты, бастарны, сарматы (мужчины и женщины) встречаются часто, и цена их приблизительно такая же, как и колхидянки.

Таким образом, имя Колх не всегда указывает на этническую принадлежность носителя. В эпиграфических источниках Афин VI в. до н. э., Боспора и Ольвии оно является личным именем греков, а в других случаях отражает этническую принадлежность рабов или вольноотпущенников, привезенных из Восточного Причерноморья.

Список литературы: 1. Болтунова А. И. Надписи Горгииппии (из находок 1971—1981 гг.)//Вестн. древней истории. 1986. № 2. 2. Бердзنيшвили М. Д. К истории города Фасиса. Тбилиси, 1969. На груз. яз. 3. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. 4. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. 5. Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. 6. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии//Вестн. древней истории, 1939. № 3. 7. Дундуа Т. Г. Экономические связи Ольвии с Грузией по нумизматическим материалам//Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. Парутино, 1985. 8. Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. 9. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности носителей имени Скиф в Херсонесе Таврическом//Сов. археология. 1974. № 3. 10. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981. 11. Каухчишвили Т. С. Греческая эпиграфика как источник истории Грузии//Пробл. антич. культуры. Тбилиси, 1975. 12. Каухчишвили Т. С. Древнегреческие источники истории Грузии. Тбилиси, 1976. На груз. яз. 13. Кахидзе А. Ю. Торгово-экономические связи Пичвнами с античными центрами Северного Причерноморья//Пробл. исследования Ольвии: Тез. докл. Парутино, 1985. 14. Корпус Боспорских надписей/Под ред. В. В. Струве. М.; Л., 1965. 15. Лейпунская Н. А. Заметки о некоторых группах амфор из Ольвии//Северное Причерноморье. К., 1984. 16. Ломоури Н. Ю. К пониманию терминов «Колхида» и «Колхи»//Гр. Тбил. ун-та. 1971. Т. 138, сер. В. 1. Груз. 17. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966. На груз. яз. 18. Лордкипанидзе О. Д. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. до н. э.//История и культура античного мира. М., 1977. 19. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979. 20. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. 21. Мсерианца Л. З. Новые материалы по греческой эпиграфике//Филол. обозрение. 1987. Т. 13. 22. Скрижинская М. В. Ред.: Shodgrass S. Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980//Вестн. древней истории. 1985. № 3. 23. Трещева Ю. Н. Просопография должностных лиц Ольвии I—III вв. н. э.//Вестн. древней истории. 1974. № 4. 24. Bechtel F. Die historichen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917. 25. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1901. Vol. 4. 26. Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. 1. 27. Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884. Bd. 1—2. 28. Scythica et Caucasia/Ed. V. Latyshev. Petropoli, 1893. Vol. 1. 29. Zqusta L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Pr. 1955

Поступила в редколлегию 30.10.86

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 50—80-х ГОДОВ О КРИЗИСЕ
III ВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В истории Римской империи III в. н. э. был периодом ухудшения экономического положения римского государства, острой социально-политической и идеологической борьбы, почти непрерывных вторжений в пределы империи варварских племен. В историографии за этим отрезком римской истории закрепилось название кризиса III века.

Естественно, что кризис не мог не привлечь внимание советских историков античности. Первые шаги в его изучении были сделаны советскими исследователями уже в 20-е годы. Довольно активно разрабатывалась проблема кризиса III в. в советской историографии последующих десятилетий. В 50-е годы возрастанию интереса к событиям римской истории III в. способствовали дискуссия о переходе от рабовладельческого строя к феодализму на страницах «Вестника древней истории», подготовка к изданию и обсуждение второго тома «Всемирной истории»; с этого десятилетия отчетливо просматривается стремление советских историков к более глубокому исследованию ряда аспектов проблемы.

В настоящей статье делается попытка осветить изучение кризиса III века в Римской империи советскими историками в 50—80-е годы и показать современное состояние проблемы в советской историографии.

Много внимания кризису III в. уделила Е. М. Штаерман [22; 23; 24]. Она является автором посвященных данному кризису главы во втором томе «Всемирной истории» [3] и исторического очерка, опубликованного в «Вопросах истории» [25]. Кризис III в. Е. М. Штаерман определяет как выражение борьбы между представлявшей новый способ производства феодализирующейся земельной знатью и социальными группами, связанными с отживающими рабовладельческим способом производства и рабовладельческой собственностью, а также между непосредственными производителями, сливавшимися в одну массу зависимых и закрепощаемых земледельцев, и господствующими классами [23, с. 76; 24, с. 117]. При этом в западных провинциях Римской империи, по ее мнению, главными противниками земельной знати были солдаты римской армии [24, с. 305—306], представлявшие собой социальную группу, связанную с рабовладельческой собственностью [23, с. 50; 24, с. 12—13].

Связывая частую смену римских императоров в III в. с борьбой за политическое господство между крупными собственниками и муниципальными землевладельцами и рабовладельцами, Е. М. Штаерман стремится определить социальную опору императоров и претендентов на императорскую власть в период кризиса. Дунайские и паннонские легионеры, считает она, были главной опорой Максимиана, который стремился облегчить положение тесно свя-

занных с армией мелких и средних земельных собственников [3, с. 734; 24, с. 387—390]. Гордианы, Деций и Валериан, по мнению исследовательницы, представляли интересы сенатской аристократии [24, с. 392, 401, 416—417]. Политику, проводившуюся императором Галлиеном, Е. М. Штаерман оценивает как отвечающую интересам муниципальных собственников. К годам правления этого императора она относит последнюю активную попытку социальной группы, связанной с античной формой собственности, отстоять свое существование [24, с. 424—448]. О выступивших против Галлиена Ингенуе и Регалиане Е. М. Штаерман высказывает предположение, что они могли быть ставленниками появившихся уже в это время богачей придунайских провинций, недовольных ходом военных действий против варваров [24, с. 479].

Исследуя выступления против центрального правительства в ряде провинций Римской империи, Е. М. Штаерман довольно много внимания уделяет Галльской империи. Ее образование она называет первым крупным выступлением земельной аристократии, превосхитившим такие же выступления IV—V вв. [24, с. 448—467].

Среди выступлений эксплуатируемых масс населения Римской империи в III в. Е. М. Штаерман выделяет движение багаудов в Галлии и восстания в Африке. Движение багаудов, считает она, началось в конце правления Галлиена как восстание крестьян и колонов, к которым присоединились и некоторые солдаты римской армии. К восставшим примкнул и город Августодун. Позже багауды избрали своими императорами Элиана и Аманда, которые сделали центром восставших старинную крепость на острове при слиянии Соны и Марны [3, с. 738—739; 23, с. 53; 25, с. 152]. Именно страхом галльской знати перед движением багаудов, по мнению Е. М. Штаерман, следует объяснить решение правителя Галльской империи Тетрика капитулировать перед Аврелианом [3, с. 737—738; 23, с. 62; 24, с. 467; 25, с. 152]. В Африке же, пишет она, не было ни одной серьезной попытки отделиться от империи потому, что восстания земледельческого населения начались здесь гораздо раньше, чем в Галлии. В этих восстаниях повсеместно действовали колоны, крестьяне, племена, обитавшие на римской территории, а также племена, вторгавшиеся из-за границ империи. Восстания квинквентанеев в Африке и багаудов в Галлии, считает Е. М. Штаерман, знаменуют собой начало нового этапа борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров: рабы хотя и принимали в них участие, не были уже главной движущей силой восстаний [24, с. 467—474].

Итогами кризиса III в. в Римской империи, по мнению Е. М. Штаерман, были временное поражение народных масс, окончательное поражение муниципальных рабовладельцев, укрепление тех крупных собственников, в хозяйстве которых, в рамках тогдашнего общества, наиболее полно могли развиваться зародыши феодальной эксплуатации [24, с. 509]. В целом же кризис III в.

Е. М. Штаерман считает возможным отождествить с кризисом рабовладельческого способа производства [25, с. 142].

Н. Н. Белова и М. Я. Сюзюмов, возражая Е. М. Штаерман, полагают, что кризис III в. не был кризисом всего рабовладельческого способа производства, после него начался заключительный этап рабовладельческой формации — длившийся два века общий кризис рабовладельческого строя [1, с. 6, 19]. Большое значение для вызревания кризиса III в., по мнению Н. Н. Беловой и М. Я. Сюзюмова, имело противоречие между городом Римом и остальной частью империи. Выступления против центральной власти, пишут они, были вызваны политикой концентрации доходов империи в ее столице [1, с. 16].

События социально-политической борьбы в Римской империи при Галлиене освещаются в опубликованной уже после смерти автора части незаконченной монографии В. Н. Дьякова [5]. Правление Галлиена В. Н. Дьяков называет кульминационным пунктом политического кризиса империи [5, с. 106]. В публикации идет речь о враждебных отношениях между императором и сенатом, о столкновениях Галлиена с командным составом армии, о сепаратистских движениях в провинциях империи.

Обстановка на северных границах Римской империи в III в. стала объектом исследований А. М. Ременникова [14; 15; 16; 17; 18]. В его работах кризис III века определяется как глубокий социально-экономический и политический [14, с. 201; 15, с. 14; 18, с. 6]. Отмечая ухудшение положения низших слоев населения империи, А. М. Ременников пишет о подъеме революционной борьбы, в которой ее участники (рабы и колонаты) делают успешные попытки создать единый фронт со вторгавшимися в империю варварами, захватывают укрепленные города, например Августодун в Галлии [15, с. 16]. Но главное внимание в работах А. М. Ременникова уделяется военным действиям племен Подунавья, Поднестровья и Северного Причерноморья против римлян. Историк стремится определить, какие племена участвовали во вторжениях в римские владения, по каким маршрутам они передвигались; описывает ход важнейших битв; выясняет результаты и значение каждого вторжения.

Борьба римлян с вторжениями северных соседей в III в. рассматривается в работах Ю. К. Колосовской [10; 11]. Исследовательница говорит о тесной связи солдат и ветеранов дунайских легионов со средними муниципальными землевладельцами Паннонии [11, с. 204]. Попытки узурпаций императорской власти на Дунае в середине III в. она объясняет недовольством войск и гражданского населения дунайских провинций неудачными и неэнергичными действиями Галлиена против варваров, стремлением провинциальной аристократии к самостоятельности и независимости от Рима, осознанием дунайскими легионами их значения в защите границ империи [11, с. 236]. Выясняя причины падения римского господства в Дакии, Ю. К. Колосовская приходит к выводу, что оно было следствием не только варварских вторжений,

но и, в первую очередь, социальных движений в этой провинции, прежде всего выступлений крестьянства [10, с. 84].

Народным движениям в Римской империи в период кризиса III в. посвящены статьи А. Д. Дмитриева и А. Р. Корсунского. А. Д. Дмитриев считает, что решающим фактором, повлиявшим на успех варварских вторжений в восточные провинции Римской империи, была борьба угнетенного населения этих провинций, которое, в отличие от местной знати, встречало варваров с радостью, как спасителей [4, с. 106—107]. Сепаратизм провинциальной знати в период правления Галлиена А. Д. Дмитриев связывает с бессилием центрального правительства в борьбе против внутренних и внешних антирабовладельческих сил [4, с. 122].

В статье А. Р. Корсунского, посвященной движению багаудов [12], на основании тщательного анализа источников и с учетом исследований зарубежных историков опровергается ряд устоявшихся в советской историографии положений по поводу этого движения. Автор статьи показывает, что данные источников позволяют датировать первое выступление багаудов не концом правления Галлиена, а 283 г. Следовательно, город Августодун не был занят багаудами и их выступления не могли влиять на позицию галльской знати по отношению к центральному римскому правительству [12, с. 73—74]. Возражает А. Р. Корсунский и против утверждения о переходе на сторону восставших части солдат римской армии. Нет смысла, пишет автор далее, доверять и сообщению о «замке багаудов» в период борьбы с багаудами Максимиана, так как оно основано на легенде, возникшей в меровингский период [12, с. 74—75].

Попытка определить характер кризиса III века в Римской империи предпринимается в статье А. Г. Бокщанина [2]. Ее автор считает, что это был затяжной политический кризис, вызванный экономическими и социальными противоречиями. Восстания, вторжения варваров, узурпации, пишет А. Г. Бокщанин, привели к созданию в империи революционной ситуации, которая, однако, не вылилась в революцию из-за разобщенности революционных сил (свободной бедноты, колонов, рабов) и их неорганизованности, а также неравномерности экономического и социального развития различных провинций империи [2, с. 31].

В статье С. И. Ковалева [8] проблема кризиса III века затрагивается в связи с попыткой автора определить периодизацию римской истории. Предлагая делить ее на восемь периодов, С. И. Ковалев события III в. относит к шестому из них — периоду начала общего кризиса рабовладельческой системы Средиземноморья (60-е годы II в. — конец III в.). Этот период он делит на три этапа, последним из которых и является кризис III в. [8, с. 115]. 50-летие между гибелью Александра Севера и приходом к власти Диоклетиана (235—284 гг.) С. И. Ковалев характеризует как время величайшего обострения всех внутренних и внешних противоречий, когда Римская империя стояла на краю гибели. Кризис III в., считает историк, явился наиболее ярким выражением рас-

пада рабовладельческой системы и ускорил процессы этого распада. В то же время, подчеркивает С. И. Ковалев, его нельзя считать революцией, положившей конец рабовладельческим отношениям [8, с. 115—116].

Некоторые аспекты проблемы кризиса III в. в Римской империи привлекли внимание О. В. Кудрявцева [13]. Выдвигая свой вариант периодизации истории рабовладельческого строя, он определяет кризис III века как начальный этап последнего, шестого, периода (III—V вв.) — времени общего кризиса и падения рабовладельческого строя и формирования феодальных отношений. По его мнению, кризис III в. начинается уже при Северах, а особенной силы достигает в середине III в. Причем сначала этот кризис выступает как экономический и социальный, а потом перерастает в политический [13, с. 298—299].

В работах М. М. Дьяконова, И. А. Стучевского, И. Ш. Шифмана освещается обстановка в восточных провинциях Римской империи в III в. М. М. Дьяконов показывает, при каких обстоятельствах произошло падение Парфянского царства и установление господства Сасанидов в Иране; кратко описывает внешнюю политику правителей этой династии в III в., вторжения персов в восточные владения римлян [6, с. 257—263].

В историческом очерке о Пальмире И. А. Стучевского [20] весьма сжато, без ссылок на источники, показывается, как произошло утверждение Одената в восточных провинциях Римской империи, излагается история Пальмирской державы до ее уничтожения римлянами.

В работе И. Ш. Шифмана [21] возвышение Пальмиры и отделение ее от империи расценивается как свидетельство резкого перелома в политическом развитии Сирии и изменении тех целей, которые ставили перед собой социальные слои, определявшие направление общественного движения в Сирии во второй половине III в. Их целью стала монархия сасанидского образца, а не традиции Антонинов. Пальмирская держава, считает И. Ш. Шифман, не только хронологически, но и типологически была предшественницей системы домината [21, с. 295—296].

Статья А. В. Игнатенко [7] посвящена политической роли и изменению организационно-правовых основ римской армии в период кризиса III в. Ее автор присоединяется к мнению тех советских историков, которые считают данный кризис социально-экономическим и политическим одновременно [7, с. 20]. По мнению А. В. Игнатенко, в III в. усиливаются варваризация и провинциализация римского войска, его отрыв от центрального правительства, сближение с низшими слоями населения империи. На основании этих явлений она приходит к выводу, что сущностью политического кризиса Римской империи в III в. был прежде всего кризис римской военной системы, который обусловил неспособность императорского правительства эффективно выполнять важнейшие внутренние и внешние функции римского рабовладельческого государства [7, с. 22—31].

Вопросы религиозной жизни Римской империи в III в. рассматриваются в работах П. З. Козика и М. Е. Сергеенко. По мнению П. З. Козика, распространение христианства в Римской империи в определенной степени стимулировалось ухудшением положения широких масс населения империи в условиях кризиса III в., жестокими поборам и бесправием [9, с. 256—261].

М. Е. Сергеенко предлагает по-новому оценить гонения на христиан при императоре Деции. Свидетельства источников, считает она, позволяют утверждать, что при Деции не был издан императорский эдикт против христиан, а гонения на христиан происходили по инициативе населения из «язычников», причем часто сами христиане своим поведением и стремлением к мученичеству провоцировали «язычников» на погромы [19, с. 175—176].

Таким образом, в 50—80-е годы проблема кризиса III в. в Римской империи или отдельные ее аспекты привлекали внимание многих советских историков. Особенно активно вопросы развития Римской империи в III в. н. э. разрабатывались в советской историографии 50-х годов. В последующие десятилетия интерес советских исследователей к этому отрезку римской истории заметно снизился.

Наибольших успехов советские историки достигли в изучении борьбы римлян с вторжениями варваров в пределы империи, народных движений III в. Много внимания они уделили вопросу о социальной опоре римских императоров и претендентов на императорскую власть в период кризиса III в., сепаратистским выступлениям в провинциях. Однако следует признать, что в целом проблема данного кризиса еще не получила полного освещения. Пожалуй, нельзя считать окончательно решенными даже такие вопросы, как причины возникновения кризиса, его характер, временные рамки, последствия. Достигнутый к настоящему времени уровень изучения кризиса III в., наличие нерешенных вопросов требуют специального исследования данной проблемы на основе всех видов источников.

Список литературы: 1. Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Сб. 15. 2. Бокищанин А. Г. К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации // Преподавание истории в школе. 1952. № 5. 3. Всемирная история. В 10 т. М., 1956. Т. 2. 4. Дмитриев А. Д. Народные движения в восточно-римских провинциях в период дунайских войн (236—278 гг.) // Византийский временник. 1956. Т. 8. 5. Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // Вестн. древней истории. 1961. № 1. 6. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М.; Л., 1961. 7. Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ) // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. 8. Ковалев С. И. Опыт периодизации римской истории // Вестн. древней истории. 1955. № 4. 9. Козик П. З. Социальные основы христианского сектантства II—III вв. Казань, 1966. 10. Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии // Вестн. древней истории. 1955. № 3. 11. Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках. М., 1973. 12. Корсунский А. Р. Движение багаудов // Вестн. древней истории. 1957. № 4. 13. Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей

в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. 14. Ременников А. М. Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250—251 гг. // Вестн. древней истории. 1951. № 2. 15. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954. 16. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. // Вестн. древней истории. 1964. № 4. 17. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х годах III в. н. э. // Античное общество / Под ред. Т. В. Блаватской и др. М., 1967. 18. Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднепрорья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. 19. Сергеев-ко М. Е. Гонение Деция // Вестн. древней истории. 1980. № 1. 20. Стучевский И. А. Пальмира // Вопр. истории. 1970. № 2. 21. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата (I—III вв. н. э.). М., 1977. 22. Штаерман Е. М. Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи // Вестн. древней истории. 1951. № 2. 23. Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя // Вестн. древней истории. 1953. № 2. 24. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. 25. Штаерман Е. М. Кризис III века в Римской империи // Вопр. истории. 1977. № 5.

Поступила в редколлегию 30.10.86

Ю. В. БУИНОВ, канд. ист. наук, А. С. КУЗЬМЕНКО

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ФОРМ

Стремительное накопление археологических данных ставит перед исследователями сложную проблему способов их хранения и анализа, требует расширения познавательных задач, пересмотра традиционных, устоявшихся взглядов, выдвижения и проверки совершенно новых научных гипотез. Единственно эффективный путь к решению этих проблем — создание компьютерных систем хранения и анализа археологических данных, основу которых будет составлять банк археологических данных. Другой важный компонент систем хранения и анализа — пакет прикладных программ, реализующий характерные методы анализа археологических данных. К настоящему времени создан обширный фонд программ анализа данных [1; 5; 7; 8; 9], что существенно облегчает создание пакета с археологической ориентацией.

Конкретизация предметной области пакета, т. е. совокупности содержательных методов анализа, закладываемых в пакет, требует их предварительной «обкатки» на частных задачах. В настоящей работе авторы рассматривают методику классификации самого массового археологического материала — керамики. В качестве программного обеспечения использовался пакет анализа данных «Ангара» [2; 5], содержащий все необходимые для решения поставленной задачи методы и в то же время простой для работы с ним непрограммирующего пользователя, что обеспечивает доступность предлагаемой методики широкому кругу археологов и историков.

Использовались следующие программы пакета: A01D и A02D — для проверки корректности исходных данных и проверки наличия

классифицируемых объектов с резко специфическими значениями признаков; A05M — программа пошагового дискриминантного анализа; A06M — программа факторного анализа; A04S — программа транспонирования матрицы. Все вычисления выполнены на ЭВМ ЕС-1051 с высоким быстродействием и достаточно большим объемом операционной памяти.

В качестве объекта исследования были взяты целые формы кубков — самой распространенной в позднем бронзовом веке, предскифском и раннескифском периодах группы лощеной посуды на юге Восточной Европы и в сопредельных районах. Эта группа керамики уже давно привлекает к себе внимание исследователей, которые обычно причисляют кубки к цилиндрошейным сосудам и сосредоточивали их изучение на орнаментации. Подобное состояние анализа кубков доскифского и раннескифского периодов, как справедливо отметила А. И. Мелюкова, обусловлено тем, что при общих чертах сходства почти каждый сосуд обладает своими особенностями, а существующие опыты классификации, основанные на визуальном анализе с учетом фрагментированных экземпляров, не могут удовлетворять современным требованиям [6, с. 49].

Исходной информацией послужили восемь указателей форм сосуда по 152 кубкам: высотный, высотноголовинный, широтно-горловинный, профилировки шейки, высотный тулова, высотный плечиков, выпуклости плечиков, широтный днища. Все перечисленные указатели рассчитаны по формулам, предложенным В. Ф. Генингом [3]. Преимущество этих относительных величин заключается в том, что они исключают риск получения искажений, вызываемых резким выделением отдельных значений при оперировании абсолютными величинами. В состав исследуемой коллекции вошли целые кубки белозерской (42 экз.), бондарихинской (2 экз.), белогрудовской (2 экз.), чернолесской (7 экз.), кобяковской (2 экз.) культур, памятников киммерийского (25 экз.), жаботинского (71 экз.) типов и культуры Басараби (1 экз.).

Предварительное изучение выборки производилось с помощью диаграмм рассеяния — координатных плоскостей всех пар признаков, на которые наносятся точки, соответствующие кубкам. В случае хорошо выраженных классов их нетрудно заметить на диаграммах. Кроме того, на диаграммах заметны объекты, для которых значения признаков резко отличаются от остальной группы. Такие объекты целесообразно исключать из дальнейшего анализа.

Характерной особенностью решаемой задачи классификации есть отсутствие априорной информации о разбиении, в том числе и о количестве типов классов. По мнению авторов, достоинством предлагаемой методики является возможность определять количество типов автоматически, с точностью ± 1 . Это достигается применением Q-техники факторного анализа [4]. В случае ортодоксального факторного анализа (R-техника) исходными данными программы A06M служит матрица «объекты $\times$ признаки» (каждой

строке матрицы соответствует объект, столбцу — признак. В Q-технике используется транспортированная матрица «признаки × объекты». Выделенные факторы интерпретируются как типы кубков.

Хорошим критерием количества выделяемых факторов (типов) в случае применения Q-техники служит величина собственных значений, соответствующих факторам: выделяются лишь те факторы, которым соответствуют собственные значения, большие или равные единице. Корреляционная матрица для выборки, рассматриваемой в данной работе, имеет семь таких значений. Кубок относится к тому фактору (типу), где его факторная нагрузка по абсолютной величине больше остальных нагрузок на данный фактор.

Однако автоматическая классификация, проведенная с применением Q-техники факторного анализа, имеет один важный недостаток — она не позволяет получить статистические оценки разбиения: значимость разбиения и вероятность отнесения кубков к тому или иному типу. Для получения необходимых статистических оценок, а также для уточнения разбиения авторы использовали пошаговый дискриминантный анализ (см. табл. 1, 2). Табл. 1

Таблица 1

Тип кубков	Значимость разбиения на типы по F-критерию					
	I	II	III	IV	V	VI
II	52,3					
III	60,8	23,6				
IV	46,7	22,2	10,6			
V	19,6	13,0	4,5	7,5		
VI	25,6	12,4	10,9	11,2	7,1	
VII	16,3	7,8	3,3	6,1	4,3	5,1

Таблица 2

Номер шара	Номер признака (указателя)	Оценка информативности признаков, описывающих выборку (F-критерий)
1	3	51,40
2	2	25,08
3	6	18,04
4	7	11,47
5	1	4,95
6	5	3,27
7	8	2,97
8	4	1,95

содержит F-критерии значимости различия для каждой пары типов.

Как видно, различия для пар I с каждым последующим типом достаточно велики. Это же замечание относится и ко II типу кубков. Лишь между такими парами типов, как III—V, III—VII и V—VII, наблюдается наибольшее сходство, требующее соответствующего археологического объяснения.

В табл. 2 приведен результат, который можно получить, применив именно пошаговый алгоритм дискриминации.

Он показывает информативность признаков для дискриминации: на первых шагах в схему вводятся те признаки, которые дают наиболее четкое по F-критерию разбиение. Следует заметить, что проблема выделения ведущих типобразующих признаков и оценка их информативности является важнейшей в разработке математических методов анализа археологических матери-

алов. В указанной таблице признаки расположены в порядке убывания информативности, мерой которой служит F-критерий. В данном случае наибольшей информативностью отличаются такие указатели, как широтногорловинный, высотногогорловинный и высотный плечиков.

Приводим описание выделенных с помощью многомерного статистического анализа, реализованного на ЭВМ, семи типов кубков доскифского и раннескифского периодов.

Рис. 1. Образцы кубков первого типа:

1 — Тенетинка, к. № 111; 2 — Ромейковка; 3, 4 — Канев; 5 — из собрания Е. А. Зноско-Боровского; 6 — Узеновка; 7 — Копани; 8 — Тенетинка, к. № 185; 9 — Тенетинка, к. № 126; 10 — Теклино, к. № 346

Первый тип объединяет кубки, происходящие преимущественно из подкурганных погребений лесостепного Среднего Поднепровья раннежаботинского типа (рис. 1). К ним близки кубки из кургана № 185 на р. Тенетинка второй ступени чернолесской культуры и из кургана № 11 у с. Вильна Грушевка под Запорожьем, относящегося к новочеркасскому этапу киммерийской культуры. Все они отличаются самой большой по выборке величиной широтногорловинного указателя (0,84)* при сравнительно малом размере высотногогорловинного указателя (0,29). Большинство кубков I типа имеют цилиндрическую шейку и овальное тулово, вытянутое по горизонтали.

Второй тип кубков (рис. 2) характеризуется в интервальных пределах такими же размерами высотного и широтногорловинного указателей, но меньшей величиной выпуклости плечиков (0,48)

* Здесь и далее в скобках приведены средние значения соответствующих указателей.

при большем размере высотного указателя плечиков (1,03). Тулово этих кубков (высотный указатель 0,75) имеет округлую, почти шаровидную форму. Шейка преимущественно дуговидная. Они обнаружены только в погребениях лесостепного Среднего Поднепровья и датируются концом VII — началом VI в. до н. э.

Рис. 2. Кубки второго типа:

1 — Макеевка, к. № 453; 2 — Макеевка, к. № 454; 3, 4 — Макеевка, к. № 455;
5 — Ташлык, к. № 343; 6 — Тенетинка, к. № 219

Рис. 3. Кубки третьего типа:

1, 2, 4, 7, 11 — Широкое; 3 — Балабаны; 5 — Любимовка, к. № 56, п. 3; 6 — Васильевка; 8 — Канев; 9 — Субботово; 10 — Андрусовка; 12 — Сарата

Третий тип кубков (рис. 3) отличается большой величиной высотного горловинного указателя (0,65) при сравнительно малом размере ширитного горловинного указателя (0,65). Высотный указатель тулова (0,64) значительно меньше, чем у кубков предыдущих

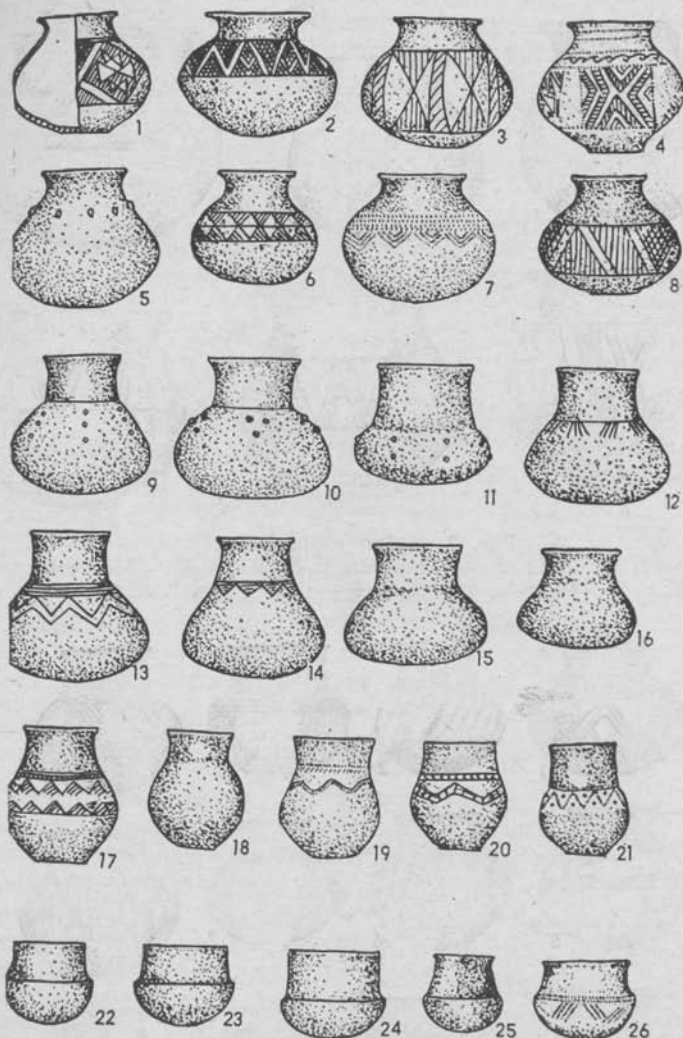

Рис. 4. Образцы кубков четвертого (1—8), пятого (9—16), шестого (17—21) и седьмого типов (22—26):

1 — Привольное; 2 — Софиевка, к. № 40, п. 2; 3 — Чернобаевка; 4 — Парканы; 5 — Степной, к. № 15, п. 1; 6 — Николаевский музей; 7 — Волошское; 8 — Огородное, к. № 11, п. 9; 9, 10, 13, 21 — Широко; 11 — Лукьяновка; 12 — Степной, к. № 5, п. 2; 14 — Александровка, к. № 1, п. 2; 15, 16 — Турня, к. № 490; 17 — Красная Поляна, к. № 3, п. 6; 18 — Львово, к. № 14, п. 2; 19 — Компанийцы; 20 — Федоровка; 22 — Тенетинка, к. № 185; 23 — Тенетинка, к. № 159; 23 — Мироновка; 25 — Медвин, Горчаков лес, группа 1, к. № 3; 26 — Собковка

типов. Их тулово вытянуто в горизонтальной плоскости и приближается к биконической форме, а шейка бывает цилиндрической или конической. Кубки III типа являются типичными для белозерской культуры степного Северного Причерноморья, но известны также среди памятников культуры Басараби, бондарихинской, кобьяковской, белогрудовской, чернолесской культур, киммерийского и раннежаботинского типов.

Четвертый тип кубков представлен исключительно степными образцами (рис. 4, 1—8). Сосуды этого типа наиболее характерны для памятников черногоровского и новочеркасского этапов киммерийской культуры. Близок к ним и кубок белозерской культуры из погребения № 1 кургана № 5 у совхоза «Степной» Запорожской области. Отличительными особенностями кубков IV типа следует считать самые низкие по выборке величины высотного и широтно-горловинного указателя (0,27 и 0,55) и самые большие размеры по указателю выпуклости плечиков (0,78). Соответственно эти кубки имеют дуговидную, хорошо профилированную шейку и сильно вытянутое по горизонтали тулово.

Пятый тип кубков (рис. 4, 9—16) является второй основной формой сосудов этой группы лощеной керамики для степной белозерской культуры. С большой вероятностью к V типу относятся два кубка из раннескифского кургана № 490 у с. Турня в бассейне р. Тясмин. Типообразующими признаками для кубков V типа являются: самые большие по выборке размеры высотного указателя плечиков (1,48), высотного-горловинного указателя (0,48) при сравнительно низком тулове (0,65) и узком горле (0,59).

Кубки шестого типа (рис. 4, 17—21) получили наибольшее распространение в степях Северного Причерноморья. Они относятся к памятникам белозерской культуры, черногоровского и новочеркасского типов киммерийской культуры. Характеризуются самыми большими средними значениями высотных указателей (всего сосуда — 1,11, тулова — 0,79) при наименьшей по выборке величине указателя выпуклости плечиков (0,36), что указывает на их вытянутость по вертикальной линии.

Седьмой тип кубков (рис. 4, 22—26) отличается самым малым размером высотных указателей тулова (0,51) и плечиков (0,31), а также широтного указателя днища (0,81). Эти кубки имеют сравнительно высокую цилиндрическую или дуговидную шейку и полусферическую форму тулова. Происходят из днепровского лесостепного Правобережья и связаны с памятниками чернолесской культуры второго этапа и раннескифским периодом. Наиболее ранним по времени среди сосудов VII типа является кубок из Андрусовского поселения белогрудовской культуры.

Полученную компьютерными методами классификацию кубков доскифского и раннескифского периодов нельзя считать конечной. В выборку вошла лишь основная часть целых сосудов, доступных измерению. Совершенно не учитывались фрагментированные экземпляры, найденные на поселениях. В то же время предложенная классификация уже сейчас может способствовать выявлению осо-

бенностей кубков различных периодов и решению вопроса об их происхождении.

Для авторов статьи важны и другие выводы. Во-первых, установлено, что компьютерные методы легко приложимы к задачам классификации археологических источников, обеспечивая строгость, точность и объективность исследования; во-вторых, подтверждены реальная возможность и необходимость создания пакета прикладных программ с археологической ориентацией.

Список литературы: 1. Афифи А., Эйзен С. Статистический анализ: подход с использованием ЭВМ. М., 1982. 2. Воробьев Е. И., Корнелюк В. А., Кузьменко А. С. и др. Пакет прикладных программ для обработки и анализа данных о состоянии окружающей среды и здоровья населения//Атомная энергия. 1984. Т. 56, вып. 1. 3. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//Сов. археология. 1973. № 1. 4. Иберла К. Факторный анализ. М., 1980. 5. Корнелюк В. А., Кузьменко А. С., Резниченко В. Ю. Пакеты прикладных программ для экологического мониторинга: Обзор по отечественным и зарубежным источникам 1966—1984 гг. М., 1984. 6. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. 7. Пакет прикладных программ для решения задач распознавания и классификации. М., 1981. 8. Пакет прикладных программ по прикладному многомерному статистическому анализу. М., 1982. 9. Фатеев А. В., Ройтман А. И., Фатеева Т. П. Прикладные программы в системе математического обеспечения ЕС ЭВМ. М., 1976.

Поступила в редколлегию 30.10.86

Б. А. ШРАМКО, д-р ист. наук, Ю. Н. БОЙКО, канд. ист. наук

РАСКОПКИ КУРГАНОВ И МАЙДАНОВ В БАССЕЙНЕ р. МЕРЛЫ

Бассейн р. Мерлы (левого притока Ворсклы) еще слабо изучен в археологическом отношении. Разведками здесь зафиксировано немало памятников — от эпохи неолита до раннесредневековых, но раскопкам подвергались лишь немногие [2, с. 1—92; 3, с. 243; 4, с. 230; 5, с. 68—69, 126, 141; 6, с. 324—325; 7, с. 315; 8, с. 330; 9, с. 367—368; 10, с. 343—344; 11, с. 287—288; 12, с. 23—104; 13, с. 97—98; 14, с. 28, 30, 61 и др.; 15, с. 9—12]. Раскопки двух курганов и двух майданов у с. Новый Мерчик в Харьковской области в 1984 г. позволили получить новые данные о культурах энеолита, бронзового и раннего железного веков на этой территории, а также обратить внимание на неубедительность некоторых недавно сделанных выводов о майданах [1, с. 65—76].

Курган № 1.

Данный курган является наиболее крупным в могильнике, расположенном в 2,5 км к югу от Нового Мерчика вдоль дороги из с. Кирасирское в с. Казачья Долина, на левом берегу р. Мерлы, на которой в этом месте находится Александровское водохранилище. Остальные из одиннадцати зафиксированных ранее курганов могильника [14, с. 61] сильно распаханы и сейчас почти не видны на поверхности поля. Современная высота кургана 1,1 м, диаметр

42 м. Насыпь из чернозема залегала на слое погребенной почвы сероватого цвета мощностью до 0,6 м. Под ней начинался бурый материковый суглинок. Изучение стратиграфии показало, что насыпь образовалась путем нескольких досыпок, которые соответствуют последовательности совершения погребений в кургане, относящихся к разному времени. Сначала был насыпан небольшой курган диаметром 18 м над центральным основным погребением ямной культуры эпохи энеолита. Позднее в северо-западных и юго-восточных лапах первоначальной насыпи были совершены впускные погребения срубной культуры бронзового века, досыпки над которыми окончательно оформили насыпь кургана.

Погребение № 1. Впускное. Показалось на глубине 0,5 м от вершины кургана и в 6 м к северо-востоку от его центра. Могильная яма имела форму прямоугольника со сторонами 1,33 и 0,72 м, ориентированного длинной осью по линии юго-запад—северо-восток. Углы ямы закруглены. Неглубокое дно выложено древесной корой. Костяк покойника сильно пострадал от кротовин, пересекавших могилу в разных направлениях. На первоначальном месте сохранились кости стопы и часть голени левой ноги погребенного. В северо-восточной части могилы лежали еще отдельные обломки костей рук и часть черепной крышки человека. Общее расположение костей позволяет считать, что покойник был положен на левом боку головой в направлении на северо-восток. Рядом с остатками черепа лежали обломки острореберного глиняного сосуда с орнаментом в виде треугольников, прочерченных по сырой глине. Обряд погребения и керамика свидетельствуют о принадлежности погребения к срубной культуре.

Погребение № 2. Впускное. Расположено в 10 м к северо-западу от центра кургана на глубине 0,5 м от его вершины. Контуры ямы, засыпанной таким же черноземом, как и в насыпи, прослеживаются плохо. Кроме того, само погребение почти полностью разрушено современным перекопом времен Великой Отечественной войны. От костяка покойника сохранились лишь обломки черепа, часть голени и стопа, лежавшие на подсыпке из древесных угольков. Около костей черепа найдено несколько очень мелких фрагментов лепной керамики срубной культуры. Судя по сохранившимся останкам, можно полагать, что покойник был положен в скорченном положении на левом боку головой в направлении на северо-восток.

Погребение № 3. Конское. Совершено при сооружении первоначальной насыпи кургана и связано с основным погребением ямной культуры. На глубине 0,8 м от вершины кургана и в 2,1 м к северо-востоку от его центра почти на поверхности погребенной почвы обнаружены кости передних ног лошади (кости пясти и фаланги), лежавшие в правильном анатомическом положении, и череп лошади с тремя первыми позвонками. Весь комплекс имел протяженность 0,78 м и был ориентирован на северо-восток. Видимо, здесь при сооружении первоначальной насыпи кургана было совершено жертвоприношение, в котором использована не вся

туша животного, а его шкура с головой и передними конечностями.

Погребение № 4. Впускное рис. 1, 2). Могильная яма трапециевидной формы оказалась на глубине 1,4 м от вершины и на расстоянии 2,5 м к югу от центра кургана в слое погребенной почвы. Размеры ямы $0,8 \times 1,15 \times 2,05$ м. Она ориентирована по ли-

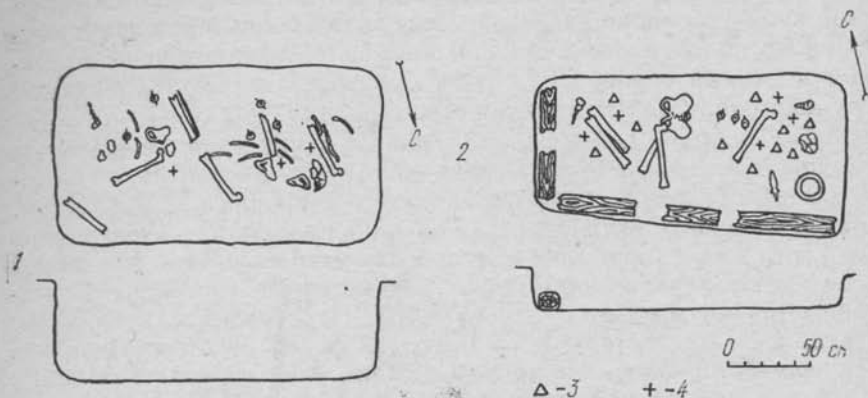

Рис. 1. Погребения в кургане № 1 у с. Новый Мерчик:
1 — погребение № 4 (срубной культуры); 2 — погребение № 6, основное (ямной культуры); 3 — мел; 4 — охра

нии юго-запад—северо-восток. Дно могилы находится на глубине 1,55 м. Перекрытие ямы образовывали несколько положенных продольно деревянных плах шириной до 0,2 м и толщиной до 0,1 м. Вдоль южной и западной стенок погребальной ямы сохранились остатки прямоугольных брусев шириной 0,1 и толщиной 0,15 м. Дно могилы врезалось в материк, но хорошо прослеживалось благодаря остаткам древесного тлена от подстилки. Северо-восточный угол погребения частично разрушен кротовинами. Однако все же удалось зафиксировать остатки подсыпки из мела с вкраплениями охры. На подсыпке лежали отдельные фрагменты человеческого черепа, плечевая кость, кость грудины и несколько позвонков. Лучше сохранилась нижняя часть костяка, также лежавшая на подсыпке из мела и охры. Общее расположение костей показывает, что покойник был положен в могилу в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на северо-восток. В юго-восточном углу могилы был поставлен острореберный горшок коричневого цвета, вылепленный из хорошо отмученной глины. Высота сосуда 13 см, наибольший диаметр тулова 22 см. Верхняя часть сосуда украшена орнаментом, нанесенным отпечатками шнура и мелкозубчатого штампа (рис. 2, 1). Орнамент состоит из треугольников, расположенных между двумя полосами из двух рядов отпечатков мелкозубчатого штампа. На внешних стенках и на дне сосуда имеются остатки мела. Рядом с сосудом был положен бронзовый кинжал листовидной формы с выступами

у основания черенка (рис. 2, 2). Длина кинжала 17 см. Весь комплекс относится к раннему этапу срубной культуры.

Погребение № 5. Впускное. На глубине 0,6 м от вершины и на расстоянии 9,6 м на северо-запад от центра кургана в насыпи замечена яма поврежденного траншеей и перекопами военного времени древнего погребения. От перекрытия сохранились в одном

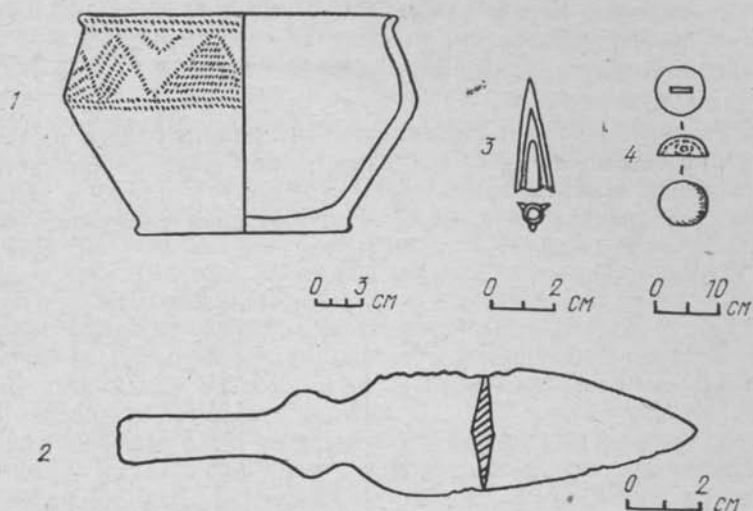

Рис. 2. Вещи из курганов № 1 и № 2:

1 — глиняный горшок, кург. 1, погр. 4; 2 — бронзовый кинжал, кург. 1, погр. 4; 3 — бронзовый наконечник стрелы, кург. 2; 4 — золотая бляшка, кург. 2

месте лишь два крупных обломка деревянных плах. Точные контуры могилы из-за перекопов не прослеживаются, но ориентирована она была по линии северо-запад—юго-восток. Дно могилы на глубине 0,87 м. В погребении на одном уровне были положены в скорченном положении на левом боку два покойника, ориентированные головами в противоположные стороны. Один был положен головой в сторону юго-востока, а другой — северо-запада. Нижняя часть второго скелета полностью срезана траншеей. На дне могилы замечена подсыпка из древесных угольков. Обряд погребения позволяет отнести захоронения к срубной культуре.

Погребение № 6. Основное (рис. 1, 1). Следы истлевшего дерева от перекрытия показали на краях могильной ямы в центре кургана на глубине 1,3 м от его вершины. Неглубокая погребальная яма прямоугольной формы со слегка закругленными углами имела размеры 1,08×1,75 м. Ориентирована она почти по линии запад—восток. Дно на глубине 1,6 м. Вся могила оказалась в разных направлениях изрыта кротовинами. Поэтому многие кости были поломаны, смещены со своих мест и даже вынесены за пределы могилы. Все же основные обломки черепа, плечевые кости, лопатки, ребра находились в западной половине могилы, а облом-

ки таза, бедренные кости, кости голени и стопы — в восточной. Среди человеческих костей попадались кусочки красной охры. Этой краской была окрашена и плечевая кость. Расположение некоторых костей (стопы, сохранившей правильное анатомическое положение мелких костей, лопаток, таза и др.) указывает на то, что покойник был положен на правом боку и ориентирован головой на запад. Вещей в могиле не было. Судя по погребальному обряду, основное погребение кургана относится к среднеднепровской группе древнеямной культурно-исторической общности.

Курган № 2

Расположен на краю возвышенности правого берега р. Мерлы, в 580 м на северо-запад от восточного края Александровского водохранилища. Высота кургана 0,9 м, диаметр до 30 м. Насыпь состояла из плотного чернозема. Ниже ее шел слой погребенной

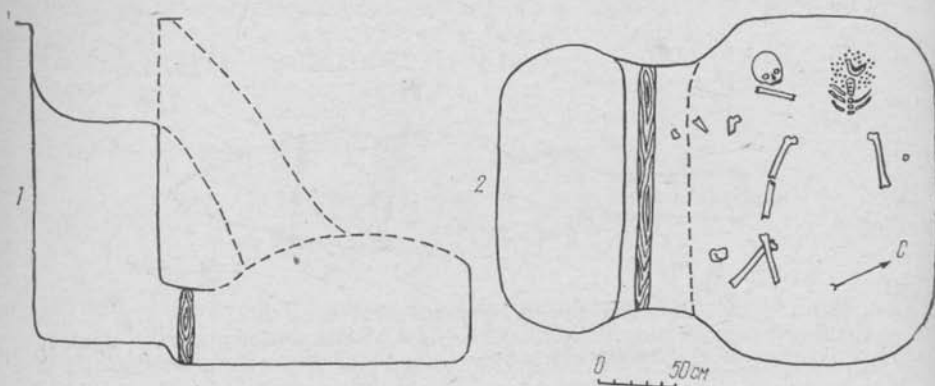

Рис. 3. Курган № 2 у с. Новый Мерчик:
1 — профиль могилы; 2 — план могилы

почвы толщиной 0,6 м, который подстилал бурый суглинок, переходящий в желтую материковую глину. При снятии насыпи на глубине 0,65 м показались глиняный выброс и пятно входного колодца, ведущего в катакомбу (рис. 3, 1). Входной колодец шириной 0,7 и длиной 1,8 м был вырыт вертикально от уровня погребенной почвы до глубины 2,25 м. В северо-восточной стенке у дна колодца был прорыт вход в катакомбу, отделенный от колодца ступенькой высотой 0,15 м. Длина входа 1,7 м, ширина 0,6 м, высота 0,7 м. Вход закрыт деревянной перегородкой. Вырытая в материковой глине погребальная катакомба размером 2,3×1,6 м была ориентирована по линии юго-восток—северо-запад. Свод обвалился, но стенки удалось проследить до высоты 0,7 м от уровня пола. Погребение ограблено в древности. Грабительский лаз был впущен точно в центр входного колодца, но не доходил до его дна. На глубине 0,9 м от уровня погребенной почвы грабители резко свернули в сторону и, пробив свод, проникли в катакомбу. Столь досконально знать устройство погребального сооружения и размеще-

ние в нем покойников могли лишь современники или даже участники сооружения кургана.

В грабительском ходе на глубине 2,1 м и в заполнении погребальной камеры найдено несколько мелких обломков лепного сосуда скифского времени. На глубине 3,2 м обнаружены лицевая часть черепа и ребро человека. Остальные костные остатки и вещи лежали на дне катакомбы на глубине 3,3 м от вершины кургана. Основным в могиле было погребение молодой женщины, положенной, видимо, головой на запад, но грабители нарушили правильное расположение костей, за исключением грудной клетки, которая была присыпана обвалившейся со свода глиной еще до того, как грабители проникли в могилу. Здесь среди костей найдено 37 полусферических штампованных золотых бляшек (рис. 2, 4), служивших украшением верхней части одежды или головного убора. Диаметр бляшек 0,6 см. С внутренней стороны они имеют припаянное круглое ушко. Ближе к входу обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы IV — начала III вв. до н. э. (рис. 2, 3), а недалеко от него лежал обломок колчана с остатками дерева, кожи и с отпечатком бронзового наконечника стрелы. В различных местах на полу катакомбы отмечены пятна краски бордового цвета, возможно, от ткани.

Погребение второй женщины, служанки или рабыни пожилого возраста, сохранилось непотревоженным на дне входного колодца, отделенного от катакомбы с основным погребением деревянным закладом. Эта женщина была положена в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Никаких вещей при ней не было, что, наряду с местом захоронения, свидетельствует о низком социальном положении погребенной.

Весь комплекс кургана впервые дает определенное подтверждение проникновения в конце IV — начале III вв. до н. э. степного скифского населения по Муравскому шляху в область ворсклинского левобережья.

Раскопки майданов.

Обследование местности у с. Новый Мерчик показало, что кроме курганов здесь есть и майданы. Они расположены на возвышенности правого берега р. Мерчик к северо-западу от Александровского водохранилища. Как известно, майданы до сих пор остаются еще во многом загадочными сооружениями, о возникновении и назначении которых высказывались самые разнообразные мнения. Обзор многочисленных статей о майданах, сделанный недавно В. П. Андриенко, избавляет нас от необходимости перечислять их, тем более, что многие работы уже устарели. Отметим лишь, что из двух основных теорий — В. А. Городцова о том, что майданы представляют собой курганы, раскопанные при помощи волокуш, и А. А. Спицына о том, что майданы возникли в результате деятельности селитроварщиков XVII—XVIII вв., — В. П. Андриенко поддержал вторую [1, с. 76]. Однако автор не располагал материалами новых раскопок, а опирался в своих выводах на общие соображения и сведения, полученные при разведочной

зачистке одного из валов майдана у с. Канавы на р. Орель. Поэтому важно было проверить убедительность сделанных выводов на материалах раскопок двух хорошо сохранившихся майданов у с. Новый Мерчик, которые мы имели возможность снести полностью, обследовав все их части.

Майдан № 1.

Центральную часть этого (рис. 4, 1, 3, 5) майдана образовывала кольцевая насыпь с внешним диаметром 47,5 м и внутренним

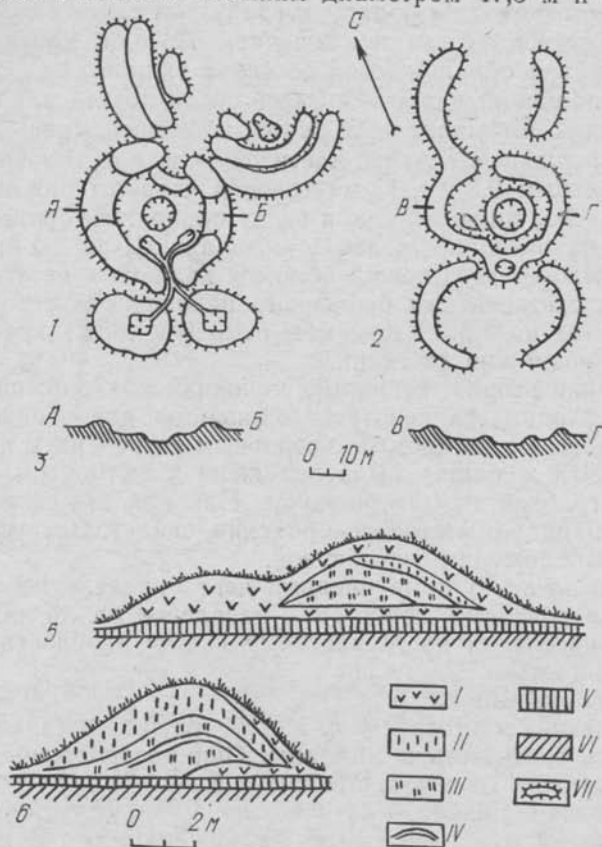

Рис. 4. Майданы № 1 и № 2:

1 — план майдана № 1; 3 — профиль майдана № 1; 2 — план майдана № 2; 4 — профиль майдана № 2; 5—6 — разрезы валов

Условные обозначения:

I — чернозем; II — чернозем с частицами глины; III — чернозем с большой примесью глины; IV — прослойки чернозема; V — погребенная почва; VI — материковый суглинок; VII — валы

28 м. Высота кольцевой насыпи над уровнем современной поверхности почвы колебалась от 1,4 до 1,65 м, при ширине основания 9,5—10 м. В центре майдана имелось углубление диаметром 8 м и глубиной 3,6 м. Почти в центре этого углубления была заметна

сравнительно свежая грабительская яма неправильной формы диаметром около 1,5 м. Выход из майдана находился на северо-востоке. Перед выходом поперек располагался еще небольшой вал высотой 1,2 м и шириной около 6 м, а справа и слева от выхода — по три серпообразных вала, или «уса», майдана. Северная группа валов имеет следующие размеры: длина по прямой 36, 35 и 16 м при ширине основания соответственно 9, 8 и 9 м. Высота этих валов от 2 до 2,4 м. Восточная группа серпообразных валов имеет длину по прямой 42, 33 и 11 м при ширине основания соответственно 10—6,5; 5 и 6,4 м. Высота их 2,3—2,4 м. Перед меньшей насыпью восточной группы имелась еще небольшая свежая выемка неправильной формы (длина 16, ширина до 6,5 м). Возможно, это остатки окопа. У южной части кольцевой насыпи майдана расположены еще два возвышения. Западное имеет высоту 3,8 и диаметры $22,5 \times 17$ м, а восточное — высоту 3,4 и диаметры $22,8 \times 19$ м. Эти древние элементы насыпей майдана использовались во время Великой Отечественной войны: здесь был оборудован, видимо, наблюдательный пункт. На западном и восточном возвышениях были сделаны четырехугольные ячейки, от которых к внутренней части майдана прорыты ходы сообщения, а внутри майдана вырыты две ямы. В последних найдены винтовочные патроны и гильзы.

Для выяснения происхождения сооружения важно было, прежде всего, определить, не является ли центральная яма остатком разрушенной могилы древнего кургана. С этой целью здесь был заложен прямоугольный раскоп площадью в 28 м², который вскрывали вручную, тщательно прослеживая все участки. После небольшого слоя илистой наносной почвы черного цвета, достигавшей толщины 0,4 м, по всему раскопу появилась чистая материковая глина естественного залегания. Она была прокопана еще на 0,3 м, но никаких остатков костей, дерева или других следов погребения здесь не обнаружено. Показательно и то, что на этом участке совершенно нет кротовин. Последнее также подтверждает, что могилы в центре майдана никогда не было. Неизвестные кладовщики довели воронкообразный ход до материка и также прекратили работу, убедившись, что здесь ничего нет.

В. П. Андриенко решительно утверждает, что боковые серповидные насыпи майданов представляют собой бурты селитроварщиков [1, с. 72]. Для проверки сначала были вручную сделаны два разреза этих насыпей, а затем их полностью срезали бульдозером. Выяснилось, что серпообразные валы у выхода из майдана насыпаны на погребенной почве, как и основная кольцевая насыпь майдана, а селитроварщики насыпали бурты на основании из плотно утрамбованной глины, чтобы предотвратить просачивание селитры в землю [1, с. 72]. Валы майдана состоят из черной супесчаной почвы с примесью глины, а для выварки селитры брали только чернозем. Кроме того, землю в буртах перелопачивали, добавляя песок, древесный уголь, шлак и т. п. Ничего этого в майданных валах нет. Залегающие на погребенной почве слои земли

и глины имеют правильное чередование с сохранением даже тонких прослоек и никогда с момента сооружения майдана не нарушались, никаких добавок в почву не вводилось.

Нет также оснований считать, что майдан образовался в результате применения волокуш при разрушении кургана грабителями могил. Все насыпи майдана, включая и серповидные валы, сделаны на одном и том же уровне погребенной почвы и, следовательно, одновременны. Перед выходом из майдана с внутренней стороны расположен поперечный вал, который мешал бы работе с волокушами. При разрушении могилы волокушами в серпообразные валы неизбежно попали бы обломки костей, дерева от перекрытия и другие остатки, но их нигде нет. Два возвышения у южной части кольцевой насыпи вообще не могли быть сооружены при работе с волокушами, так как они очень удалены от выхода из майдана, а узкий проход с южной стороны не пригоден для этих целей. Наконец, древние и современные грабители всячески старались уменьшить объем земляных работ во время грабежа могил. Для того чтобы ограбить курган, им достаточно было вырыть грабительский лаз или, в крайнем случае, сделать яму типа колодца. В данном же случае подсчеты показывают, что для устройства ямы в центральной части майдана необходимо вынуть не менее 136 кубометров чернозема и глины. Это нельзя объяснить ни деятельностью грабителей, ни потребностями селитроварения. Всего же при сооружении майдана было выкопано и перемещено около 5 300 кубометров почвы. При этом около 83 % грунта, преимущественно черноземного, доставлено со стороны.

Майдан № 2.

Расположен в 450 м к востоку от майдана № 1 и в 80 м к юго-западу от кургана № 2. Отличался лучшей сохранностью, так как не имел никаких поздних перекопов (рис. 4, 2, 4, 6). Его центральная часть имела две кольцевых насыпи. Внутренняя, диаметром 12,5 м, шириной 1,8—2 м, высотой 1,4 м, окружала круглую яму, плоское дно которой находилось на 1,9 м ниже уровня современной поверхности почвы вне майдана. Внешний кольцевой вал был удален от первого с востока на 4,5 м, а с запада — на 12 м. Высота его 1—1,2 м, ширина основания от 2,5 до 6 м, внешний диаметр 30—39 м. Выход расположен с северо-восточной стороны. В южной части вала имелся выступ и в нем яма размером 6×4,5 м и глубиной 0,6 м. Между первым и вторым кольцами с западной стороны заметна небольшая овальная насыпь высотой 0,55 м. Майдан № 2 имеет четыре серпообразных вала, расположенных попарно с северной и южной стороны, причем западный вал северной группы начинается непосредственно от кольцевой насыпи. Длина этого вала 37 м, ширина 8 м, высота 2,9 м. Парный восточный вал имел длину 28 м, ширину 8,5 м, высоту 2,6 м. Серпообразные валы южной группы имели высоту 1,2—1,5 м, ширину 5,5—6 м. Внешние концы их удалены от основного кольца майдана на 24 м.

Майдан № 2 раскапывался на снос с помощью бульдозера с временным сохранением контрольных стратиграфических стенок. Предварительно вручную была исследована круглая яма в центре. Ни в центральной яме, ни в насыпях майдана не было обнаружено никаких следов разрушенного погребения. Характерно, что издесь в глинистом дне центральной ямы отсутствуют кротовины. Насыпи сооружены одновременно на погребенной почве и состоят из супесчанистого чернозема с примесью глины в тех частях, для которых грунт брался из выемок. Первоначальное залегание слоев насыпей нигде не нарушено. Никаких культурных остатков в насыпях нет, если не считать одного фрагмента стенки лепного горшка, похожего по фактуре на сосуды скифской эпохи. Фрагмент был найден на глубине 0,8 м в восточной насыпи северной группы. Рядом с майданом на вспаханной почве сада встречались изредка мелкие фрагменты керамики скифской эпохи, в том числе обломки венчика, украшенного по краю зацепками и проколами. Серповидная форма северных и южных валов с изгибом во внутреннюю сторону, отсутствие выхода с южной стороны и следов перемещения земли вдоль насыпей свидетельствуют против того, что они насыпались при помощи волокуш. Это подтверждают и поперечные профили, в которых видно, что с внешней стороны валов склоны были более пологими, а с внутренней стороны — более крутыми. Нигде в насыпях валов не обнаружено никаких поздних предметов, следов кострищ, пережженной земли или вываренной почвы, что могло бы указывать на деятельность селитроварщиков. Для сравнения можно указать, что к востоку от кургана № 2 на краю той же возвышенности имеются остатки селитроварни, которые резко отличаются от майданов. Здесь наблюдается скопление беспорядочно разбросанных небольших насыпей и ям, на поверхности и в осыпях встречаются кусочки обожженной глины, древесные угли, выбросы пережженной комковатой земли, обломки сделанных на гончарном круге горшков XVII—XVIII вв. из сероватой глины с бурой росписью.

Таким образом, исследованные майданы производят впечатление построенных по единому плану сложных земляных сооружений, расположенных вблизи курганов и не имевших определенного хозяйственно-бытового назначения. Возможно, это были культовые комплексы, которые использовались для обрядов в период подготовки к совершению захоронений в курганах.

Список литературы: 1. Андрієнко В. П. Майдани і майдановидні споруди України//Вісн. Харк. ун-ту. 1971. № 62, вип. 5. 2. Багалей Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии//Тр. XII Археол. съезда. М., 1905. Т. 1. 3. Берестнев С. И. Работы Левобережной лесостепной экспедиции//Археологические открытия 1981 года. М., 1983. 4. Берестнев С. И. Раскопки курганов в Харьковской области//Археологические открытия 1980 года. М., 1981. 5. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961. 6. Михеев В. К., Моруженко А. А., Шрамко Б. А. Исследования в бассейне р. Мерлы//Археологические открытия 1974 года. М., 1975. 7. Моруженко А. А. Исследования в бассейне р. Мерлы//Археологические открытия 1973 года. М., 1974. 8. Моруженко А. А. Исследования в Харьковской

и Донецкой областях//Археологические открытия 1974 года. М., 1975. 9. Моруженко А. А., Косиков В. А. Работы лесостепной скифской экспедиции//Археологические открытия 1975 года. М., 1976. 10. Моруженко А. А. Исследования в бассейне Ворсклы//Археологические открытия 1976 года. М., 1977. 11. Моруженко А. А. Исследования в бассейне Ворсклы//Археологические открытия 1980 года. М., 1981. 12. Рыбаков Б. А. Древние Русы//Сов. археология. 1953. Т. 17. 13. Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині//Зап. Всеукр. Археол. комітету. К., 1930. Т. 1. 14. Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. К., 1977. 15. Шрамко Б. А. Могилиник у с. Павлюковка//Могилиники черняховської культури. М., 1979.

Поступила в редколлегию 29.10.86

А. В. КРЫГАНОВ

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ КОЧЕВНИЧЕСКИЕ СТРЕМЕНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VII—X вв.

В средневековых древностях Юго-Восточной Европы широко представлены стремена, являвшиеся важнейшим элементом кочевнической конской экипировки. Стремена не раз становились объектом исследования специалистов, однако главным образом рассматривался печенежско-торко-половецкий материал X—XIII вв. [5, с. 153—180; 8, с. 11—16; 3, с. 43—55]. Изученность данного вида конского снаряжения VII—X вв. из занятой кочевым и полукочевым населением степной и частично лесостепной зоны Восточной Европы ограничена попыткой выявить происхождение стремян, подобных найденным в Перещепино [1], а также типологией стремян салтово-маяцкой культуры [4, с. 167]. Работа А. К. Амброза, в которой предложена оригинальная система классификации материала, в том числе и восточноевропейского, посвящена более общей проблеме возникновения и распространения стремян. Ее верхний хронологический рубеж ограничен VIII в. [2].

Целью данной статьи является попытка выработать единую классификацию кочевнических стремян со второй половины VII в., т. е. со времени их появления в Восточной Европе, по X в., разделяющий в истории евразийских степей конец раннего и начало развитого средневековья. Источниковой базой для ее написания послужили сведения о почти пяти сотнях стремян, найденных в степной и частично лесостепной полосе Восточной Европы — от Поднепровья до Южного Урала.

В основу типологии рассматриваемого материала положен принцип выделения наиболее характерных сочетаний признаков или их групп. Поэтому вначале осуществлена классификация отдельных элементов стремян (рис. 1): ушек (I), корпусов (II), подножек (III, IV), орнаментации подножек (V, VI). Различные формы этих элементов (признаков) обозначены арабскими цифрами, а их группы — буквами. В принципе, данная система аналогична той, что предложена А. К. Амброзом [2, рис. 1], но наша таблица признаков несколько полней отражает раннесредневеко-

вый восточноевропейский материал, на основе которого она построена.

Самые ранние (вторая половина VII — первая половина VIII вв.) восточноевропейские стремяна из Поднепровья и Южного Приуралья представлены тремя типами.

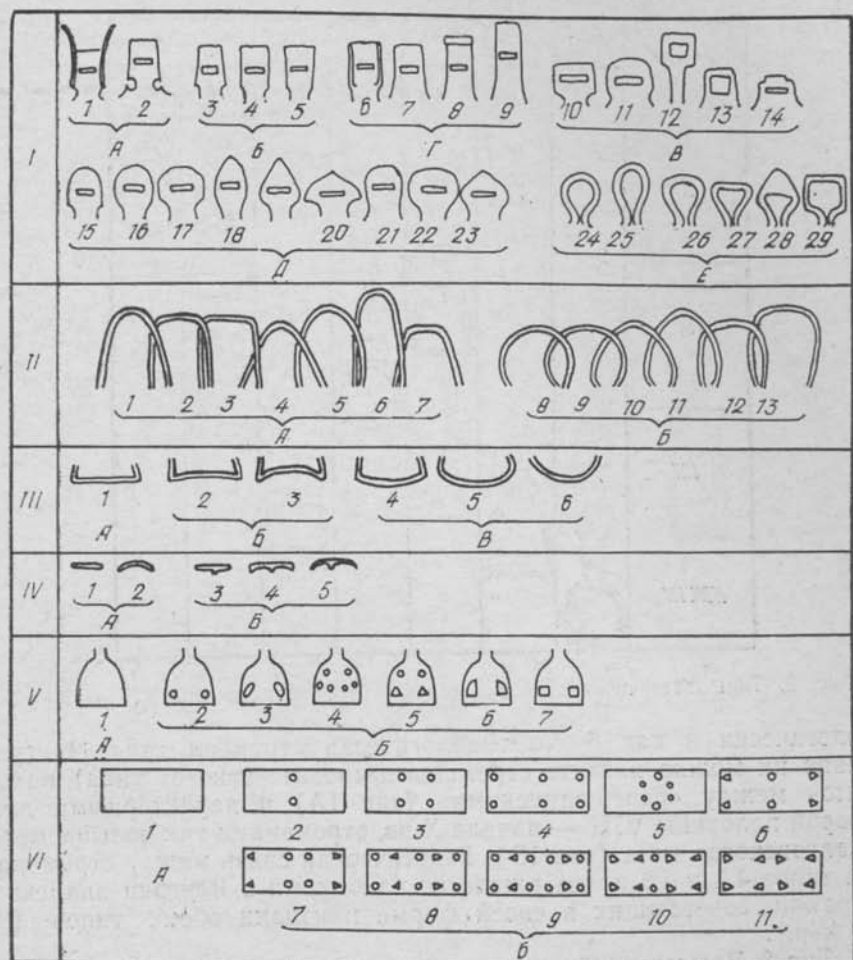

Рис. 1. Классификация отдельных элементов стремян

Тип 1. В начале эволюционного ряда стремян этого типа в Восточной Европе находятся округлые, с высокой пластинчатой петлей стремяна так называемого «перещепинского» типа (рис. 2, тип 1А; рис. 3, 1), генетически восходящие к дальневосточным образцам IV—VI вв. [1, с. 32]. Археологически они наиболее полно представлены в аварских древностях Венгрии [11, pl. III, 1, 2; IV, 1, 2, 6, 7; V, 1, 2, 5; VII, 2, 3]. Позднее второй половины

VII в. такие стремена уже не встречаются, однако в комплексах первой половины VIII в. появляются близкие им по форме экземпляры, имеющие в большинстве уже не круглый, а арочный корпус (рис. 2, тип 1Б). Их характерная черта — наличие фигурных перехватов между петлями и дужками (рис. 3, 2). Хро-

Тип Век	1			2	3	4	
	1А	1Б	1В			4А	4Б
X							
IX							
VIII							
кон. VII							

Рис. 2. Типы восточноевропейских стремян второй половины VII — X вв.

нологически и как будто типологически стремена типа 1Б (условно их можно назвать стременами «вознесенского» типа) находятся между «перещепинскими» (тип 1А) и характерными для второй половины VIII — начала X вв. стременами так называемого «салтовского» типа (тип 1В). Генетическая связь между стременами типов 1А и 1В подтверждается находками в Венгрии аварских стремян, сочетающих в своей форме признаки обоих типов [9, 57 кёр.].

Тип 2. Восьмеркообразные стремена. Впервые появились в VII в. [2, рис. 2], а в последующие два столетия они распространяются от Сибири до Дуная по широте и от Северного Кавказа до Литвы по долготе [3, с. 48]. Уже самые ранние восточноевропейские экземпляры (вторая половина VII — первая половина VIII вв.) различаются очертаниями дужек, формой подножек и их профилями (рис. 3, 4—6). В IX—X вв. бытование стремян второго типа в Восточной Европе становится уже архаизмом. В это время основным районом распространения восьмеркообразных стремян было Южное Приуралье, где их использование следует связывать,

видимо, не только с продолжением местных традиций, но и с влиянием из Сибири, где подобные стремена были очень популярны в раннем средневековье [7, рис. 24, 5, 9; 26, 12; 27, 80; 28, 5; 30, 61, 85; 33, 36; 35, 28]. В Поволжье и Подонье, будучи редчайшей находкой, восьмеркообразные стремена представлены фор-

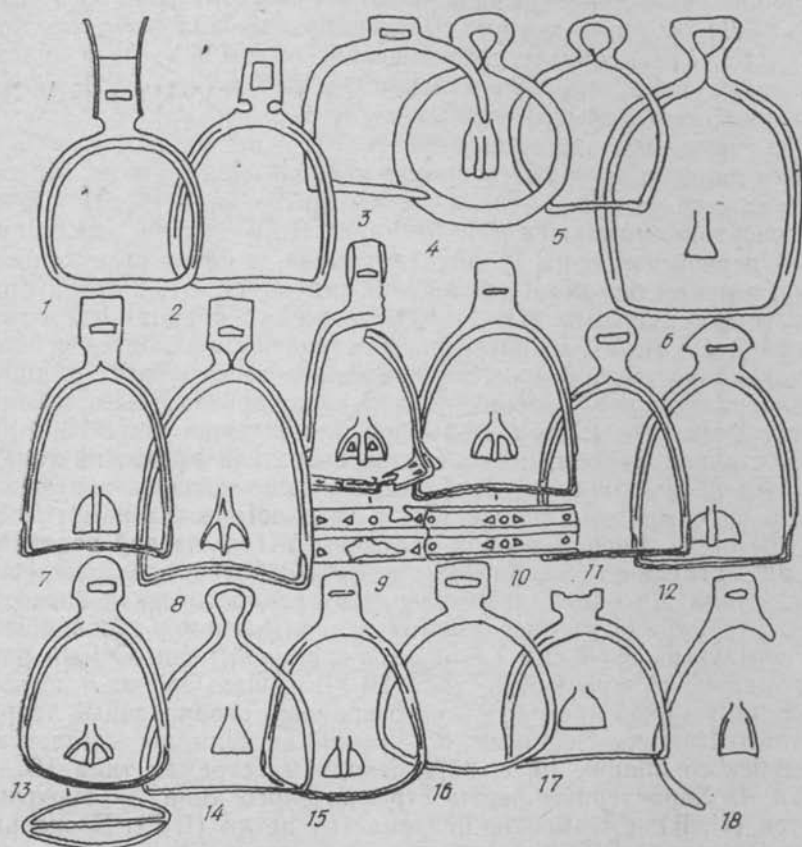

Рис. 3. Типы стремян:

1 — Перещепино; 2—4 — Вознесенки; 5 — Глodosы; 6 — Манянский могильник; 7, 10, 12 — Верхнесалтовский могильник; 8 — Красногорский могильник; 9, 10 — Сухогомольшанский могильник; 11, 13, 15 — Маяки; 14 — Больше-Тарханский могильник; 16 — Танкеевский могильник; 17 — Ямаши-Тауские курганы; 18 — Каранаевские курганы (1 — серебро; 2—18 — железо)

мами, сочетающими в себе элементы типов 2 и 1В (рис. 3, 14).

Тип 3. Четырехугольные, со скругленным верхом стремяна, имеющие прорези для ремней в невысоких выступах сверху дужек. Такая форма стремян характерна для XI—XIII вв. [5, рис. 8, 2; 9, 2; 10, 3; 14, 1, 4, 5; 15, 4; 16, 7; 8, с. 15]; для предшествующего времени экземпляр из Вознесенки (рис. 3, 3) явля-

ется уникальным, имея некоторое сходство с ранним стремянем с Северного Кавказа [7, рис. 62, 35].

Помимо восьмеркообразных, стремяна второй половины VIII—X вв. представлены еще двумя типами. Это, во-первых, стремяна «салтовского» типа (рис. 2, тип 1В), имеющие пластинчатые петли с более или менее выраженным перехватом, реже без него (I, Б, В, Д), арочные корпуса (II, А), прямые или вогнутые подножки (III, А, Б), обязательно имеющие жгуты (IV, Б) и иногда украшенные прорезной орнаментацией (V, Б; VI, Б). Несмотря на разнообразие форм различных элементов этих стремян (рис. 3, 7—12), какие-либо общие закономерности в их развитии на протяжении данного временного промежутка не фиксируются. Можно только указать, что стремяна с округлыми петлями (I, Д) и мягкими очертаниями дужек (II, 5) характерны больше для конца VIII — первой половины IX вв., а стремяна со слабо выраженным перехватом или без него у основания петель (I, В), с почти прямоугольными дужками (II, 2) и подножками с прорезной орнаментацией (V, Б; VI, Б) были распространены в основном в IX в. и в подавляющем большинстве найдены в лесостепном Подонье, в аланских и тюрко-угорских могильниках. Не вызывает сомнения тот факт, что местом формирования стремян типа 1В была Юго-Восточная Европа, поскольку ни восточней Урала, ни западней Поднепровья они не обнаружены. Малочисленность находок данного вида конского снаряжения в археологических памятниках Юго-Восточной Европы второй половины VII — первой половины VIII вв. затрудняет детальное прослеживание происхождения стремян типа 1В, однако формальная и хронологическая близость между стремянами «вознесенского» и «салтовского» типов позволяет считать их звеньями одной эволюционной цепи. Самый ранний комплекс со стремянами типа 1В (Большая Орловка) входит в круг памятников предсалтовского времени, ограниченный территориально Нижним Подоньем, но близкий по культуре комплексам вознесенского облика [6, с. 98] с находками стремян типа 1В.

Тип 4. Характерные черты стремян этого типа — округлые корпуса (II, Б) и невысокие приземистые петли (I, Г). Поскольку в Юго-Восточной Европе они появляются в уже сложившемся виде, представляется верным мнение об их происхождении от южно-сибирских округлых стремян [3, с. 47], широко распространенных в древностях азиатских кочевников-степняков VI—XI вв. [7, рис. 19, 23, 24, 71; 20, 17, 55; 28, 3; 30, 106; 35, 27]. Стремяна четвертого типа использовались многими племенами и народами от Южного Урала до Центральной Европы [3, с. 47], больше всего их найдено именно на Южном Урале и в Центральной Европе (Венгрия и сопредельные территории), где распространение таких стремян связывается с венграми [10, fig. 537—568; 12, s. 354—355]. В то же время стремяна четвертого типа очень редко встречаются в Поволжье и практически полностью отсутствуют в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья, если не считать подражания им с сохранением основных черт типа 1В (рис. 3, 13, 15).

Хронологические рамки бытования стремян четвертого типа в Юго-Восточной Европе ограничиваются IX—XII вв., и за это время их форма претерпела некоторые изменения. Более ранние (вероятно, середина IX—начало X вв.) экземпляры (рис. 2, тип 4А) имеют округлый, иногда даже горизонтально-овальный корпус (II, 8, 9) с круглой подножкой (III, 5, 6), чаще без жгутов (IV, 1, 2), невысокую, почти квадратную петлю с четко выраженным перехватом (1, 10, 12) (рис. 3, 16). В это же время (IX—начало X вв.) на Южном Урале использовались стремяна, сочетающие в себе признаки типов 4А и 1В (рис. 3, 17). В дальнейшем, приблизительно с начала X в., корпус стремян четвертого типа приобретает вытянутые грушевидные очертания (II, 10, 11), округлая подножка (III, 5) чаще снабжена жгутами (IV, 1, 4), петля становится еще более приземистой с едва заметным перехватом или без него (I, 11, 13, 14) (рис. 3, 18).

Типология восточноевропейских кочевнических стремян VIII—X вв. в значительной мере отражает их территориальное распределение: стремяна типа 1В господствовали в Подонье и на Северном Кавказе, а типа 2 и 4 — на Южном Урале. Это господство не было абсолютным, однако небезынтересно отметить характер тех памятников, где найдены не свойственные для данной территории типы стремян. Так, на Южном Урале больше всего стремян «салтовского» типа обнаружено в Стерлитамакском могильнике, несколько выделяющемся на фоне других южноуральских, ему синхронных, и весьма сходном по материалу с памятниками салтово-маяцкой культуры. В Подонье стремяна, близкие к южноуральским, найдены только на крупных степных памятниках (Саркел, Маяки) с довольно пестрым этническим составом населения. В Поволжье стремян вообще немного, и представлены они практически всеми типами, бытовавшими в Восточной Европе во второй половине VIII—X вв. Но на памятниках с преобладанием местного или восточного этнического компонента (Чишминский и Танкеевский могильники) доминируют стремяна, близкие к южноуральским (тип 4), а там, где отмечено значительное влияние со стороны салтово-маяцкой культуры (Больше-Тарханский и Новинковский могильники), доминируют стремяна, характерные для Подонья.

Итак, на востоке Юго-Восточной Европы господствовали стремяна с корпусами округлых форм, а на западе — арочные стремяна с прямой или вогнутой подножкой. Исследователями выделены две основные формы стремян, сложившиеся в раннем средневековье на территории всей Евразии. Одна представлена округлыми стремянами кочевого Востока, другая — треугольными («каролингско-викингскими») оседлого Запада [3, с. 43]. Типологически и географически как бы промежуточное положение между ними занимают стремяна «салтовского» типа, восточная граница распространения которых (не далее Урала) совпадает с восточным пределом бытования стремян угловатых форм. В то же

время округлые стремяна были известны не только на Востоке, но и в Центральной и Западной Европе.

Какой-то единой линии в развитии жестких конских ножных опор кочевников и полукочевников Юго-Восточной Европы со второй половины VII по X вв. отметить нельзя. Увеличение высотных пропорций, имевшее место в эволюции стремян типов 1 и 4, не было характерно для стремян типа 2. Показательно отсутствие единой стандартизации даже внутри каждого типа. Наличие большого количества промежуточных форм обусловлено, видимо, не только ходом развития, но и взаимовлияниями, быть может, существованием различных производственных традиций. И даже смена форм стремян, происходившая в Юго-Восточной Европе в X—XI вв. [5, рис. 2, 3, 4, 6; 4, 9; 8, 2, 3, 4, 8; 9, 1, 2; 8, рис. 1], не явилась отражением каких-то коренных изменений в способе верховой езды, а была обусловлена как причинами внешнего порядка (появлением новой волны кочевников с востока), так и стремлением к упрощению изготовления данного вида конского снаряжения.

Список литературы: 1. Айбабин А. И. Стремяна Перещепинского типа//Сообщ. Гос. Эрмитажа. 1974. Вып. XXXIX. 2. Амброс А. К. Стремяна и седла раннего средневековья как хронологический показатель//Сов. археология. 1973. № 4. 3. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973. 4. Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967. 5. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях//Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62. 6. Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга//Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1986. Вып. 27. 7. Степи Евразии в эпоху средневековья/Под ред. С. А. Плетневой. М., 1981. 8. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 9. Erdélyi I. Avar művészet. Budapest, 1966. 10. Hampel J. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905. Bd. II. 11. Kovrig I. Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les avars//Acta archaeologica hungarica. 1955. Vol. VI, N 1—4. 12. Ruttkay A. Waffen und Reiterarsrüstung des 9 bis zur ersteh Hälfte des 14 Jahrhunderts in der Slowakei: Bd. II//Slovenska archeologia. 1976. Bd. XXIV.

Поступила в редколлегию 29.10.86

Ю. П. ВОЛОСНИК,

В. М. ДУХОПЕЛЬНИКОВ, канд. ист. наук

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ ПО ВЫБОРАМ ХАРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА (1926—1932 гг.)

Деятельность Советов Украины получила определенное освещение в исторической литературе: приведен интересный материал, проанализированы отдельные аспекты советского строительства в республике в годы создания основ социализма [3, 5—7, 9, 10]. Вместе с тем деятельность столичного Харьковского горсовета освещена лишь фрагментарно, хотя назрела необходимость в фундаментальных, обобщающих исследованиях, ибо «рожденные революционным творчеством трудящихся, Советы народных депутатов прошли проверку временем, доказали свою жизнеспособность,

огромные возможности в осуществлении полновластия народа, объединении и мобилизации масс» [2, с. 55]. Необходимость фундаментальных исследований данной темы особенно важна сейчас, когда происходит перестройка всех сфер жизни советского общества. Демократизацию общества КПСС прежде всего связывает с перестройкой деятельности Советов.

В годы построения фундамента социализма с особой силой проявилась важность укрепления союза рабочего класса и крестьянства, вовлечения широких трудящихся масс в советское строительство, оживления деятельности Советов. Это были годы изменения социально-классовой структуры советского общества, острой классовой борьбы, развернутого наступления социализма.

В резолюции «О партийном строительстве», принятой XIV партийной конференцией РКП(б) 27—29 апреля 1925 г., подчеркивалось, что «основной директивой партии должно быть оживление Советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти...» [1, с. 175].

Важнейшей формой вовлечения трудящихся в управление государством являются избирательные кампании, ведь «выборы в Советы — это основная и общая проверка со стороны миллионных масс беспартийных рабочих и крестьян всей работы Советской власти и нашей партии» [1, с. 332]. В 1926—1932 гг. было проведено четыре избирательные кампании по выборам в Харьковский горсовет. Для этого была создана городская комиссия, а с 1928 г. начали действовать районные избирательные комиссии. Так, среди членов районных избирательных комиссий по выборам горсовета XIII созыва (1931 г.) 56,9 % составляли коммунисты, 13,8 % — комсомольцы [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 1а], в 1934 г. из 16 человек горизбиркома 13 были членами КП(б)У [12, ф. Р-1, оп. 19, д. 759, л. 2]. Социальный и партийный состав избирательных комиссий, руководящая роль коммунистов гарантировали классовый подход в подборе и выдвижении кандидатов в депутаты городского Совета.

Партийные организации, горсовет, избиркомы придавали большое значение агитационно-пропагандистской работе. Массовым тиражом издавались агитплакаты, бюллетени, наказы, отчеты о работе горсовета. Например, в 1925—1926 гг. было издано 4,5 тыс. экз. отчета о работе горсовета, а в 1931 г. только агитплакатов — 25 тыс. экз. [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 6, оп. 22, д. 1009, л. 8]. Депутаты Совета регулярно отчитывались перед избирателями. Такие встречи вызывали живейший интерес у избирателей, привлекали трудящихся возможностью непосредственно давать наказы депутатам. Если в 1927 г. в собраниях избирателей участвовало 42 тыс. чел., то в 1931 г. их число возросло до 200 тыс. чел. [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 583, л. 55; д. 886, л. 1; оп. 19, д. 759, л. 5, 16]. На собраниях, проходивших в обстановке высокой требовательности, критики и самокритики, трудящиеся активно обсуждали проблемы политической, хозяйственной и культурной жизни страны, практическую работу горсовета. На-

пример, в 1931 г. в прениях по отчетам депутатов выступили 6982 чел., из них — 1696 женщин [12, ф. Р-1, оп. 19, д. 759, л. 16].

Большую роль в привлечении трудящихся к выборам сыграли развернувшееся в 1929 г. социалистическое соревнование за лучшее проведение подготовительных кампаний к перевыборам, обеспечение 100 % явки избирателей на собрания, привлечение к выборам неорганизованного населения. Социалистическое соревнование развернулось между промышленными предприятиями и учреждениями города, городскими Советами Харькова и Баку, Червонозаводским районным Советом Харькова и Краснопресненским районным Советом Москвы, промышленными предприятиями Харькова, Москвы, Ленинграда, Киева и других городов [11, 1929, 3 сч.; 12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 12]. В период избирательной кампании 1931 г. в соревнование включилось 50 предприятий города, было организовано 493 ударные бригады. В этот период было подано 1862 заявления о вступлении в партию, 2818 — о вступлении в ряды ЛКСМУ, 7158 рабочих харьковских предприятий объявили себя ударниками [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 25].

В 1932 г. на Харьковщине зародилась замечательная традиция: на квартирах старых большевиков и кадровых рабочих В. М. Боданского, Л. И. Шкутова, О. И. Старшиновой и других проходили встречи рабочих с представителями партийных, советских и общественных организаций, посвященные подготовке к выборам в Советы [12, ф. Р-1, оп. 19, д. 759, л. 6].

Огромное внимание избиркомы уделяли составлению списков лишенных избирательных прав, куда заносились лица, живущие на нетрудовые доходы, бывшие белогвардейцы, служители религиозных культов, осужденные. Проведенная избирательной кампанией в 1931 г. проверка списка лишенных избирательных прав показала, что среди них 75 % были частными торговцами, 9,5 % — применяли наемный труд, 2,2 % — бывшими полицейскими, 4,5 % — служителями религиозных культов, 2,7 % — владельцами промышленных предприятий, остальные — домовладельцами и проч. [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 120—121]. Мероприятия по составлению списков лишенных избирательных прав ставили заслон проникновению в Совет чуждых элементов.

Одновременно парторганизация и исполком строго пресекали в работе избирательных комиссий администрирование, нарушения социалистической законности: в результате проверки избиркомов в отчетно-выборную кампанию 1928/29 гг. из их состава за различные нарушения было выведено 35 чел. На их место трудящиеся избрали передовых рабочих и служащих, активизировавших работу комиссий [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 583, л. 70—77].

Коммунистическая партия, Советское государство предпринимали шаги по дальнейшему расширению социальной базы советской демократии. Согласно инструкциям ЦИК СССР 1926 и 1930 гг. значительно сужался круг лиц, лишенных избирательных прав [8, с. 470, 484—485], с 1929 г. установлены единые нормы пред-

ставительства в Советы от всех категорий избирателей, в том числе и неорганизованного населения [4, с. 99]. Большая подготовительная работа дала положительные результаты, что ярко проявилось в высокой активности трудящихся во время избирательных кампаний, в росте явки избирателей на выборы: если в 1926 г. в выборах участвовали 55,2 % избирателей, в 1931 г. — 91,2 %, то в 1934 г. — уже 98 % [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 583, л. 113, оп. 19, д. 759, л. 22—23]. Наибольшую сознательность и организованность проявили рабочие крупных промышленных предприятий — ХПЗ, ХЭМЗ, «Серп и молот», ХТЗ, велозавод, «Свет шахтера» (в голосовании приняли участие 100 % трудящихся) [12, ф. Р-1, оп. 19, д. 759, л. 24]. Явка избирателей на выборы в Харькове в 1931 и 1934 гг. была на 9 % выше, чем в целом по Украине [9, с. 247].

Состав депутатов горсовета за годы социалистической индустриализации изменился не только количественно, но и качественно: если в 1927 г. рабочие составляли 60,4 % депутатского состава, то в 1931 г. — уже 72,7 %, возросло количество рабочих депутатов непосредственно от станка (с 43,4 % в 1927 г. до 61,6 % в 1931 г.) [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 37—40, оп. 19, д. 772, л. 6]. Среди депутатов Харьковского городского Совета были такие передовые рабочие, как Д. П. Авдюк, Э. М. Банчуков, П. Ф. Власов, Г. И. Великодный, М. А. Авотина, И. А. Шевченко и др. Увеличилась прослойка коммунистов и комсомольцев: если в 1927 г. среди депутатов было 44,2 % коммунистов и 6 % комсомольцев, то в 1931 г. — соответственно 53,2 и 8,7 % [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 2322, л. 37—40, оп. 18, д. 2321, л. 5—6, оп. 19, д. 772, л. 6]. Это свидетельствовало о высоком авторитете коммунистов, возрастании доверия масс избирателей к Коммунистической партии и Ленинскому комсомолу. Среди депутатов-коммунистов Харьковского Совета были такие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, как П. П. Постышев, Г. И. Петровский, О. Г. Шлихтер, Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь и др. Членами Президиума — руководящего органа горсовета — являлись депутаты-коммунисты Г. М. Бородай, И. А. Гитис и др. [12, ф. Р-1, оп. 18, д. 1327, л. 189, д. 1336, л. 214, д. 1328, л. 126, 131].

В политическую жизнь активно вовлекались и женщины: если в 1926 г. они составляли 23,1 % депутатского состава, то в 1931 г. — уже 27,7 % [12, ф. Р-1, оп. 19, д. 759, л. 27, оп. 18, д. 2322, л. 37—38].

Изменения в партийном и социальном составе членов и кандидатов в члены Харьковского городского Совета отражали социальную политику ВКП(б), направленную на дальнейшее укрепление органов диктатуры пролетариата, повышение роли местных Советов в выполнении задач социалистического и культурного строительства, вовлечение трудящихся в управление обществом и подготовку национальных кадров.

Итак, успешная организаторская и политическая деятельность Коммунистической партии и Советского государства в годы создания фундамента социализма (1926—1932 гг.) способствовала дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства, расширению социальной базы советской социалистической демократии, что ярко проявилось в дальнейшей демократизации избирательной системы, увеличении числа избирателей, росте их трудовой и политической активности. Результатом этого явилось политическое укрепление столичного Харьковского горсовета, других городских Советов республики.

Список литературы: 1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 3. 2. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 3. Барак Б. М. Про роль робітників України у зміцненні органів радянської влади на селі в роки масової колективізації//Пит. історії народів СРСР. 1968. Вип. 5. 4. Довгопол В. М. Дальше зміцнення і демократизація міських та селищного Рад УРСР під час перевірної кампанії 1928—1929 рр.//Пит. історії народів СРСР. 1969. Вип. 6. 5. Довгопол В. М. Про пожевлення роботи міських Рад на Україні в перші роки соціалістичної індустріалізації (1926—1929 рр.)//Пит. історії народів СРСР. 1967. Вип. 4. 6. Довгопол В. М. Участь робітничого класу України в перевиборах Рад у 1926—1927 роках//Вісн. Харк. ун-ту. 1966. Іст. сер. № 17, вип. 1. 7. *История государства и права Украинской ССР*. К., 1976. 8. Лепешкин А. И. Советы — власть трудящихся. 1917—1936. М., 1966. 9. Рибалка І. К., Довгопол В. М. Історія Української РСР. Епоха соціалізму. К., 1982. 10. Фрицький О. Ф. Про виникнення і розвиток деяких форм діяльності місцевих Рад і їх органів на Україні у 20-ті роки//Укр. іст. журн., 1966. № 10. 11. *Вісті: Орган Всеукраїн. Центр. Викон. ком.* 12. *Харьковский облгосархив*.

Поступила в редколлегию 30.11.86

Б. Г. ГОЛОВКО

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УССР (1921—1932 гг.)

Ранее мы рассмотрели положение рабочих отрасли в начальный период восстановления народного хозяйства республики [3, с. 101—107]. В данной статье продолжим исследование проблемы в восстановительный и реконструктивный периоды.

Переход к новой экономической политике, подъем экономики, улучшение материальных условий жизни населения создали предпосылки для численного роста и сплочения рабочего класса. Однако в работе по восстановлению численности рабочих сахарной промышленности УССР сразу же наметились определенные трудности. Так, рост численности рабочих отрасли в конце 1922 г. не отражал действительного положения в сахарной промышленности. Указанный рост проходил, главным образом, за счет сезонных, поденных и поденно-сезонных работников. Это создавало серьезные затруднения, поскольку считать их рабочими можно лишь с известным допущением. Примерно половина из них занималась на заводах, имея значительные земельные участки в деревне, т. е. работа на заводе не являлась для них основной, а служила лишь источником дополнительных заработков. Это в значительной степени размывало пролетарское ядро союза рабочих сахарной промышленности.

Важным фактором, повлиявшим на изменение численности постоянных работников, явилось сокращение штатов.

На совещании Сахаротреста и ЦК профсоюза рабочих сахарной промышленности в Киеве в июле 1922 г. было принято решение о том, чтобы штаты постоянных фабрично-заводских рабочих сахарных заводов не превышали 160 чел, а штаты по охране неработающих заводов — 30 чел. На этом же совеща-

нии была определена примерная численность рабочих на 1922—1923 гг. [8, ф. 6967, оп. 2, д. 19, л. 15].

На V съезде рабочих сахарной промышленности СССР (август 1922 г.) подчеркивалось: «Наметившийся с 1922 г. перелом в сторону возрождения сахарной промышленности может быть закреплён только при правильной организации труда в производстве. Сокращение добычи сырья и самого производства, главным образом, числа заводов, естественно, требует и сокращения кадров рабочих, из числа постоянных, обслуживающих заводы. При сокращении должен быть строго выдержан принцип — «сокращение рабочих-земельников, сохранение рабочих-пролетариев» [7, ф. 5463, оп. 6, д. 23, л. 17].

При проведении сокращения штатов в условиях новой экономической политики этот процесс способствовал регулированию численности постоянных рабочих при строгом учете, в первую очередь, интересов квалифицированных рабочих-пролетариев.

В конце 1922 г. — начале 1923 г. на 178 заводах количество занятых в отрасли рабочих уменьшилось на 7276 чел. [7, ф. 5463, оп. 6, д. 86, л. 20]. К октябрю 1923 г. на 137 сахарных заводах Украинской ССР работали 20091 рабочих, из них 7380 квалифицированных, 2610 женщин, 5702 чел. имели земельный участок [4, с. 36; 7, ф. 5463, оп. 6, д. 215, л. 2; 9, ф. 5826, оп. 1, д. 2257, л. 1]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что квалифицированные рабочие имели большой вес в сахарной промышленности, а это создавало благоприятные условия для скорейшего восстановления отрасли.

Особо следует сказать о применении в рассматриваемый период женского труда и труда подростков. Если в 1914 г. в сахарной промышленности работали 22371 женщина, а во всей ценовой промышленности Украины — 66849, то в конце 1923 г. — соответственно 2610 и 34201 [4, с. 18; 7, ф. 5463, оп. 6, д. 215, л. 20]. Данные свидетельствуют о значительном уменьшении доли женщин-работниц в отрасли по отношению к их общему числу в промышленности УССР. Такое положение можно объяснить несколькими причинами: ограничением применения женского труда на основном производстве, а также занятостью большинства женщин из числа постоянных рабочих на принадлежавших заводу сахарных плантациях, площадь которых в результате разорения и запустения значительно сократилась.

VI съезд рабочих-сахарников СССР (1923 г.) наметил ряд мер по вовлечению женщин в профсоюзную работу. В 1924 г. в профсоюзе сахарников был введен институт женщин-профорганизаторов [6, № 10, с. 2—3]. Большое количество женщин участвовали в работе клубов и заводских комиссий. На 1 декабря 1925 г. только членов профсоюза из числа постоянных работниц в отрасли на Украине насчитывалось 2576 чел. В ЦК профсоюза сахарников работали 2 женщины, в райкомах — 16, в завкомах женщины составляли около 6 % от общего числа работников, 223 участвовали в делегатских собраниях [7, ф. 5463, оп. 9, д. 14, л. 7]. Таким образом, по мере возрождения и дальнейшего развития отрасли улучшалось и положение женщин-работниц, активизировалась их общественная деятельность.

Основная цель использования труда подростков на сахарных заводах — подготовка будущих квалифицированных рабочих под руководством опытных мастеров непосредственно на производстве и в специально создаваемых школах фабрично-заводского ученичества. «Сохранение рабочей молодежи в производстве, — подчеркивалось на XI съезде РКП(б), — является необходимой предпосылкой дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры, развития промышленности Советской республики» [2, т. 2, с. 357]. Руководство профсоюза и отрасли приняло решение о том, чтобы доля подростков на заводах сахарной промышленности УССР составляла не менее 7 % общего числа штатных рабочих и служащих данного предприятия [9, ф. 2754, оп. 1, д. 207, л. 17].

Стабильный рост рядов рабочих отрасли (см. таблицу) объясняется упорядочением к этому времени работы предприятий. Резкое увеличение численности рабочих с 1928 г. по 1930 г. обусловлено значительными успехами сахарной промышленности — практически был достигнут довоенный уровень производства сахара. Одним из важнейших мероприятий, проводившихся в это время и существенно повлиявших на численность рабочих, была намеченная на VIII съезде рабочих сахарной промышленности СССР (1929 г.) пролетаризация профсоюза

и отрасли. Съезд постановил следующее: «Считать пролетаризацию главным принципом дальнейшего роста рядов рабочих отрасли. При ее проведении учитывать необходимость правильного сочетания профработы с интересами крестьянства. Поэтому необходимо поставить достаточно жесткие рамки для лиц, желающих работать в сахарной промышленности и имеющих свое хозяйство, вступить в профсоюз» [9, ф. 2754, оп. 1, д. 33, л. 2]. В результате к 1932 г. среди постоянных рабочих в сахарной промышленности Украины рабочих-земельников было менее 1 % [7, ф. 5463, оп. 8, д. 118, л. 4].

Динамика роста численности постоянных рабочих сахарной промышленности в 1926—1932 гг.

[7, ф. 5463, оп. 8, д. 320, л. 37—71]

Год	УССР			СССР		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
1926	24091	19910	4181	31110	25130	5980
1928	25878	20631	5247	32798	27005	5793
1930	47765	38112	9653	60061	44989	15072
1932	47968	38368	19600	67783	38517	29166

Большое внимание в рассматриваемый период уделялось работе с сезонными, сроковыми, поденными рабочими, составлявшими абсолютное большинство работников отрасли в силу своеобразия сахарной промышленности, тесно связанной с сельским хозяйством. Исходя из этого, ЦК профсоюза сахарников признал необходимым организовать секции сезонных рабочих. При работе с ними профсоюзом учитывалось их двойственное положение. С одной стороны, сезонный рабочий — крестьянин, имеющий

свое хозяйство, а с другой — рабочий, выполняющий несложную малоквалифицированную работу. В организации этого контингента рабочих прослеживаются три этапа: организация секции; стабилизация кадров рабочих, переходящих от одной работы к другой; из секции сезонных рабочих производится непосредственное пополнение отрасли и профсоюза. Организационно секция оформилась в 1923 г., так как до этого основное внимание уделялось созданию и укреплению пролетарского ядра отрасли. Необходимость в этой форме работы с сезонными рабочими отпала к 1926 г., когда сахарная промышленность начала развиваться быстрыми темпами.

Основная масса сезонных рабочих размещалась на Правобережной Украине. Это объяснялось наличием в данном регионе большого числа заводов и районированием посевов сахарной свеклы. К концу 1923 г. в секцию была вовлечена лишь половина этого контингента рабочих, что, конечно, затрудняло налаживание работы с ними (ликвидацию неграмотности, трудоустройство, устройство быта и т. д.) и ставило перед профсоюзом и руководством отрасли вполне определенные задачи по расширению своего влияния среди этих рабочих. Характерным для сезонных рабочих являлось отсутствие большого разрыва в численности между мужчинами и женщинами, который наблюдался у постоянных рабочих. Объясняется это тем, что на полевых работах, где в основном трудились сезонные рабочие, широко использовался труд женщин. В 1923—1924 гг. женщины составляли всего 1/5 общего числа сезонных рабочих, пролетарии — 34,2 %, имеющие усадьбу — 55,7 %, земельный участок — 10,1 % [7, ф. 5463, оп. 8, д. 24, л. 25—26]. Эти факты говорят о значительной пестроте состава сезонных рабочих, что значительно затрудняло работу с ними. Коренным образом положение изменилось только в 1926 г., когда в сахарной промышленности Украины число сезонных рабочих достигло 60825 чел. (80 % общего количества всех сезонных рабочих на сахарных заводах СССР). Это соотношение осталось таким же и в 1932 г., наблюдалась определенная стабилизация численности сезонных рабочих. Значительно сократилась непролетарская прослойка в их составе. Если в 1926 г. пролетарии составляли 69,1 %, а имевшие земельные наделы — 30,9 %, то в 1932 г. — соответственно 80,2 % и 19,8 % [7, ф. 5463, оп. 8, д. 320, л. 78].

Изменение соотношения в сторону увеличения численности сезонных рабочих, для которых работа по найму была основной, свидетельствовало об успешном проведении в стране коллективизации сельского хозяйства и о последовательности курса на пролетаризацию отрасли и профсоюза.

Существенное влияние на изменение численности рабочих сахарной промышленности оказывала безработица. Так, в начале 1923 г. в отрасли среди постоянных работников насчитывался 1421 безработный, к октябрю их число возросло в 2,5 раза, затем резко снизилось. Подобные колебания были характерны практически для всего рассматриваемого периода. Постоянными рабочими в основном были работники, обслуживающие производство сахароварения и рафинирования. После окончания этого производства мощности предприятий свертывались, и часть рабочих лишалась работы. В 1924 г. максимальный уровень безработицы приходился на апрель — 4400 чел. (12,6 % общего числа занятых). К началу производства и во время его уровень уменьшился вдвое (5,7 %) [7, ф. 5463, оп. 9, д. 66, л. 195].

В 1925 г. в отрасли насчитывалось 5 тыс. безработных, в 1926 г. — 2342 чел. (данные на конец года). По этим данным трудно судить о какой-то строгой зависимости в абсолютных цифрах. Что же касается относительного уровня безработицы, то, начиная с 1926 г., его удалось стабилизировать примерно на 7 % [8, ф. 8715, оп. 1, д. 117, л. 16]. Абсолютный и относительный уровень безработицы среди женщин-работниц был несколько выше, чем среди мужчин. Это объяснялось более низкой квалификацией работниц [7, ф. 5463, оп. 9, д. 66, л. 200].

Безработица среди сезонных рабочих была значительно выше. В 1926 г. было зарегистрировано 39784 безработных, но поскольку 75,6 % из них имели свои земельные участки, причем 50,9 % имели земли до 3 десятин, 15,6 % — свыше 3 десятин, то в случае потери работы на сахарном заводе они только числились безработными, а в действительности продолжали работу на своих земельных участках [7, ф. 5463, оп. 11, д. 271, л. 102].

Государственные органы и профсоюзные организации проводили большую работу по снижению уровня безработицы во всех группах рабочих. Главное ее направление состояло в том, чтобы безработные не теряли связи с заводом. С учетом квалификации постоянно организовывались работы, на которых можно было использовать труд безработных. Были установлены различные формы организации безработных в зависимости от того, на каком удалении от завода и завкома они проживали. Особо нуждавшимся профсоюз оказывал материальную помощь. Так, за первое полугодие 1925 г. было выдано пособий на сумму свыше 80 тыс. р. [4, с. 57]. На средства профсоюза во многих заводских поселках были открыты общественные столовые с бесплатной выдачей хлеба, безработные пользовались коммунальными льготами.

В 1929 г. в сахарной промышленности Украины было зарегистрировано 35 тыс. безработных, из них 957 постоянных, не имевших высокой квалификации [9, ф. 582, оп. 2, д. 1035, л. 122]. Основную же массу безработных составляли сезонные работники. Окончательно безработица в сахарной промышленности УССР была ликвидирована к началу 1934 г.

Таким образом, в рассматриваемый период в положении рабочих сахарной промышленности УССР произошли существенные перемены. В результате осуществления ряда мер по восстановлению и развитию отрасли численность этого отряда рабочего класса республики возросла в 1932 г. до 117746 работников. Число постоянных рабочих увеличилось более чем в два раза. Хотя в количественном отношении этот отряд не достиг еще уровня 1914 г., однако объем продукции в 1932 г. превысил довоенный уровень. Это свидетельствует о положительных изменениях в сознании рабочих, в их отношении к труду, отражает правильность социальной политики Коммунистической партии.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970—1982. 3. Головкин Б. Г. Рабочие сахарной промышленности УССР в начале восстановительного периода // Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 302. 4. Праця в УРСР. К., 1937. 5. Ежегодник сахарной промышленности. М., 1932. 6. Голос сахарника: Центральный орган профсоюза рабочих сахарной промышленности. 7. ЦГАОР СССР. 8. ЦГАНХ СССР. 9. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 30.11.86